

Василий Попов

**ИЗ ЖИВОТВОРЯЩЕЙ
КАПЛИ КРОВИ**

СУПЕР Издательство

18+

Василий Львович Попов

Из животворящей капли крови

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48675834

SelfPub; 2020

Аннотация

Кровавое сообщество путешествующее по миру пьет человеческую кровь наравне с вампирами. Но это не призраки потустороннего, от которых веет могильным холодом. Они современные, адаптированы к человеческому существованию. Эликсир под названием «знание» изготавливаемый на основе крови – смысл их жизни и долголетия. Сообщество поддается гонениям и преследованием, как людьми, так и настоящими вампирами жаждущими получить формулу «знания».

Не сгинет кровью умытый,

И возродится крови испивший.

«Пьеса», открывшаяся перед глазами Владимира, была знакома ему. Он знал ее сюжет, смысл и неминуемый финал. Он сам однажды был участником подобной постановки.

Все играющие знали свои роли и знали то, что означает финальная сцена для одного из героев. Кроме последнего – он играл вслепую. Он просто играл свою жизнь, точнее, жил ее, не подозревая, что все остальные играют на нее – на его жизнь. Точнее, на то, что связано с ней. Сама жизнь обесценивалась по мере приближения к финалу. Владимиру повезло: после подобных обесцениваний и обезличиваний ему сохранили жизнь. Жизнь запредельно долгую.

За столом две привлекательные молодые девушки и двое мужчин. Две сестры и брат гостят в доме жениха одной из них. Странность сестер вызывает недоуменные взгляды прислуги дома. Эта же странность остается незамеченной для самого хозяина.

Большой загородный дом, расположенный на скалистом берегу теплого моря. Беседка, обрамленная виноградником. Укрывшийся в скалах пляж. Белоснежный песок и прозрачная вода. Маленький рай в пятидесяти метрах от дома.

Кроваво-красный свет заката окрашивает зал, наполненный вялотекущей беседой о предстоящей свадьбе. Белоснеж-

ная скатерть, салфетки, платья женщин, рубашки мужчин – все становится красным в свете уходящего за горизонт светила. Только красное вино в бокалах просто темнеет.

– Майкл, налейте водки, устал от этой кроваво-красной кислятины! – Хозяин дома внезапно отставляет в сторону бокал с вином. Расплескавшиеся капли попадают на скатерть, темнея на белой материи красивым орнаментом. – Если я побуду хоть четверть часа на солнце, я превращусь в изюм....

– Милый, – взгляд будущей невесты полон чувств, – вино гораздо полезней водки.

– Вся жизнь состоит из стереотипов, кем-то навязываемых обществу... – он поочередно встретился со взглядами будущих родственников и пожал плечами. – Хорошо! Пусть это вино, но белое столовое. Я не люблю красный цвет – он напоминает о крови...

– Но кровь – смысл мира, – приятный голос Веры, сестры невесты, наполняет зал, радуя присутствующих. Владимир же, стоящий наверху, расстегивает при этом ворот рубашки. – Посмотрите, все вокруг пропитано ею: вся жизнь, весь мир, основы которого строятся на крови.

Сделав глоток белого вина, Павел посмотрел на говорящую с недоумением.

– И я не говорю о ней как о составляющей организмов живых существ, – Вера заставила нервничать всех мужчин в доме своим дрожащим тембром голоса, он, казалось, прони-

кал не только в органы слуха, но и в каждую клетку их организма. – Оглянись вокруг себя! Всё имеет свою кровь. Это яблоко, лист дерева, на котором вырос плод, и даже само дерево. Их сок – это кровь, она питает их, они не могут жить без нее. Лишившись ее, они вянут. Так во всём. Земля...

– Я понимаю ход твоих мыслей, Вера, – Павел, звеня касанием приборов о блюдо, нахмурился. – Но я маринист и востребованный, я пишу море, пейзажи. И в этом моя индивидуальность: я всеми силами «выжимаю» кровавый цвет из своих полотен. Закат солнца на них может быть каким угодно: зеленым или фиолетовым, даже грязно-серым, только не красным! Пусть кровь будет прозрачной, как у медузы, – еще один глоток бесцветного вина, – если она существует в ней...

– Но Вера, – раздался хриплый голос Георгия, словно из склепа (брат присутствующих здесь сестер), – нельзя так предвзято относиться к Павлу: может, в его жизни произошло несчастье, приведшее к подобному отношению... к крови.

Все перевели взгляды с бледного лица Георгия на Павла. Последний оглядел присутствующих и, бросив салфетку на стол, поднялся.

– Мне нужно работать. – Поднимаясь по лестнице, Павел оглянулся: – Я надеюсь на полуночный променад, Надя.

– Да, милый, – ее смуглая кожа побледнела до цвета кофе с молоком.

Сидящие за столом переглянулись между собой. На лицах

застыли улыбки. Майкл, обслуживающий стол, бледный лицом, сжал губы. Ужин заканчивался. Владимир отправился готовить Надю к прогулке.

*

– Ты не должен так реагировать. Моя сестра... – Надя перепрыгивала с камня на камень, держась за руку Павла.

– Твоя сестра нагоняет на меня тоску и уныние, несмотря на всеобщее восхищение ею. – Павел смотрел с неприязнью на кровавый горизонт. – Мое мнение перманентно – после общения с ней я не могу работать. Я простоял возле мольберта около часа и не смог сделать ни одного мазка... Это патология!

– Ты утрируешь, милый, – Надя поцеловала Павла, закрывая глаза, – и, несомненно, преувеличиваешь силу ее слов.

Павел, подняв на руки девушку, поставил ее на камень, уходящий в воду. Отойдя, посмотрел на невесту в тусклом свете луны, что разделил небо с остатками багрового свечения. Ее каштановый цвет волос отдавал медью в этом симбиозе. Сверкая, почернели карие глаза. Едва сдерживаемая тканью декольте платья ее большая грудь вздымалась в порывах дыхания.

– Ты сейчас бледна, как твой брат, но... прекрасна. – Павел запоминал инсталлированную им композицию, собираясь выложить позже на холсте, хотя лица и человеческие образы давались ему с трудом. – Что с ним, кстати, он болен?

– Георгий всегда был болезненным мальчиком, – Надя,

смеясь, прыгнула с камня, попадая в объятия жениха, – но иногда он удивляет своей внутренней силой, несмотря на кажущуюся слабость.

– Он всегда будет таскаться с нами? – Павел кивнул на Владимира, идущего по прибрежной гальке.

– Владимир? – она загадочно улыбнулась. – Это его работа....

– Надеюсь, он не ляжет с нами в кровать? – Павел бросил камень в воду.

– Нет, милый, – Надя сверкнула белоснежными зубами. – Хотя, наверное, очень хотел бы... – Она рассмеялась и побежала по лестнице, ведущей к дому.

Павел побежал за ней. А Владимир, хрустнув костяшками кулаков, отправился вслед за бегущей парой.

Луна скрывалась в тучах, утопая в них, как неумелая ныряльщица в беспокойном море. Светлячки зависли в соцветиях жасмина, аромат которого переполнял воздух.

Вряд ли кто-то мог подумать, поверхностно зная это семейство, что этим девочкам и их братцу в совокупности на троих около пятисот лет. Знал Владимир и еще несколько людей на этой планете. Но и все они, включая Владимира, долгожители по человеческим меркам.

Утро в загородном доме начиналось поздно. Хозяин, как личность творческая, не имел определенного распорядка дня. Прислуга подстраивалась под него. Гости позиционировали себя как членов высшего общества и позволяли себе

появляться только к обеду.

Все находились за столом, кроме хозяина.

– Где Павел? – Вера смотрела на прислугу дома. – Мы же не можем начать без него. Надя?

– Он ушел работать еще утром...

– Может, кто-нибудь позовет его?

Прислуга с немymi лицами ожидала распоряжений только хозяина.

– Владимир!?

Дверь мастерской была приоткрыта. Оттуда доносилась ругань. Владимир толкнул дверь. Атмосфера отчаяния заполнила кабинет художника. Владимир выдавил улыбку, увидев беспомощность Павла. Ему было знакомо это состояние – он испытал схожее потрясение лично.

Принадлежности художника были раскиданы. Павел сидел на полу, взгляд абстрагирован. На холсте – морской пейзаж. Море и прибрежная линия горизонта выполнены всевозможными оттенками красного. От розового и алого до бордового. Даже тонущий парусник, символизирующий здесь, видимо, смерть, был кровавого цвета.

– Bravo! – Владимир похлопал в ладоши. – Это шедевр... Правда, чуть-чуть недостаточно красного, но это мелочь.

Павел развернул к нему голову со включенными волосами.

– Я не понимаю, как это получается, – художник пожал плечами, – у меня нет красных красок...

– Это только подтверждает ваши профессиональные качества. – Владимир открытой ладонью призвал отчаявшегося человека: – Прощу к обеду, все собрались...

Павел остановился возле Владимира и процедил сквозь зубы:

– Ничего более циничного я не слышал в своей жизни! – Художник вышел.

Владимир, поднимая и разглядывая сломанные рамы, холсты с избытком красного, улыбался воспоминаниям.

Это было около века назад. Владимир – дворянин, блестящий офицер, – находясь в собственной усадьбе, принимал свою будущую невесту с ее матерью. Помолвка. Дворянский дом был огромен и вмещал большое количество знати. Родственники Владимира, однополчане...

Наконец-то! Все вздохнули свободно: Владимир был гуляка и отчаянный дуэлянт. При этом стрелок от бога. Помолвка, по мнению родителей и сослуживцев, должна была дисциплинировать молодого дворянина. На это надеялся и сам Владимир.

Надя со своей матерью, больше похожей на подругу, восхищали всех собравшихся в доме. Они расцветали от счастья в буквальном смысле слова: за неделю они помолодели. Но странным образом исчезли младшая сестра Владимира и двое слуг. Сначала Ольга, ссылаясь на болезненное состояние, не вышла к гостям, а затем и вовсе пропала. Обнаружилось исчезновение слуг.

Помолвка превратилась в черный праздник. Дом опустел. Уехали даже проверенные в боях офицеры. Остались только родители и прислуга невесты с матерью. Предки Владимира гасли на глазах.

Владимир высказал свои подозрения в лицо невесте и ее матери. Шок – девушки, а именно так они выглядели на тот момент, согласились «по всем пунктам предъявленного обвинения».

И в этот момент случилось необъяснимое: Владимир достал пистолет с намерением избавиться от двух существ, истребляющих его семью. Но он не знал, что с ним делать. С пистолетом! Он не мог понять, как он действует! Он смотрел с недоумением на револьвер, не раз спасавший ему жизнь, как на бесполезный кусок металла.

Две красивые, но ужасные смотрели на него с улыбками. Владимир отказался от помощи «фурий» вернуть ему утраченные способности, декларируя о своей самостоятельности. Они оставили его, чтобы прийти вечером и насмехаться снова.

Владимир сидел возле разобранных частей револьвера, лежащих на ковре, замерев статуей над ужасной головоломкой.

Еще два дня он слонялся по дому – от охотничьих ружей отца до своей личной коллекции пистолетов – в попытке осознать, для чего существует оружие и какие цели преследовали его создатели. За это время он потерял родителей.

В отчаянии он сдался этим женщинам...

Точно такое же отчаяние двигало сейчас и известным художником, чьи картины на рынке были востребованы и ставились на одном уровне с великими мастерами.

– Я вне себя от непонимания происходящего, – Павел описывал симптомы своего странного заболевания личному врачу, консультирующему его по телефону. – Я не растерял способность распознавать цвета, нет! Нет, доктор, я не дальтоник... Я пишу красным, которого нет в моей палитре, я его создаю из других цветов... Это цвет, который мне ненавистен, и вы знаете почему. Это отклонение!

Успокоительные речи врача вызывают нервный всплеск эмоций Павла. Он разбивает трубку телефона о стену. Вернувшись в компанию, он находит своих потенциальных родственников играющими в карты. Маски снобов на лице. Poker.

– Милый, ты болен? – взгляд Нади наполнен любовью.

– Да! – Ухмыльнувшись, он осмотрел присутствующих.

– Я предлагаю кровопускание. – Лицо Веры напоминало лицо взрослого человека, предлагающего леденец ребенку. – И напрасно этот метод, проверенный веками, считают...

– Вы с ума сошли!?! – голос Павла взвизгнул.

– Да, Вера! – открывая троечный сет, проговорил Георгий. – Это, в конце концов, какое-то средневековье... Я посоветую летаргический сон!

– М-м-м... Спящий красавец! – Надя, закуривая, взгля-

нула на Павла. – Как тебе, милый?

– Вы что здесь, все с ума посходили? – Павел вскочил, едва присев, и тут же медленно опустился.

– Врача! – закричав, Надя побежала к жениху.

Врач, знающий все темные уголки сознания Павла, рассказываясь на подлокотнике кресла, смотрел на пациента. Затем, убрав свои инструменты, сложил руки на груди.

– Необходима полная диагностика организма... – Он взглянул еще раз на показания, записанные в блокноте. – Хотя патологий я никаких не наблюдаю...

– Доктор... – начал Павел, но, заметив Владимира, осекся. – А ты что здесь делаешь?

– Ваши слуги, – лицо Владимира выражало сожаление несумевшего отпустить грехи служителя бога, – как-то болезненно себя чувствуют... Я их заменю.

– Что, все сразу?

– Да. Видимо, инфекция. – Владимир обратился к доктору: – Может, осмотрите их?

– Э то моя прямая обязанность! – Доктор поднялся. – Я завтра дежурю, Павел, на послезавтра назначим обследование...

Художник закрыл глаза, слабея. Он проваливался в теплые воды океана, которые в бессознательном оказались кроваво-красными, он тонул в них.

Придя в себя, он обнаружил возле постели Надю. Взгляд полон тоски.

– Мой милый, ты заставляешь меня нервничать! – она вытирала лоб Павла. – А мне нельзя – ты же знаешь, я в положении...

Павла сковал ужас – невесту и все окружающее он видел в красном свете. В ненавистном для него свете. Его затрясло.

– Как?

– Что, милый? – она улыбнулась. – А! Это репродуктивные способности женского организма...

– Как я буду писать картины, не различая цветов? – он приподнялся, зажмуривая глаза и снова открывая, пытаюсь избавиться от наваждения. – Я вижу все в красном... А-а-а, вы включили красные лампы!?

Павел поднялся и шатаясь подошел к окну. Но там, за шторой, его ждал очередной удар. Алые лучи солнца пробивались сквозь темно-красные тучи.

Следующее открытие глаз больного принесло облегчение: он увидел привычные сочетания цветов.

– И все-таки кровопускание, мой друг, кровопускание... – Вера передала шприц Георгию. – Говорю вам как врач: других, более эффективных методов медицина еще не открыла!

– Может, в качестве профилактики – летаргический сон? – Георгий с улыбкой невинного младенца смотрел на Павла.

– Об этом не может быть и речи! – Надя приняла большой шприц из рук Георгия, рассматривая с интересом кровь. – Мне мой милый нужен бодрым и свежим...

– Я должен работать! – Павел приподнялся, но порыв ограничился слабостью тела.

– Это исключено...

Все трое направились к двери.

– Ты, Павел, еще слишком слаб! Организму необходим отдых...

– А где мой врач?

– Он звонил – операция, очень сложный случай, – улыбнулся Георгий возле двери. – Заедет завтра.

– Позовите кого-нибудь из моих людей!

В дверях появился высокий силуэт Владимира. Тень, отброшенная им на потолок, напоминала образ демона. Но Павел не видел этого – он уснул, проваливаясь в кошмарные видения.

Владимир смотрел на признанного миром искусства гения и вспоминал свое падение...

Девочки очень быстро выжали кровь из него. «Выжатый лимон» – это самое точное определение. Двадцатипятилетний офицер стал похож на старика. Он сидел в кустах цветущей сирени возле собственного дома и смотрел, как веселятся два его злых гения в образе цветущих нимфеток. Он состарился за день. Он умирал, пуская слюни и мочась в парадно-выходные брюки. Триумф! Но молодой еще мозг, не тронутый маразмом, отказывался осознавать происходящие... И он жадно хотел жить. Тем более, что для него уже была предписана смерть. В бою. Как минимум на плахе.

– Он что-то там бормочет, мама! – Надя смеялась журчанием весеннего ручья.

Ее вчерашний жених журчал своим источником.

– Ну так послушай его, – Вера, смеясь, казалась еще младше своей дочери, – это же твой несостоявшийся муж!

Надя, зажав нос, спросила, что хочет Владимир. С губы сморщенного лица стекла слюна.

– Жить... – раздался едва различимый шепот.

– Он хочет жить!

– А ты этого хочешь? – Вера закусила ветку базилика.

– Ну... У него был неплохой потенциал...

– Ты сейчас о том, о чем я подумала?

– Ну и это тоже... – Надя надула губы, как ребенок.

– Зови скорее Владислава, а то он сейчас развалится!

Они подарили ему жизнь. Жизнь долгую. Настолько, что устаешь жить. Но продолжаешь, потому что с каждой каплей крови животворящей ты получаешь дополнительные ощущения. Эмоции, которые испытывал человек, отдавший свою кровь. И нет, не только те, что он испытывал непосредственно перед смертью, доставались и положительные. Но их необходимо было заслужить.

Вот и сейчас, глядя на признанного миром искусства мариниста, Владимир знал: в данный момент где-то в другой комнате вместе с кровью делятся эмоции гения: его взлет на пути к Парнасу, купание в лучах славы... А ему достанутся «смывки» – где художник ощутил себя снобом, уже насы-

тившимся всем тем, о чем мечтает простой смертный. А еще хуже он примет то, что скопилось в гении за последние дни.

Именно поэтому «выжатые лимоны» дожимались не до конца. Они издыхали где-то с тихим хрипом. Только в голодные невыносимые дни... Только в голодные невыносимы дни они падали, как мумии, без единой капли крови.

Следующая фаза работы с гениальным художником была очевидна. Сюжеты не менялись, менялись лишь декорации и участники.

Слуги надоедали, и их отправляли в мир иной. Владимир задержался в этом мире и являлся потенциальным претендентом на уход.

Павел появился на следующий день к обеду. Владимир обслуживал стол. Он знал правила этикета и все тонкости сервировки стола. Годы. Годы жизни давали колоссальный опыт.

Художник с недоверием взглянул на омара в креветочном соусе. А цвет красного полусухого несколько помутил его разум.

– Тебе лучше, милый? – Надя пристально взглянула на Павла.

– Я различаю цвета и считаю, это положительная динамика...

– Я тоже так думаю. – Георгий выглядел гораздо лучше, на его щеках появился румянец. – Признаю некомпетентность в вопросах медицины. – Он поклонился Вере.

– Да, мамочка, ты большой молодец! – Надя поцеловала мать в щеку.

– Это только начало... – Вера попросила добавки супа. – Неизвестно, как себя почувствует Павел в мастерской, может, придется продолжить терапию.

Павел, пристально глядя на нее, отодвинул от себя блюдо с куском красной рыбы. Поднялся и, ничего не говоря, пошел к лестнице, ведущей в мастерскую.

– Милый...

– Оставь его... – Ладонь Веры легла поверх кисти руки дочери.

Все, включая Владимира, переглянулись, когда через четверть часа раздался дикий вопль. Девушки бросились наверх. Вальяжно шагал по ступеням Георгий. Владимир замыкал шествие.

Павел сидел напротив мольберта. Огромное красное яблоко красовалось на холсте. Рама с точно таким же плодом валялась в стороне.

– Они идентичны... – Вера покачала головой.

– Неплохая копия. – Георгий поддержал пошатнувшуюся Надю.

– Это ты... – Павел с ненавистью посмотрел на Веру. – Это же все ты!

Георгий встал между ними.

– Обвинения должны быть обоснованы, мой друг, – Георгий серой сталью своих глаз смотрел сквозь Павла, – никак

не меньше...

– Это же ты, Вера, навязывая мне свой трактат о крови, упоминала яблоко, – Павел морщил лоб, словно вспоминал события десятилетней давности. – Все как в тумане, но я помню это...

Надя схватила Павла за руку. Вера покачала головой.

– Только терапия, только... Владимир, готовь его!

Сквозь бледность лица Павла можно было видеть болезненно выделяющиеся капилляры. Павел находился в бессознательном состоянии. Они слили с него немного – десертная порция для них и способность к существованию для Павла.

Владимир ощущал прилив бодрости, смешанный с незнакомым ему чувством. Он еще не распознал его, но понимал – этому он обязан Павлу. Вдыхая аромат ириса, доносящегося с улицы, он думал, как ни странно, о будущем. Мысли о прошлом утомили в процессе долгой жизни.

Георгий примкнул к ним на четверть века позже Владимира. Он заматерел, отлично играл необходимые роли и стал неплохим юристом, что было очень важно в их связке. Владимир из боевого офицера превратился в слугу. Но неплохо готовил из крови составляющую «знания», что было немало важно. Но с каждой разыгрываемой партией его шансы уменьшались – попадались люди грамотные и разбирающиеся во многих жизненных сферах. Ему приходилось много изучать.

«Век живи и век учись...»

Следующий полдень принес бурю эмоций. Болезненного вида Павел написал остров в океане. Шторм поглотил участок суши. Буря эмоций, что бушевала в художнике, отразилась на холсте.

– Прогресс, сумасшедший прогресс... – Вера стояла в мастерской, замороженная произведением – Еще пару сеансов, и вы вернете себе прежние гениальные способности.

Даже Павел поверил сказанному. Но возвращению гения предстоял краткий разговор, который потряс художника.

– Нет, вы действительно сошли с ума! – смех Павла был похож на хохот невменяемого человека. – Переписать на Надю поместье и даровать ей свои лучшие картины!?

Несостоявшаяся невеста закусила нижнюю губу. В глазах – непричастность ко всему происходящему.

Павел стоял на газоне летней лужайки поместья, на которой обычно проходили открытые обеды. Аромат соцветий карликовой вишни кружил голову девушкам. Голова Павла кружилась от услышанного. Георгий наслаждался красным продуктом испанских виноделов. Павел с ненавистью смотрел на это.

– А почему не всю свою жизнь? – услышав молчание в ответ на вопрос, продолжил маринист.

– Это было бы интересно, – Вера покачала головой, – но она стоит гроши сегодня... А завтра вы уже сами будете платить, чтобы хотя бы банально существовать.

– В конце концов, Павел, кто вы без умения творить? – Георгий постучал пальцами по бокалу, подавая сигнал Владимиру. – Или что?

Павел, осмотрев всех присутствующих, сорвался и побежал в дом. Через пять минут оттуда донесся крик отчаяния. Эхо этого звука согнало птиц с вишневых деревьев.

– Мне не нравятся его настроения... – Надя кормила мопса остатками полдника.

– Г лавное, чтобы выдержал его организм. – Вера взглянула на приближающуюся линию туч в небе. – Как было неоднократно: потрясения избалованных жизнью натур не оставляют им шансов, как, впрочем, и нам...

– Или склонность к суициду... – Георгий взглянул на часть светила, окруженного тучами, сквозь призму винного бокала. – Помните тот случай в Новом Орлеане?

– Владимир!?

– Да, госпожа...

Павел находился в мастерской. Верх отчаяния. Ужас в бегущих глазах. Grimаса мима, демона на лице. Разбросанные кисти, краски, поломанные рамы. Поднимающийся ветер треплет легкую занавеску и включенные волосы хозяина дома.

– Я не знаю, что с этим всем делать! – Художник поднял глаза на Владимира, одновременно указывая рукой на хаос в мастерской.

Владимир поднял один их холстов, сохранившийся на де-

ревянном каркасе, на нем хаотичные линии. Лицо Павла было бледным с оттенком зеленого.

– Что-то посоветуешь? – взгляд расширенных глаз изучал Владимира.

– Рекомендую принять их условия, – Владимир убеждал своим спокойствием и тихим голосом, – и они оставят вам жизнь. – Он протянул холст с мазней Павлу. – Что ваши картины, поместье, финансы, когда вы будете лежать под толстым слоем земли и газона. Признание? Хм-м...

– Не лишено логики, – Павел отбросил в сторону холст. – Продолжайте!

– Оставленное ими вам мастерство и пережитые здесь эмоции подарят миру новые гениальные творения, – Владимир пожал плечами. – Ну и опять же – жизнь...

Он оставил его – полуживого, полугениального – в хаосе своей мастерской.

Поместье заволокли тучи. Стучал в окна набирающий силу дождь. Возле камина кутались демоны с человеческими лицами. Они планировали свой следующий шаг. Обсуждали будущую жертву. Его недвижимость. Ликвид.

– Владимир?

– Да, госпожа, – он склонил голову, войдя.

– Как он? – Надя, ежась от холода, смотрела на языки пламени.

– Завтра. – Владимир потер дрожащие руки. – Я думаю, это произойдет завтра...

– Ты уверен? – Девичье лицо Веры с трудом сочеталось с мудростью ее глаз.

– Мой опыт говорит, – Владимир кашлянул в кулак, – что Георгию пора готовить бумаги...

– Ну и отлично! – Георгий вскочил, глядя через окно на непогоду. – Давайте раскурим кальян, я устал от этой плаксивой серости!

– Не стоит, моя девочка... – Вера обняла вздыхающую Надю, целуя ее в голову. – Каждый раз ты оставляешь частицу себя с ними. Мне больно смотреть на это...

– Может быть, это милосердие?

В ответ раздался противный смех Георгия, заглушающий дождь. Владимир до хруста стиснул зубы.

На холсте свежел красками пейзаж. Впервые не морской. Хотя, может, частично – в видении творца... Из-под кисти Павла «вырвался» вид из окна, которое не выходило на море.

Павел видел, как демоны покидали уже чужое для него поместье. Две черные машины разрезали пространство цветущей зелени. В небе светило, вращая лучами, тонуло в тучах. Художник поменял местами землю с небом – в черном море утопало кровавое солнце, в грязно-зеленом небе парили демоны. Впервые Павел ассоциировал себя с кровавым светилом.

Это было последнее его полотно. Произведение уйдет с молотка аукциона Sotheby's за рекордную сумму как картина неизвестного художника.

За последние два века высший свет планеты столкнулся с чередой странных убийств и исчезновений членов элитарной прослойки общества. В большинстве случаев трагедии сопровождались отчуждением частной собственности, следы последующих владельцев которой терялись в цепочке перепродаж недвижимости, оставляя лишь кровавые отпечатки убийств. Жертвы – подставные лица.

Паника, проникшая в ряды богатых слоев и сословий, привела к созданию ячейки общества, которая предложила формирование и финансирование группы лиц, занимающихся расследованием этих резонансных дел. Это было полвека с лишним назад.

Результат в проведенной работе фактически отсутствовал. Отдел периодически закрывался из-за своей нецелесообразности. Спустя время открывался вновь ввиду прогрессии преступлений и следующей за ними новой волны паники.

Обновляемый состав группы начинал расследование с рутинной работы – изучения материалов убийств вплоть до вековой давности. Компьютеризация и общая база данных облегчила работу. Но образование оффшорных зон усложнило поиск и работу в целом. Но высшая каста, в чьих жилах текла «голубая кровь», буквально требовала остановки кровопролития. Фактически не осталось богатых семей, кого не тронула хотя бы косвенно эта кровавая «чума» за несколько

столетий.

Александр – следователь в третьем поколении. Как преданный сын своих предков и их желаний отучился и стал лучшим в оперативно-разыскной работе. Но его потенциал развалился после нескольких скандалов, связанных с расследованием коррупции среди высших чинов власти.

Он охладел к работе. К семье и к жизни в целом постепенно терял интерес. Появились предрассудки и зависимости. Свои финансовые пробелы Александр закрывал участием в «кривых» сделках.

Анастасия уходила от него. Не в первый раз. И не в первый раз он провожал ее полным отсутствием эмоций. Они отмирали, как ненужные клетки организма, способного существовать без них.

На столе безответно мигал вызовами телефон. На этом же столе покоились обутые ноги Александра. Сюда же прилетел и подарок на годовщину знакомства – золотая цепочка с кулоном.

– Что б я еще раз вернулась к тебе... К твоим «бесцельным стремлениям» и своим неоправданным ожиданиям? Нет! – визг Анастасии глушился расстоянием и полужакрытым проемом двери. – Да я лучше покроюсь мхом в офисном планктоне и случайных половых связях! Это хоть как-то «адренинит»...

Александр улыбнулся мысленной инсталляции падения подруги жизни. Он глотнул алкоголя и закрыл глаза.

– В тебе жизни – ноль, ты умер там, в тех закрытых делах, покрылся в них пылью, – голос «уходящей» стал громче, она гремела сборами. – Ты абсолютно не умеешь проигрывать. Не можешь пережить переживаемое, а это одна из главных черт потенциального неудачника...

– Да что ж ты, сука, не уйдешь-то никак!?

Александр поднялся. Анастасия, оставшись с чемоданами на площадке, еще долго колотила в дверь и что-то кричала на весь подъезд...

Александр релаксировал в прежней позе, сопровождая расслабление глотками недорогого алкоголя.

– Да... – он все-таки отреагировал на телефонный звонок.

– Ты был там?

– Да...

– И как прошло?

– Всё как обычно.

– Отлично! На звонке...

Повторная вибрация телефона мешала расслаблению.

– Алло...

– Александр Сославский? – голос удивил мягкостью и странным акцентом.

– В принципе, да...

– У меня к вам предложение, – голос мужчины убеждал.

– Надеюсь, не руки и сердца? Еще всё так свежо...

– Нет. Я традиционен...

– А в чем смысл? – Александр взглянул в темноту жидко-

сти бокала.

– Традиционности?

– Нет. Предложения?

– Обсудим это при встрече.

Он был определенно традиционен. Классический стиль одевания и манера вести диалог. Тронутые сединой виски, галстук, трость и кольцо с большим бриллиантом. Отрезанный кончик сигары и зажигалка, поднесенная рукой из ниоткуда взявшегося человека. Все это интриговало.

Интриговала и осведомленность собеседника в положении дел Александра. Заинтересовало само предложение неординарностью потенциального расследования. Масштаб преступления и другие детали.

– И все-таки, почему я? – Александр отказался от предложенного коньяка.

– Рекомендации, рекомендации... – развел руками собеседник.

– Насколько понимаю, чьи они, нет смысла спрашивать? – Александр, поднимаясь из-за стола, спрятал визитку в карман. – Я подумаю...

Прощанием стал клуб дыма сигары, пущенный вверх.

*

Следующей потенциальной жертвой стал профессиональный актер, снявшийся в нескольких блокбастерах. Звезда закатывалась за небосклон славы – он уже не был востребован, но все еще богат и переживал недавний развод с очередной

пассией. Алкоголь и наркотики – как утешение.

Поглотители финансов и человеческой крови терзали богему. Все дело в преследовании. Не в первый раз Вера ощущала тревогу. Присутствие сильного врага. Сказать больше – организации. Признаки проявления которой наступали сразу после очередной партии, разыгранной именно с представителями богатых династий. Привилегированная каста. Именно после атак на их финансовые структуры кто-то настойчиво шел по их кровавому следу. Это угнетало и мешало работать. Мешало тем, что эта организация не единственная, кто представлял опасность для них.

Представители глянцевого обложки были также богаты и очень часто одиноки – оторваны от родственников ввиду собственного снобизма. Проблема – минимум точек для предварительных манипуляций.

Дом актера погряз в разврате. Поэтому киноидол не был удивлен появлению двух красивых девиц и их «сутенера».

– Оставляй обеих до утра! – Стоя в халате возле бассейна, звезда кинематографа был похож на погорельца, оставшегося в тапках и халате возле потушенного очага пожара. Он еще раз взглянул на девочек. – Хотя лучше позвони – я, может, и продлю...

– О, Дональд! Как не стыдно? – Вера шагнула к актеру. – Это же я, твоя киса!

Пятидесятилетняя звезда уже, видимо, давно отыграл «в кошки-мышки» – недоумение застыло на его лице. Услы-

шанная фраза рвала его память, но безрезультатно. «Киса» пришла на помощь.

– Канны, два года назад... Отель, белый танец и кольцо с бриллиантом как зарождение будущих отношений, – Вера с грацией в осанке двигалась к Дональду, – объятья на балконе в лучах восходящего солнца, ноты черники в бокалах вина...

Натиск ошеломил актера. Он снял очки для зрения и надел солнечные. Словно спрятал за ними весь стыд своей жизни.

– Сюзанна...?

Вера приближалась. Дональд отступал к бассейну. Догадка мелькнула на его лице.

– Виктория?

Атака продолжалась. Пути к отступлению отсутствовали – позади бассейн. Взгляд Дональда обращен к Наде и Георгию. Те пожимают плечами.

Выход из положения Дональда пришел вместе с выходом из-под воды головы в солнцезащитных очках.

– Киса! Мы можем продолжить разговор в гостиной, это гораздо удобнее, – с бакенбард Дональда стекала вода. – К чему этот радикализм? Ты и твои друзья...

Вера уже шла в дом, не обращая внимания на торчащую из бассейна голову. Надя и Георгий, выждав паузу, последовали за ней. Их чуть не сбили полураздетые падшие женщины на входе.

– Дональд, Дональд... – визжали жрицы любви, подбегая

к выбиравшемуся из бассейна актеру.

Ничего не понимающий Дональд отмахнулся от них, как от назойливых мух. Он приземленной походкой семенил в дом. Закрыв процессию Владимир с чемоданами в руках.

Дональд несколько расстроил планы кровавой четверки. Во-первых, он несколько свел с ума Веру, что не имело прецедента в прошлом. Во-вторых, его кровь была настолько пропитана алкоголем и наркотиками, что раствор не то что не имел нужного эффекта, он попросту не получался. Они питались запасами, находящимися в мобильном холодильнике. Но это был консервант, продлевающий существование. Эффект омолаживания организма давал свежеприготовленный продукт.

– Ты уверен, что все правильно делаешь? – Георгий нервничая ходил по гостиной.

– На все сто! – Владимир грелся возле камина.

– А ты? – Георгий взглянул гневно на Надю.

– А мне-то зачем обратный эффект? – девушка выражала всю степень недоумения на лице.

Надя добавляла в состав раствора несколько капель известной только ей с Верой жидкости. Это был их гарант. С кровью и остальными препаратами возились другие. В данный момент -Владимир.

– Тогда ты должна поговорить с матерью! – Георгий перешел на повышенный тон, вызывая внутренний гнев Владимира, успокаиваемый только взглядами карих глаз Нади. –

Что с ней происходит, в конце концов?

– Я не помню ее такой со времен... – Надя напрягла память и махнула рукой. – Неважно уже, с каких времен...

– И что нам делать? – Георгий едва справлялся с нервной тряской.

– Есть еще повар и приходящий раз в три дня садовник. – Владимир проявлял спокойствие, по крайней мере внешне.

– Но это не выход из положения! – взвизгнул голодным псом Георгий.

– Из какого положения? – раздался звонкий голос Веры. – Добрый день, мои хорошие...

Она спускалась по лестнице, держась за перила и слегка пошатываясь. Она не была пьяна. Точнее, она была пьяна, но пьяна от любви.

– Мама...? – Надя улыбнулась.

Георгий не успел высказать своих претензий – в поле зрения попал актер. Дональд на ходу поправлял одежды. Он спускался с видом альфа-самца большой стаи бабуинов. Его внешний вид был несколько потаскан. Но глаза его светились чем-то запредельным. Можно применить такой эпитет – божественным.

– Вояж, Вера, непременно морской вояж! – его голос гремел, подтверждая статус члена стаи, указанный выше. – Меня всегда тянет в море в состоянии влюбленности.

– Как быстро меняются люди... – едва слышно пробормотал Георгий.

– И там не будет всех... твоих родственников, – Дональд бросил ненавистный взгляд на Георгия, усаживаясь за стол. – Кстати, почему не всю свою родню ты притащила ко мне в дом?

Владимир мысленно умножил количество брачных контрактов, очевидцем которых он был с учетом его вековой службы. Родственники в его проекции стоя заполнили площадь дома. Владимир выдавил улыбку, вызывая гневный взгляд Георгия.

– Ммя... – Вера закатила глаза, вызывая недоуменные взгляды «родственников».

– Что у нас на обед? – гремел альфа-самцом Дональд – не осталось и намека от того озябшего пингвина возле бассейна. – Я голоден и проглотил бы быка!

– Оставь мне спинку... – Вера, мурлыкая, влюблено смотрела на актера.

Георгий, вскочив, выбежал. Владимир обслуживал стол, ловя взгляды Нади. Флюиды заполнили атмосферу вместе с запахом специй.

Георгий вернулся к десерту. Сладкая парочка скрылась в спальне.

– Неужели это ревность?

– Надя, не смешите меня! – Георгий искренне улыбнулся. – Мы не можем выходить за временные рамки, и вам это известно не хуже меня. Нам дышат в спину!

Владимир пил горячий шоколад, рассматривая кричащие

образы звезды в рамках на фронтальной стене гостиной.

– Мама знает об этом. – Надя задумчиво смешивала мороженое с кленовым сиропом. – Возможно, это и есть причина ее легкого помутнения.

– Легкого? – Георгий взвизгнул, но, опомнившись, опустился на стул.

Вера единственная обладала тем мощным гипнозом, который позволял беспрепятственно сливать жертвенную кровь. Со звездой это было сделано дважды. Во время второго сеанса Вера «отпустила» актера, что привело к определенным трудностям.

Вера нервничала. С ней нервничали все. Всё было взаимосвязано. И все помнили, к чему приводили ошибки в прошлом. Где-то болтались по свету озлобленные неугомонные мстители. Кровавые мстители.

– Нам необходимо забрать все наркозапасы этой парочки, очевидно же – Вера неадекватна и это ей мешает. – Владимир растер пальцами обнаруженную на рамках фотоснимков пыль, – Что, кстати, она предпочитает последнее время?

– Опиаты, – Надя пожала плечами, словно речь шла о зефире к вечернему чаю. – А если всё в спальне?

– Они купаются каждое утро... – Георгий с оттенками ненависти фыркнул. – Это наш единственный шанс!

В отсутствии возможностей манипулировать при помощи гипноза повар был банально забит и обескровлен. Следующее утро было удачным.

Дональд вопил на весь дом, заглушая Freddie Mercury и его «Шоу». Обратная эволюция от альфа-самца породила улыбки на лицах.

– Такая деревянная шкатулка! – Он прыгал, как капризный ребенок.

Он валялся в ногах Веры, подозрительно быстро пришедшей в себя после принятия крови. Георгий торжествовал. Надя занималась макияжем. Владимир – остатками субстанции, приготовленной из крови повара.

Как источник крови кинозвезда уже никого не интересовал. Манипуляция на его пристрастиях дала нужный эффект. Закрывшись в кабинете, Георгий составлял бумаги. Владимир собирал чемоданы. Женская часть сообщества тоже готовилась к дороге.

Они уезжали в ночь. Владимир с девушками вдыхали аромат магнолии на парковке поместья в лучах заката. Георгий задерживался. Он был тщеславен и мстителен.

Находящаяся в наркотической эйфории кинозвезда не ощущал боли. Георгий старался изо всех сил. Он оставил хлюпающее остатками крови тело возле окропленного белого рояля.

*

Приграничная Чехословакия. Навигатор привел Александра в замок. Он опоздал к назначенному часу. Парковка забита автомобилями разного класса.

Команда человек двадцать. Основной костяк из десяти че-

ловек специалистов, остальная часть людей – с явными навыками военных.

Короткий брифинг по поводу реорганизации, ротации кадров и в финале – знакомство.

Тот же человек, тот же бриллиант, тот же запах табака. Та же убеждающая манера ведения разговора. Озвученные индивидуально гонорары заставляли смотреть говорящему в рот. Проекция выдает лица четверых предполагаемых преступников.

–... Безнравственные, безжалостные, – клуб сизого дыма растворился в проекции, – пролившие количество человеческой крови, аналогичное пролитой в среднем военном конфликте. – Бриллиант блеснул в темноте, притягивая взгляды немногих. – Генрих – ваш консультант. Дополнительная информация в базе данных. Возможности ваши безграничны. Поддержка почти на всех уровнях. Все вопросы через моего секретаря. – Грузное тело в дорогом костюме поднялось. – Кажется, всё. Да поможет нам бог!

Александр навскидку определил занятость основной группы и мысленно распределил их роли. Ошибся на двадцать процентов. Все произошло из-за синеглазой шатенки – не вписывалась в состав и принадлежность. Как-то слишком манерно пила машинный кофе, морщась вкусу.

– Тоже тяжело входите в состав новой группы? – Александр ощутил аромат бергамота и цитрусовых.

–В принципе, нет, – шатенка пожала плечами, – спасает

моя коммуникабельность.

Тело гимнастки, оставившей спорт. Взгляд карьеристки, оставившей двух мужей из-за этой же карьеры.

– Александр.

– Александра! – она улыбнулась и легко коснулась протянутой руки. – Аналитический отдел.

– Опоздал, – Александр улыбнулся в ответ. – Не знаю пока, какой отдел...

– Ваш акцент... – блеск синих глаз. – Вы русский?

– Да. А вы?

– Только корнями, – она поправила прическу. – Прадедушка...

– Это самые прочные корни, глубоко сидят в почве прошлого... – Она ему нравилась.

Рядом с ними на стол легли две пухлые папки. На них лежала пухлая рука не менее пухлого человека.

– Здесь всё о прошлом. Об их прошлом детально. Этого нет в общей базе и не должно быть, – глаза за толстыми роговыми очками смеялись. – Знакомьтесь! Сначала со мной – Генрих. Теперь с делами... Друг от друга отдельно, – лицо Генриха стало серьезным. – КПД понижается в вашем случае. – Он похлопал в ладоши. – Всё. За работу!

У каждого был свой, оснащенный всем необходимым кабинет. Анализ преступлений удивлял. По мнению Александра, долгожители должны быть очень богатыми. И логично было бы не самим заниматься преступлениями – отвести

от себя удар, затеряться среди пусть частично, но себе подобных. Зачем личное участие? Значит, оно необходимо...

Он все-таки пробрался к ней в кабинет.

– Саша...

Она оглянулась, держа подбородок в чаше из рук. Глаза смеялись.

– Ты что-нибудь понимаешь?

– Всё!

– Я о смысловой платформе. – Он сел на край ее стола, с удовольствием вдыхая аромат ее парфюма. – Само участие... Что это – адреналин? Патологическая жадность? Недоверие... быть может?

– Может, все вместе... – Саша пожала плечами. – И банальное непосвящение кого-либо в свои дела. Недоверие, как ты уже заметил.

– Хотела бы жить долго?

– И счастливо? – ее глаза светились ярче компьютера в полумраке кабинета.

– Так же, как эта неуловимая четверка? – Александра расслаблял диалог с ней, он дистанцировался от деловой атмосферы. – Они как вампиры, сосущие кровь... Счастья мало в таком долголетию.

Блеск глаз слегка погас. Она поправила прическу.

– Может, кофе? – как уход от темы разговора.

– Здесь он отдает привкусом машинного масла, – задумался Александр.

– Ты про аппарат? – Саша улыбнулась, складывая в стопку изучаемый материал. – Внизу кафе – там варят по-турецки и... кажется, неплохо.

Она много знала о России. Часто бывала, интересуясь генеалогическим древом семьи. Эрмитаж. Третьяковка. Петродворец... Интерес к искусству.

Ее прадед – белогвардейский офицер. Одно время был особой, приближенной к императору. Белая кость. Опала. Был отправлен на фронт. Затем следы теряются.

– Так здесь личный мотив? – Александр рассматривал пару мужчин за соседним столом.

– Не скрою, да, там какая-то странная история, бабушка умалчивала всю жизнь, как ни пыталась ее мама. – Саша мелкими глотками пила ароматный бодрящий напиток. – Она читала какие-то записи и письма, сделала какие-то выводы, но предпочитает молчать, как агент...

Собеседник человека, нанявшего их, подписывал бумаги, говоря короткими стреляющими фразами. Монолог Саши не давал возможности расслышать их. Без сомнения, богат. Властен. Тяжелый взор. Александр встретился взглядом с ним только раз и сразу отвел глаза.

– Совершенно бестактно, – Саша рассматривала Александра, – пригласить девушку на кофе и глазеть по сторонам. Налицо неинтерес... Или интерес, но погасший по какой-то причине.

– Саша! – Александр загремел стулом.

Уходя, она даже не повернулась. Ответом был красноречивый жест.

Под взгляды богатеев Александр покинул кафе.

*

Скоростной поезд уносил молодых людей вглубь Европы. Горный ландшафт мелькал за окном. Они разделились на пары. Владимир и Надя напоминали двух студентов, убегающих от родительской опеки в желании побыть вдвоем. Они целовались в полупустом вагоне хвоста поезда. Георгий с Верой играли более взрослую пару в голове поезда.

Связь через сообщения, по телефонам, которые используют многие преступные элементы всего мира. Не прослушиваются, не отслеживаются. Так говорят.

Вера депрессировала. Она обладала не только гипнозом. Дар предвидения на интуитивном уровне. Просто знала, что не нужно делать в следующий временной отрезок. Это часто спасало. Но не являлось гарантом: периодические эмоциональные всплески Веры ослепляли ее интуицию. Это создавало проблемы. Появлялась необходимость быстро перемещаться. Скрываться.

Адаптация. Изучение новых технологий. Но даже гениальный склад ума не дает людям, находящимся вне закона, возможностей идти в ногу с технологическим прогрессом всего остального мира.

Вера чувствовала их закат.

Как все поменялась за какие-то пятьдесят лет! Что гово-

ритель о веках...

Георгий гладил ее руку. Голова молодой женщины покоилась на его плече. Вера спала. Зрачки глаз за веками тревожно бегали.

—Мы найдем выход, обязательно найдем... — Георгий свято верил в то, что говорил.

*

Они нашли его во времена сухого закона. Сын главы мафиозного клана вел разгульную жизнь. Деньги. Девочки. Становление. Попытка самореализации. Предпоследняя ступень иерархической лестницы.

Вера разглядела в нем некий потенциал, понятный только ей. Среднестатистический уровень интеллекта убивался наркотиками и алкоголем. Она сыграла на пристрастиях. И потере мужской силы.

Двадцатипятилетней парень рыдал над отсутствием потенции. Девочки легкого поведения, пожимая плечами, покидали номера гостиниц. Слухи распространялись быстро. Они вместе с пагубными привычками и принялись убивать молодого человека.

Вера помогла ему. Не бесплатно. Особняки с виноградниками на юге Европы стали оплатой возрождения потенциала мужской особи.

Она привила ему тягу к знаниям. Не забыв выжать из него кровь кровопусканиями, так «омолаживающими его организм» и возрождающими силу самца. Схема была стара, как

сам мир.

Он остался с ними. Восполнив недавнюю потерю.

Предательство и интриги не были чужды даже такому маленькому сообществу. Стремление к власти погубило его предшественника: Георгий сменил Эдгара.

Эдгар был одной из ключевых фигур французского общества банкиров. На тот момент, когда Вера и компания нашли его, он был аутсайдером. Из-за своей патологической жадности Эдгар был вышвырнут за борт финансовых французских структур, отдав лидирующие позиции своему прямому конкуренту.

Эдгар находился в полушаге от суицида. Он стоял на шатающейся балке моста, глядя в мутные воды известной французской реки. Запах цветущих каштанов кружил головы влюбленным парам Парижа.

Он быстро согласился. Он был обанкрочен и обречен. Абсолютно не интересен в финансовом плане. Да и не особо здоров. Знания. Сообществу были необходимы его знания. Он знал все темные коридоры действующих на тот момент денежных систем. Чистых и темных.

Эдгар быстро вошел во вкус актов отчуждения частной собственности. И первым делом «прогулялся» по Елисейским полям. Месть двигала разорившимся банкиром. Вера закрыла глаза на всё, дав утолить ее страждущему.

Грамотно проведенные сделки привели Эдгара к безграмотным поступкам. Никакая кровь, поступавшая в него го-

дами, не вымыла из него тяги к власти и интригам. Он попытался сместить Веру, слепо веря, что подчинил себе полностью Надю.

Это была ошибка. Его тело обглодали крысы Парижских помоек.

Георгий был поставлен в известность о причинах кончины его предшественника. Сообществу необходим был грамотный специалист в вопросах финансов и юрисдикции. Георгий взялся за учебу. Это дало результат. Минимальный, но достаточный для ведения дел преступного сообщества. Генерация доходов сменила их упадок. Капитал был необходим, как никогда. Жизнь и борьба за жизнь в положении изгоя требует колоссальных затрат – необходимо соответствовать внешне, финансово и технически...

Он гладил ее руку. Визуально мужчина нежно заботился о своей молодой подружке. В действительности являясь младше на невообразимое количество лет. Георгий смотрел в мелькающие пейзажи за окном, думая о гендерном равенстве. Он помнил об Эдгаре. Но задатки хозяина жизни, заложенные отцом, не давали ему покоя.

Георгий мыслил объективно: женщины эмоциональны и подвержены проявлению чувств, несмотря на жестокость и свой кровавый жизненный путь. Именно их путь заставлял Георгия задумываться: две женские особи засвечены во всех преступлениях, связанных с сообществом.

Они ехали к потенциальной жертве, знакомство с которой произошло месяцем раньше в уютном отеле швейцарских Альп. Встреча была назначена в том же маленьком курортном рае.

Статистически количество жертв исчислялось сотнями. Александра удивляла наглость и безнаказанность преступников. Карта земного шара, висевшая на доске, пестрила красными точками, означающими места появления кровавого сообщества. Поражал масштаб. И это только известные случаи. Сколько осталось в тени?

– Ты знала, что их прадед имел отношение к алхимии? – он говорил с Сашей через приоткрытую дверь.

– Я изучаю их уже в течение пяти лет... – коллега даже не повернулась к нему.

– Мое рассеянное внимание и отвлеченность не повод для подобного отношения. – Он барабанил пальцами по стеклу двери.

– Я дам второй шанс – малейшее внимание не ко мне разрушит всё... – Девушка повернулась. В глазах смех.

– Я сам сварю тебе кофе! Через пятнадцать минут в кафе...

– Не знаю, я всегда считала алхимию лженаукой, философией, – Сашины глаза светились в нейтральном свете подвального помещения, – в которую верили, только ради того, чтобы верить. Верили в эликсиры, продлевающие жизнь, в

неосязаемую материю...

– Шарлатанство? – Он рассматривал гущу на дне кофейной чашки.

– Трудно рассуждать о до конца не исследованном...

– Я сам реалист и не верю в чудеса, но две молодые, нестареющие женщины... Меняется лишь окружение. – Александр долил еще кофе собеседнице. – И то... некоторые задерживаются на века.

– Понятие молодости может быть относительным, особенно в словах людей, переживших шок и ставших очевидцем преступлений...

– Но невозможно спутать двадцатилетнюю девушку с женщиной за полтинник, даже после сотрясения мозга! Разве что после лоботомии...

– Не знаю... – Саша пожал плечами. – В теории, если брать несколько поколений женщин, ради создания эффекта серийности возможно с учетом неплохих финансовых возможностей... А смысл?

– Я о том же...

– Странностей в деле не счесть. – Саша поправляла рукава, скрывая края цветных татуировок. – Опять же внимание к делу богатых мира сего...

– Ну это как раз объяснимо: акцентированная группа...

– Да они друг друга съесть готовы, – Саша усмехнулась. – Внезапное несчастье себе подобного доставляет неопишуемую эйфорию.

– Но оно может прийти в дом каждого – может, это одна из причин?

– Возможно... – Она поднялась, скромно пряча глаза. – Пойдем работать?

Работать не получилось. Точнее, пришлось срочно выехать на место очередного преступления. Частичная схожесть. Тело известного в прошлом актера было найдено изуродованным в гостиной его дома.

В двух микроавтобусах сотрудники выехали на место преступления, едва сойдя с трапа самолета. Краткий инструктаж. Кофе. Фастфуд.

– Поместье со вчерашнего дня является собственностью корейского бизнесмена. – Генрих вполоборота повернулся к сидящим в автобусе. – У нас пара дней, хотя по закону это место преступления. Работаем быстро, земля чужая...

– В чем идентичность? – вопрос поступил от человека со свернутым носом и густой черной шевелюрой.

– Собственность продана через сеть, подставные фирмы... Хозяин – богатый человек.

– Но он найден и к тому же со следами насильственной смерти? Немногочисленные тела, о которых говорит документация, были попросту обескровлены...

– Пропала прислуга, которой в доме было предостаточно и... – Генрих сделал паузу. – Хозяин – член известной семьи промышленников, хоть и отдалился от семьи, считая себя индивидуальностью.

– А что семья? – Александр произнес это сквозь дрему.

– Ее члены считают, что в семье не без урода...

Два дня следственной рутины утомили Александра. Он скучал. Тем более, он не мог толком общаться с Сашей. Она намеренно держала дистанцию, изредка награждая его улыбками.

Во время подведения итогов появилась информация: похожих на подозреваемых людей видели одновременно в аэропорту и на железнодорожной станции. Профессиональный уход от камер слежения давал лишь силуэты и смазанные лица на присланных по запросу фотокадрах.

Следственная группа была разделена на две и отправлена в разных направлениях. Автобус с Александром и еще семью сотрудниками ехал на юг. Из них трое профессиональных военных. Одиночество в обществе: Саша уехала в направлении горных курортов.

Просмотр записей с камер наблюдений, как и ожидалось, ничего не дал. Налицо дилетантство работников небольшого частного аэропорта: нечеткие лица на камерах, схожесть каждого пятого проходящего через ворота порта.

Пришло сообщение об активности второй группы – они нашли какой-то след. Мобильная группа Александра отправилась на помощь. Он думал, улыбаясь, о Саше, вспоминая цвет ее кожи, блеск глаз и плохо скрытый собственный интерес к расследованию. Очевидный не только для Александра.

Саша в паре с Генрихом беседовала с полицейским со

станции. Железнодорожный блюститель порядка нес открытую ахинею. Он помнил пару, подошедшую к нему и расспрашивающую о направлениях, в которых движутся поезда со станции.

– Их интересовала южная ветка. – Взгляд полицейского пространственно блуждал по кабинету в поисках несуществующей мухи. – Я перечислил номера поездов и время отхода согласно расписанию на интересующий их момент.

– Как думаете, – Саша пыталась визуально определить степень вменяемости опрашиваемого, – почему они обратились к вам? Ведь информация есть на табло и в сети...

– Видели бы вы их! – Более осмысленный взгляд полицейского сфокусировался на Саше. – Бабуля вряд ли знает, что такое интернет, а ее внучок с признаками синдрома Дауна с трудом отличил бы табло от рекламного щита...

– Спасибо. – Генрих, поднявшись, пожал руку полицейскому. – Если понадобится, мы свяжемся с вами.

– В любое время, в любое время...

Саша и Генрих смотрели вслед удаляющейся фигуре в форме.

– Гипноз? – Саша подергивала ручку кожаной сумочки.

– Скорее всего, очень сильный, – Генрих растянул пухлое лицо в улыбке.

– Мы можем привлечь кого-то из специалистов?

– Можем, – Генрих сжал губы, – но не сейчас, закрытая информация в его голове никуда не денется. Она как в банке.

– Пойдем от обратного?

Генрих улыбнулся догадке девушки о ходе его мысли.

– По крайней мере рискнем!

*

– Значит, северное направление? – Александр прижимался плечом к Саше, сидя в вагоне и просматривая запись с камеры наблюдений на планшете.

– Там горы, свежий воздух и масса потенциальных жертв для работы наших подопечных, – Саша улыбаясь смотрела в окно поезда. – И прекрати эти тактильные контакты, или я буду рассматривать это как домогательство...

– Да-да... – Александр прокручивал ролик заново. – А это действительно единственная пара, обращающаяся к нему за время дежурства?

– Так показывает камера наблюдения...

На записи модно одетый человек лет тридцати с более молодой девушкой разговаривали с полицейским. Точнее, вела разговор девушка.

– Почему актуальна версия с гипнозом? – Александр по секундно нажимал паузу.

– Обрати внимание на ее жестикуляцию. – Саша погружалась в дрему.

Полицейский на записи, внимательно слушая девушку, переводил взгляд поочередно с одной ее руки на другую. В итоге отсутствующий взгляд служителя закона сконцентрирован вслед уходящей паре.

Александр, улыбаясь, укрыл своим пальто мирно сопящую коллегу.

*

Они ужинали возле камина. На столе полыхали свечи. Благоухали ароматом подаваемые блюда. Горели любовью глаза. Мандраж бил тела присутствующих. Модно и броско одетого мужчину – от разгорающейся в нем страсти. Девушку – от смены климата.

Так всегда бывало с Верой. Но она держалась, переводя взгляд с дорого подарка на руке на лицо человека, сделавшего этот подарок.

– Вы знаете, Вера, я уже не слишком молод...

– Но еще не слишком стар? – Она улыбнулась, слегка тронув ногтем пустой бокал. На звон появился из-за ее спины официант.

Они оба посмотрели, как льется красное «густое» вино в бокал.

– Я прошел долгий путь, прежде чем стал владельцем семи отелей, расположенных по всей Европе. – При этом говорящий с вандализмом переламявал кости эстетически выложенного на блюде перепела. – Периоды были разные, и сталкиваться приходилось также с разными людьми и делами...

– Я слышу ноты угроз в твоих словах, Валентин. – Вера потянулась кошкой. – И это после сегодняшней ночи?

Взгляд колючих черных глаз только секунду изучал собеседницу, слегка блеснули зубы под черными усами. Затем

под ними исчезло мясо дичи.

– Ты нетерпелива, и это молодость... говорит в тебе. – Валентин, пережевывая мясо, пил коньяк. – Не скрою, ты нравишься мне, более того, я хотел бы, чтобы ты скрасила остаток моих дней...

– Таким аленьким цветочком возле поросшего мхом могольного камня?

– Юмор я тоже ценю. – Валентин сверкнул глазами. – Точно так же, как преданность...

– Милый, скучно... – Вера улыбнулась, протягивая руку к собеседнику через весь стол, браслет из белого золота сверкнул желтым алмазом глаза змейки. – Что за угроза, плохо скрытая в комплиментах? Хочется романтики: парить в облаках над верхушками этих гор в багровых лучах заката...

– Именно это тебя и ждет: беззаботная жизнь, деньги, карьерный рост в любой сфере деятельности, в которой пожелаешь, если пожелаешь. – Валентин сверкнул глазами в ответ украшению на руке Веры и глотнул коньяка. – А для начала я подарю тебе один из отелей этого курорта, выбирай любой!

– Милый Валентин, – Вера подошла к открытому окну, разглядывая ландшафт горного курорта и вдыхая свежий воздух, – я не преследую корыстных целей, как это могло показаться. Более того, я сама богата и могу подарить тебе любой из этих отелей. Наследство, богатое наследство...

– Вот как? – Валентин улыбнулся, раскуривая сигару. – Я, пожалуй, выберу этот, в нем интересные архитектурные ре-

шения!

– А я не шучу. – Вера, развернувшись, улыбнулась; глаза отражали пламя стоящих рядом с ней свечей. – Я подарю тебе его навсегда!

Валентин ухмыльнулся.

– Прогулка или спальня? – Он любовался молодостью и красотой будущей жены.

– Я предпочту второе... Но после нескольких бассейнов.

– Я буду ждать тебя.

– Эта тварь абсолютно не поддается гипнозу!

– Может, ты перенервничала? – Надя массировала плечи матери, сидящей на шезлонге.

– Я в порядке! Такое случилось, ты же помнишь. – Вера, закрыв глаза, искала ответ в своих внутренних ощущениях. – Я вижу, что происходит с официантами... Вообще что-то не то... Надо уезжать!

– А что делать с ним?

– Пусть Владимир с Георгием что-то придумают, в конце концов, я не могу все делать одна!

– Да, мама...

*

Они двигались в верном направлении. Звонок поступил из отеля. Труп мужчины со следами насильственной смерти.

Администрация и постояльцы в шоковом состоянии. Мрачная репутация отеля. Отток желающих остановиться.

Криминалисты монотонно двигались по номеру. Осталь-

ные собрались в зале ресторана. Двойные порции кофе. Дым сигарет в запрещенном для курения месте.

– У них явно что-то идет не так! – Девушка с рыжей копной волос «убивала» себя никотином.

– Вы сама очевидность, Роза! – Генрих потирал глаза и помятое от недосыпа лицо. – Вам приз. Что-то более конструктивное есть?

Ответом было молчание.

– Отлично. Через три часа здесь же. Мне нужен результат! – Генрих по-женски взвизгнул. – И вам, кстати, тоже...

– Ты тоже считаешь, что это наша четверка? – Александр разглядывал кожу лица Саши в лучах рано садящегося солнца. – Как-то не вписывается этот случай в историю преступлений...

– Что именно? Сам метод лишения жизни тебя не устраивает? – Саша сверкнула оттенком оранжевого в глазах. – Или атмосфера в номере убитого?

– Нож в сердце, кровью нарисованные пентаграммы на стенах и паркете еще не говорят о принадлежности жертвы или убийц к обществу сатанистов. – Александр рассматривал снимки из номера на смартфоне. – Это больше похоже на неумелую инсценировку...

– А для чего? – Саша, закинув голову назад, вдыхала свежий воздух. – Это ведь требует времени, затраты которого для преступников всегда дорогого стоят.

– Увести нас по ложному следу? Тогда они знают о том,

что мы дышим им в спину! – Александр нервно сжимал экспандер в руке. – А может, все-таки ритуальное убийство? Мечь?

– Слишком заморочены головы обслуживающего персонала гостиницы и проживающих. – Саша, играя дула теплым воздухом на кружащие возле ее лица снежинки. – Все знают, что в 104 номере жили люди, но как они выглядели, никто не помнит. Да, у жертвы гостила женщина, но то ли мулатка, то ли азиатка – спорный вопрос. Записи камер наблюдения отеля отсутствуют именно в интересующие нас дни. – Саша рассмеялась кружащемуся снегу. – Идеальная обстановка, что для жертвоприношения, что для банального ограбления... Что, кстати, с последним?

– Никто не может точно сказать, какая сумма была при жертве и присутствовали ли украшения на нем... Ни секретарь, ни прислуга дома, из которого он выезжал на курорт.

– Вот-вот, никто ничего не знает! Все покрыто мрачной тенью... – Она снова засмеялась.

– Может, стоит развеяться: покататься на лыжах вдвоем, раз уж мы здесь?

Договорить не дал появившийся в дверях коллега, созывающий всех на брифинг. Чьи разыскные способности только и подходили для созыва участников следствия к начальству на инструктаж.

Выспавшийся Генрих был обозлен на весь мир и на всю команду, с которой он работал. С кислым лицом выслушав

всех, он упомянул о нецелесообразности затрат, связанных с содержанием такого большого штата. Итогом была угрожающая реплика о грядущих сокращениях. Собравшиеся уныло зевнули в ответ.

Всеобщим возбудителем стало сообщение об исчезновении семейной пары в двухстах километрах южнее от курорта.

Александр с Сашей шли к автобусу, держась за руки, ломая барьеры между собой и предположения на их счет в головах коллег.

*

– Они слишком близко, – Вера кусала губы. – Нам необходимо разделиться...

– Ты чувствуешь их? – Надя трогала крупный жемчуг на своей шее, оставив попытку достать карты Таро из сумочки.

– Как никогда...

Они сидели в приватной кабине ресторана. Такой они не видели Веру никогда. Она была напугана.

– А что даст разделение? – Георгий нервно вытаскивал сигарету изо рта и вставлял обратно. – Пара, оставшаяся без тебя, обречена... Гипноз – твоё оружие.

– Надя тоже обладает способностями... – Вера взглянула на бледное лицо дочери.

– Я? Я не останусь без тебя!

– Надо, девочка моя, для выживания и дальнейшего существования необходимо знание формулы, – Вера отвернулась от Нади. – Надо разделить знание. Это дает нам шансы

на спасение... Владимир!

– Да?

– Ты отвечаешь за нее! Балканский полуостров...

– Да, госпожа... – Владимир изобразил само раболепие. –

А вы?

– Я и Георгий отправимся к северным землям, там есть где переждать опасность. – Она с тоской бросила взгляд на полыхающие свечи. – «Готовить» я не разучилась... Да и Георгий склонен к обучению. Мы справимся...

– Вне всякого сомнения! – Георгий кинул взгляд на Владимира.

Тот прочел в нем все и «увидел» дальнейшее развитие событий. С печалью перевел взгляд на Веру. Надя молчала.

– Нам необходимо подкрепиться перед дорогой, – Вера взглянула на поднимающегося Владимира. – Только не концентрат, он не даст нужных сил...

В проеме мелькнула выходящая из ресторана пара. Смех. Чаевые официантам. Пожелания всем хорошего вечера.

Они долго целовались на парковке, пока к ним не подошла взволнованная красивая молодая женщина.

– Извините, мой молодой человек не приехал, наверное, что-то случилось... – Она поглядывала на табло своего телефона. – Вы едете не в сторону озер?

– Здесь дорога одна! – рассмеялся мужчина, вытаскивая руку из-под блузки спутницы.

– Простите еще раз, я не местная...

– Садитесь! – девушка протянула руку навстречу Вере. – Мы не бросим вас здесь...

Большой лимузин, качаясь и глухо бухая басами, покатил в сторону садящегося светила. Отполированный металл отражал кровавые лучи солнца. С рабочей парковки ресторана тронулся вслед лимузину вокруг тонированный спортивный автомобиль.

– Владимир, не спеши... – Надя, закусив губу, трогала руку ведущего автомобиль.

– Что с Верой? – Владимир раскручивал авто по дорожной спирали, глядя вслед мелькающим стоп-сигналам.

– Она чувствует кого-то более сильного... – голос Нади дрогнул.

– Она боится? – сверкнули глаза Георгия, сидящего на заднем сиденье.

– Да... – тихо прошептала Надя.

– А ты?

– А я за нее...

*

– Говорят, их было шестеро. – Генрих хлопал в ладоши. – Работаем, работаем! Еще двенадцать часов назад они были здесь... – Он принялся к ароматам соцветий растений, посаженных в клумбах. – Чем пахнет?

– Розами! – воскликнула одноименная названию цветов девушка.

– Кофе.

– Лазанья, – пожалала плечами Саша.

– Первыми увольнениями. – Генрих достал листок бумаги.

Четыре человека, чьи фамилии он назвал, собрались и, сев в микроавтобус, покинули территорию ресторана.

– Работаем, работаем! – Пританцовывая, Генрих отправился в прилежащий к ресторану парк.

– Тебе не кажется, что он болен? – Александр, заходя вглубь здания, потирал виски разболевшейся головы.

– Как и все на земле... – Саша горько усмехнулась.

– Bravo, мисс оптимизм! Приз зрительских симпатий...

Персонал ресторана сменился. Из телефонных звонков работников прошлой смены построить что-то связанное в единое целое не получилось. Гуляла веселая компания, сорили деньгами, танцевали танго и самбу. Шумной толпой уехали в ночь, одарив оставшихся щедрыми чаевыми.

Прибежал взволнованный Генрих. Он запыхался, не в силах начать говорить.

– Смотри, как бодрит зеленая парковая зона! – Александр призвал Сашу насладиться внешним видом начальника. – Нам бы туда...

– Не было бы... счастья, да несчастье... помогло, – Генрих наконец-то выговорился.

– О как! – Александр театрально достал ручку с блокнотом. – И на бис...

Выяснилось, что группа, отбившая по домам, невероят-

ным образом встретила с парой преступников из сообщества, заблокировав им выход из трехзвездочного отеля, взяли их и уже ведут дознание.

С десяток пар глаз переглянулись, кто с кем мог. Кого на что хватило.

– Верится как-то с трудом... – Александр закрыл блокнот. – Но подкупает простотой. – Он бросил взгляд на Сашу. – Как тебе?

– Ты слишком предвзят! Как топор палача...

Более дюжины человек, «ловящие тень в темноте», наконец-то представили мысленно пойманную цель. Оживление спадает после четверти часа дороги. Жара. Кондиционеры не справляются. Застекольные пейзажи наталкивают на мысли о вечной дороге, о бренности бытия и о вероятном окончании бесконечной погони.

Они были на месте через три часа. На месте были все, кроме подозреваемых. Не вполне адекватные лица опальной команды подтверждали «успех» всей группы.

Генрих был похож на военного диктатора, пережившего поражение в решающей битве. «Его лучшие воины», в прошлом два спецназовца и оперативник, были абсолютно деморализованы. Один выведен из строя физически и госпитализирован. Слюна одного из оставшихся текла изо рта, капая на белоснежную рубашку. Слюна беснующегося Генриха забрызгала стол на ресепшене отеля.

– Такое впечатление, что все бессмысленно, – проговори-

ла Саша, садясь на зеленый ковер газона, протягивая руку к бабочке шоколадного цвета.

– Объективно... – Александр не разделял ее скепсиса, но голова не работала в поисках разумного решения.

Жара. Гонка по кругу. Безвыходность ситуации.

Генрих мрачнеет лицом и сжимается под натиском телефонного разговора. Саша кладет голову на плечо Александра. Как награда – прохладная ночь в отеле. Отдых с паузой в работе – двое суток.

*

Владимир с Надей неслись в спортивном автомобиле по автобанам Европы. Девушка переживала. Владимир переживал вместе с ней. С момента начала их влюбленности прошло более века. Но это не два знающих все друг о друге сморщенных старика, чей симбиоз очевиден и рутинен, подобно тине в заброшенном пруду. Нет. Они открывают друг в друге новые качества, которые только укрепляют их чувства.

– Я впервые без нее... Не требуй от меня слишком многого! – Надя подставляла лицо потоку воздуха, врывающегося в открытое окно.

– Тебе только нужно развить твои гипнотические способности, и мы можем существовать автономно... – Владимир гладил ее по щеке, не отрывая взгляда от дороги. – Только практика дает необходимый опыт.

– Думаешь, это так просто?

– Отнесись к этому легко, как к укладке волос...

Она смогла сконцентрироваться только на третьей остановке. Две предыдущие попытки вымотали Надю. Мелкие морщины усталости и недосыпа паутиной легли на ее лицо.

Полупустой отель. Утренний кофе с омлетом в номер. За окном пение проснувшихся птиц.

Владимир критически рассматривал свое лицо в зеркале, когда услышал невнятность в словах молодой горничной. Он бросил взгляд в проем двери и улыбнулся успеху Нади.

Мулатка лет двадцати, оттолкнув в сторону тележку со своими рабочими принадлежностями, рассказывала Наде о своем детстве, отрешенно глядя в сторону. Жестикоулящая слушательницы была похожа на движения дирижера, но более медленные и пластичные.

Владимир с сожалением взглянул на оттенок кожи служащей отеля. Оставив их наедине, спустился в сад. Там одинокий гроссмейстер преподавал уроки шахмат самому себе. Владимир принял вызов. Он играл больше столетия, и попытки пятидесятилетнего игрока загнать Владимира в угол были смешны.

«Зарвавшийся юнец!» – Владимир улыбался происходящему.

Надя появилась к обеду на террасе. Легкий макияж скрыл тень безвыходности на ее лице. Глаза. Глаза светились всеми оттенками коричневого: от светлой охры до темно-бурого. Владимир улыбался осознанности их временного успеха, дающего шанс на спасение. Подтверждением обретения навы-

ков Надей стала путаница официанта во время обеда. Он не отрываясь следил за сверкающими приборами в руках Нади, вслушиваясь в ее убаюкивающий голос. В итоге перепутал заказанные блюда и чеки, отданные возмущенным посетителям.

Они двигались дальше во взятом напрокат BMW восьмой серии. Впереди тысяча километров. Несколько остановок. Позади помутнение рассудка среди служащих отеля. Пропавший уволенный со дня официант. Чья кровь придала сил и уверенности влюбленной паре, мчащейся в уже ставшей редкой серии автомобиля. Глаза их светились чем-то запретельным, а кожа приобрела оттенок свежести.

Тело официанта, обескровленное, схожее с мумией, лежало в пластиковом пакете, прикрытое густой травой придорожной канавы.

Георгий с Верой оставляли после себя не менее кровавый след. Точнее, обескровленный. Эмоциональные срывы Веры требовали поглощения большего количества крови, чем обычно. Георгий не противился этому факту: ведь кровь как наркотик. И доза может повышаться, если кто-то разумно ее не контролирует. Это всегда делала Вера. Но она в данный момент сама бесконтрольна.

После того, как они покинули отель, прошло более суток. Георгий откровенно успел испугаться. Глядя в глаза допрашивающего его, он увидел в них неминуемую смерть. Рассаживающий маятником за спиной дознавателя человек с

внешним видом профессионального убийцы лишь дополнял чувство страха.

При задержании Вера попыталась ввести этих людей в гипнотический транс, но в ответ руки преступной пары быстро были стянуты, а рты заклеены.

Следуя логике ведения допроса, дознаватель почему-то однозначно дал понять, что о сообществе все известно. Фактически все. Неизвестны лишь некоторые детали. Полученная следственной бригадой полная информация дает возможность Георгию остаться под программой защиты свидетелей и вполне приемлемую возможность продолжения жизни.

Георгий, услышав это, испугался еще больше – никто не даст ему официально поглощать человеческую кровь. Никто не знает формулу «знания», продлевающего жизнь, сделанного на основе составляющей человеческого тела.

Ведущий дознание увлекся и не обратил внимания, как в открытую дверь вызвали маячившего сзади коллегу. Минутой позже появилась Вера и банальным ударом по голове лишила дознавателя возможности вести допрос.

Они уходили на север в микроавтобусе, хозяин которого с глупым выражением лица позволял Вере скачивать кровь с его толстых, как у быка, вен, стучась головой о заднее стекло.

Георгий бросал алчные взгляды в зеркало заднего вида. Высохшее тело хуторянина было прикрыто ветками деревьев на опушке. Кровопийцы двигались дальше.

– Не понимаю, что тебя так беспокоило? – Георгий держал за руку отдыхающую на пассажирском сидении Веру. – Ты так легко справилась с четверыми. Я думал, мы уже никогда не выберемся...

– Ты не понял... – Вера, не открывая глаз, потянула шею. – Те, кто идут за нами, не дадут нам даже шанса. Это лишь пешки...

*

Александр пробудился от легких касаний. Саша, поцеловав его, надевала шелковый халат. Стая летучих мышей, начиная с самой маленькой, на запястье левой руки, и заканчивая самой крупной, с окровавленными клыками, на спине, «спряталась» в шелке. Татуировку Александр увидел еще вечером после ужина. Но вчера было не до этого. Безудержный секс отодвинул все на задний план.

В ней все казалось идеальным. Интеллект. Неординарность мышления. Амбиции. Внешность, тело. И конечно, секс. Что для него являлось немаловажным. Как, впрочем, и для всех.

– Кофе? – она сверкнула зубами в улыбке, поправляя влажную от воды челку.

– Ты варишь... сама?

– Я, конечно, не кофемашина, но тоже кое-что могу...

– Хвастайся! – Александр отправился в душ.

Завтрак был переполнен флюидами и прерван посланником Генриха.

Начальник пил капучино между короткими подготовленными фразами, при этом он не забывал «напоить» свою рубашку. Пятна темнели на материи, вызывая усмешки присутствующих.

Присутствовали и новенькие – два научных сотрудника. Специалисты в области гипноза. Женщина напоминала повзрослевшую Пеппи-длинный чулок, мужчина – нереализовавшегося отличника. Они совместными усилиями вывели из транса трех сотрудников, контактировавших с преступниками. Один из четверки был госпитализирован с травмой головы.

Выход из транса дал мало информации. Они сообщили то, что и так все знали. Генрих вторично отправил их домой с наставлением: при возникновении рецидива появления в их поле зрения преступников в контакт не вступать, а связаться с Генрихом. Он повторял это до посадки аутсайдеров в автобус. Видимо, закладывая это на подкорку головного мозга отбывающих.

– Может, стоит разделить по группам и, следуя по второсортным отелям, выявить, где налицо «невминоз», – Александр зевнул, забыв прикрыть рот ладонью, – среди персонала, тем самым определить направление движения преступников?

– В принципе, не лишено смысла... – Генрих потряс пустым стаканчиком и все-таки попытался из него глотнуть. Отбросил в сторону с сожалением.

– По-моему, здесь повсюду невменяемые, – проговорил аналитик с лицом боксера-тяжеловеса.

Александр переключился полностью на Сашу, утащив ее в конец автобуса.

– Эта татуировка...

– Она не для всеобщего обозрения! – Саша показалась чересчур резкой.

– Я понимаю...

– И не для внутренней полемики! – Она вскинула красноречиво руку вверх открытой ладонью к нему.

Александр покивал головой ее гордому профилю и погрузился в бульварное чтиво.

Специалисты по гипнозу двигались вместе с ними. Масками восковых фигур они белели в плотно зашторенном автобусе.

Александр повернулся к мирно сопящей Саше и взглянул на шелковистость ее кожи.

– И запомни: то, что произошло ночью, ничего не значит, – проговорила девушка, не открывая глаз.

– Аналогичное хотел тебе сказать и я, – на ухо Саше прошептал Александр.

*

– Это так символично! – Надя умиленно смотрела на окрашенное багровым цветом здание музея.

– Не была еще здесь? – Владимир держал ее за локоть.

– Даже не знала о его существовании...

– Ты так красива в свете заката... – Владимир потрогал ее блестящие медно-красным локоны.

– Ты меня смущаешь!

– Ого!

Надя рассмеялась. Две перекрикивающиеся между собой птицы замолкли, услышав ее смех.

– Зайдем?

– Но он закрыт, – проговорила она сквозь смех.

– В любом музее есть сторож, – Владимир тянул ее за руку ко входу, – который всегда готов пустить поздних посетителей и стать гидом. Преимущество в том, что они всегда знают больше об экспонатах и готовы поделиться с тобой этими знаниями.

Дом- музей графа Дракулы.

– Графа Трахалы, – засмеялась снова Надя, глядя на табличку.

– Не оскорбляй святыню, – скрипнул незакрытой дверью Владимир.

Сторож оказался довольно-таки молодым и приветливым. Ноль удивления ночным посетителям. Напротив, он словно ожидал их. Объяснение было простым: пары частенько заглядывают сюда именно ночью, для «затачивания» остроты своих эмоциональных ощущений. Романтики...

Сама экскурсия была довольно скучной: обшарпанные

экспонаты напоминали скорее свалку манекенов, чучел животных, летучих мышей, а заезженная история самого графа требовала аранжировки на новый лад.

Но зато успешно практиковала гипноз Надя, а затем и Владимир приготовил «свежеотжатые» напитки. Они уложили подобное мумии тело сторожа в гроб, принадлежащий графу, и слегка похулиганили с экспонатами.

– Знаешь, – глаза Нади светились неподдельным чувством, – сегодня утром я открою тебе формулу.

Владимир театрально прикрыл рот ладонью. В нормальном обществе это означало бы: «я твоя навечно, до последнего вздоха!», здесь – «до последней капли крови»...

*

Они стояли возле церкви. Ее покосившийся силуэт в вечерних сумерках мог стать «визитной карточкой» любого фильма ужасов. Зброшенная, застоявшаяся годами мрачность.

– Это безумие! – Георгий, не веря в услышанное, смотрел на символ святости, венчающий крышу. – Я не был в церквях с моментов похорон в прошлой жизни. Даже не вспомнить, как это было в последний раз...

– Это единственный способ передать тебе «знание». – Вера не смотрела на Георгия – изучив его за много лет, она знала реакцию на произнесенные слова. – Только венчание даст нужный эффект и полное понимание «знания»...

– Может, не стоит так спешить? – голос Георгия преда-

тельски дрогнул.

Вера обернулась, резко сверкнув отражением блеклой луны в глазах. Оскалила белоснежные зубы.

– Уже вчера было поздно спешить... – она усмехнулась горько. – Поверь мне, Георгий, так будет лучше для всех, если что-то случится...

– Не может ничего случиться! – Георгий застыл в порыве, встретив ее красноречивый жест.

– Позаботься о Наде...

Она взглянула на луну и, взяв Георгия за руку, повела его в храм к алтарю.

Венчание проходило в атмосфере, схожей с апокалипсисом. Священнослужителя трясло предсмертными судорогами. Свечи то гасли, то зажигались. Лики святых кровоточили. Только образы демонов, застывшие в вековых поражениях в битвах на фресках и росписях, выражали своими образами триумф, словно зло победило все на земле и под ней тоже.

Свечи погасли под клятвы вечной преданности. Проводящий обряд, едва дыша, корчился на полу под распятым.

Они вышли из храма, наполненные новым для них чувством. Вера обрела новое счастье неоднократно, но впервые ее избранник имел право на жизнь.

Брачная ночь в пятизвездочном отеле дала право на продление жизни – их искали в более низкосортных «приютах».

Молодая путешественница по миру ирландка приняла

приглашение на ужин интересной пары. Ее отвлеченный взгляд блуждал по пентаграмме, нарисованной на стене, она ловила взором тени от горящих свечей. Вера сливала ирландскую девственную кровь. Георгий, алчно сверкая глазами, готовил «знание», мысленно повторяя наконец-то узнаваемую формулу.

Отправив ирландку к себе и даря тем самым ей жизнь, «молодожены» во всполохах свечей поднимали бокалы, наполненные кровью животворящей. Поцелуи. Звон дорогой посуды, красивые слова и признания. Нежность. Клятвы под утро.

Георгий, стоя в душе, разглядывал свое отражение. Молодое, не имеющее ничего общего с вековым долголетием тело. Свежее лицо с утренним оттенком румянца. Глаза светятся долгожданной свободой. Освобождением доминирующей природы от долгого гнета матриархата.

Еще раз улыбнувшись своему неувядающему отражению, он вынул клинок древнего мастера, изготовленный из серебра. Он верил в святость, не являясь святым.

Раздался крик летучих мышей за окном, когда в тело, укрытое одеялом, вошел клинок. Женский вскрик и хрип. В зашторенном утреннем полумраке темнели багровые пятна на светлой материи.

Это был триумф, и триумфатор был пьян своей долгожданной победой. Он открыл мини-холодильник и достал графин с красной субстанцией, прижал холодное стекло к

виску, в котором отдавались удары сердца. Он блаженно улыбнулся и налил из графина большую порцию. Теперь он мог себе это позволить. Глоток. Гримаса непонимания на лице. Блеск осознанного ужаса в глазах. Ноги подкосились, опуская тело в кресло.

Вскочив, Георгий отбросил окровавленное одеяло в сторону. Улыбающаяся застывшая маска смерти на лице мертвой ирландки. Его вырвало на остывающее тело. Организм отторгал неживленные клетки человеческой составляющей. Георгий ступил на первую ступень лестницы, ведущей к смерти.

– Как низко опустился мир, увидев тот предательский поступок, держа меня на высоте, чтоб виден был я всем издалека...

Дорожная сумка. Отобранный гардероб. Еще есть время. Он успеет найти ее и вымолить прощенье.

*

Они лежали в объятиях друг друга. Каждый раз, словно в первый. Испитая кровь добавляла новых ощущений и в секс. Она наполняла слияние двух тел то нежностью, то безумной страстью – всем тем, что таили в себе клетки крови уже обычно несуществующих людей. Их уже не было, а их чувства, эмоции, сексуальные фантазии бушующим океаном бурлили во влюбленных.

Всегда что-то новое. Но по-прежнему сверкающие глаза партнерши убеждали Владимира, что чувства Нади к нему

все еще сильны. И никакие примеси чужих кровей не гасили этот блеск, сверкающий даже в полной темноте. Вот уже больше века.

Но только сегодня блеск ее глаз прерывисто тускнел. Владимир понимал: какая-то назойливая мысль, приходящая к ней во время акта любви, омрачала сияние влюбленных глаз.

Надя оттягивала открытие формулы «знания». Но он не настаивал. Открытие формулы ассоциировалось с прощением. Владимир этого не хотел, несмотря на то, что это открытие означало доверие. То безграничное доверие, которое существует между любящими людьми.

Раздался сигнал о принятии сообщения телефоном.

«Вера» и «Мама», – произнесли они одновременно.

В карих глазах Нади блеснули страх и надежда. Владимир разжал объятия. Он понял, что открытие формулы «знания» отсрачивалось до получения этого сообщения.

«Это не Владимир!» – Сообщение «вырвало» из Нади крик радости.

Она бросилась снова в объятия Владимира. И блеск ее глаз уже не тускнел во время близости.

*

Они медленно, словно сонные мухи, двигались по номеру гостиницы. Криминалисты возле скорченного женского тела жертвы. Возле графина с темной жидкостью. Аналитики друг возле друга. Генрих – от одних подчиненных к другим. Он изрядно потел.

– Жидкость – в колбу и в холодильнике срочно в аэропорт, там чартер... – Генрих столкнулся взглядом с Сашей. – Срочно, все очень срочно...

– Какая спешка, а? – Александр разглядывал внешний вид подруги – она сильно волновалась. – Свидетели в один голос заявляют, что мужчина в явной спешке покинул номер, а соответственно и гостиницу, около семи утра, что-то бубня под нос, сел в роскошный автомобиль. Подозреваемый номер один...

Александр откровенно не понимал волнения Саши и ее алчных взглядов, бросаемых на переливаемую из графина в колбу субстанцию.

– И единственный, как я понимаю. Хотя мое непонимание достигает запредельного уровня.

На его слова мало кто обращал внимания. Только Саша, приблизившись к нему, процедила сквозь зубы:

– Может, заткнешься хотя бы на время!?

– На то время, за которое ты мне все объяснишь? – Александр выражал высшую степень спокойствия.

– Только в следующей жизни...

Саша была сама на себя не похожа: ее глаза горели огнем хищницы, движения потеряли оттенок грации и напоминали уверенного в себе бойца. Такая трансформация вызывала в Александре двойственные чувства.

– Хорошо, я подожду, – проговорил он, отвлекаясь со всеми на найденную улику. – Что там миг длиною в жизнь...

Серебряный клинок. Визуально 17 век, с остатками крови и гравировкой на лезвии.

«Не ради смерти кровь течет, а жизни продолжая».

– С таким девизом ни один враг не страшен! – Александр улыбнулся прочтенному Генрихом. – А перед маркетинговым отделом компании, производящей медицинские инструменты, так вообще рынок капитулирует...

Слова Александра вызвали ухмылку коллег, недовольство начальства и отчужденный взгляд Саши. Он вышел на свежий воздух, считая себя лишним в номере. Он не находил себе места в этой команде: есть криминалисты, есть «псы», которые пойдут по следу, – он здесь зачем?

Александр всегда считал себя одинокой ищейкой, работающим на голосе своей интуиции. Которая, как правило, основывается на опыте. У него его было маловато. Возможно, гены...

Саша!

Лабильный психотип Александра не давал ему необходимой стабилизации настроения. В прошлом ему помогал алкоголь. Даже умеренная доза «ровняла» его. Он по памяти побрел в бар гостиницы.

*

Георгий, ледоколом рассекая толпу, несся по перронам вокзала, разглядывая лица отъезжающих. Он не обращал внимания на крики в его адрес. Он искал Веру. Он искал продолжение своей жизни. Смерть медленно шла за ним. Ге-

Оргий бежал от нее.

Но проще найти черную кошку в темной комнате. Вера вряд ли двинется в запланированном ими ранее направлении. После событий сегодняшнего утра это очевидно.

Он сам допустил ошибку. Смертельную ошибку. Ступил в капкан. Когда он выдал свои намерения? А может быть, Владимир? Он всегда ненавидел Георгия.

Толпы людей возле отходящих поездов. Нет самого главного для него человека на земле. Лица сливаются в одну белешую массу.

Вид Георгия неадекватен. Недоуменные взгляды пассажиров и их провожающих. Доносится речь звонящего в службу спасения с заявлением о ненормальности человека. Георгий проходит сквозь двери вагона к следующей платформе. Там силуэты в форменной одежде. Еще вагон. Еще платформа. Он успевает зайти в вагон отходящего поезда. Второй этаж.

Попытка отдышаться затягивается. Попытка успокоиться срывается. Мозг червем точит мысль: это уже старость, а за ней широко шагающая смерть.

Как все поменялось в одно мгновение. Неплохой подарок на венчание. Спасибо, Вера! Но какой цинизм – дать состариться за короткий промежуток времени и умереть... Уж лучше бы отдали тело на растерзание крысам парижских помоек!

Но нельзя сдаваться: еще есть время, есть шансы на выживание, а значит, на борьбу. Есть телефон тех людей, слу-

чайные встречи с которыми год назад открыли глаза на существование себе подобных. Точнее, на относительно похожих существ, питающихся кровью. Это низкосортная каста относительно Веры, Нади и остальных, они могут лишь продлевать свое существование, не омолаживая тело. Сохраняя только тот возраст и то физическое состояние, в котором они стали кровопийцами.

Случайная встреча Георгия с представителями этого общества в одном из ночных клубов породила интерес к его персоне. Неизвестно, по каким признакам они классифицировали себе подобных, но Георгий сразу взглядом выделил, определяя компанию второсортных в огромной толпе обычных людей. Его узнали тоже.

Маленькой слабостью Георгия была женская кровь. Жертвами же их преступной четверки были в основном мужские особи. Вера знала эту слабость Георгия. Возможно, это шло из прошлой жизни настоящего Георгия: может, он был женщиной до реинкорнации. Или это же своеобразная месть за неудачные попытки, связанные с половым бессилием в реальной прошлой жизни Георгия. Так или иначе, Вера, закрывая глаза, позволяла брать частицу «капель крови животворящей» и отпускала по ночам Георгия.

В ночных клубах в основном уже под утро в кабинке туалета он сливал с бессознательных особей женского пола кровь и растворял в ней «знание». Выпивая, ловил своеобразный кайф. Нет, это не омолаживало, так как свежая кровь

была неподготовлена. Это давало короткий, штурмующий мозг и тело эффект. Среди употребляющих наркотики называемый «приходом».

Он встретил компанию кровопийц снова в одном из клубов. Но этот раз внешний вид Георгия шокировал второсортных. Он понял причину подобной реакции: Георгий выглядел помолодевшим. Осознав собственную ошибку, он испугался.

Вера, зная про визуальные контакты с кровопийцами, вряд ли отпускала бы Георгия. Понимая это, он молчал. Теперь, дрожа под удивленными взглядами, жалел об этом.

– Отличная омолаживающая маска! – сарказм одного из представителей второсортного подтвердил опасения Георгия. – Лет пятнадцать снимает как минимум.

Высокая фигура, облаченная в черное, возвышалась над Георгием. Убеждать оппонента в том, что тот обозначился, было бессмысленно: Георгий перекинулся с ним в прошлую встречу парой слов возле стойки бара.

– Всего лишь уколы, растягивающие кожу лица, – улыбнулся жалко в ответ Георгий.

– Обсудим...

Георгию без всяких предисловий дали понять, что о существовании четверки известно. Что раскрытие формулы «знания» всего лишь вопрос времени. За этим стоят большие люди. И он (Георгий) может стать одним из членов общества этих больших людей, если он ускорит процесс...

Георгий тогда чудом ушел. Спас рейд наркоотдела в заведении. Он прекратил свои похождения по клубам, вызывая интерес тем самым у Веры. Тогда он жалел о случившемся.

Теперь нет. Напротив, он листал книжку с визитками в поисках ставшего так необходимым телефонного номера. Его лицо казалось мертвенно-бледным в свете станционных фонарей, проносящихся мимо окна скоростного поезда.

*

– Мы встретимся снова, – восторженно прошептала Надя, нарушая чуткий сон Владимира. – Встреча не за горами...

– Что там? – Владимир мгновенно отреагировал на ее голос, путаясь в шелке постели.

– Жрица и десять пентаклей... – Надя сверкнула отражением ночника в глазах.

Для Владимира это был темный лес в ночное время суток. Надя собрала в колоду карты, разложенные на простыне.

– Мы скоро встретимся с мамой, так гласят карты...

Владимир попытался выразить восторг словесно.

– А карты не врут! – Надя вскочила, улыбнувшись, закатила глаза и, пританцовывая, закружила по комнате.

– Отметим? – Владимир размял отдохнувшее тело.

– Хочется чего-то свежего, такого поющего, словно тенор, подражающий пению птицы, такое соло утренней звезды...

– Надя мечтательно закрыла глаза.

Он обнял ее, ощущая возбуждение женского тела. Глаза ее открылись. Она закусила губу.

– А не подойдет рок-звезда подвального пивного паба? – Он рассматривал светящиеся близко глаза. – Я видел афишу в вестибюле гостиницы...

– Как можно так омрачить эмоциональный подъем, смешивая его с отбросами рок-культуры? – Надя театрально надула губы.

– Тогда найди нам оперного певца сама.

– Без проблем...

Владимир одевался, понимая, что она найдет то, что хочет.

Уже сидя в такси, она тыкала в его лицо программкой предстоящего в хор-зале концерта. Напевая при этом припев хита исполнителя, покорившего музыкальный олимп.

Ничего общего с оперным певцом. Музыканты, исполняющие рок-оперу. Зал заведен до предела. Даже Владимир, не являющийся поклонником подобного направления, попав в атмосферу, созданную безумным ритмом и рвущими внутренности гитарными струнами, сам того не замечая, становится фанатом рока. Он двигается в ритме вместе с толпой. И только Надя, стоя перед сценой без движения, похожа на брошенного ребенка возле бушующего океана.

Во всем этом «рок хаусе» солист находит взглядом именно ее. Он поработщен этим штилевым спокойствием. Именно она уходит с ним за кулисы. Именно она сливает кровь с находящегося в трансе рок-певца.

Остальное – отработанные до автоматизма манипуляции.

Подготовка крови. Смешивание со «знанием».

Нет никакой песни утренней звезды. Есть эмоциональный драйв, переходящий в безумный ритмичный секс. С горящими друг напротив друга глазами, схожими с лазерными пушками концертного зала. Укрывающая шелком сплетение тел простыня – как занавес финальной части представления.

*

Вера бежала. Бежала от чего-то ужасного. Интуитивно она понимала: сила, идущая за ней, беспощадна. Поэтому она отвела от себя дочь. Она знала: Владимир умрет, но не отдаст Надю никому. Или умрет вместе с ней. Она также знала, что именно Георгий – слабое звено цепи. Тяга к власти всегда читалась в нем. Существование в атмосфере феминизма увеличивало силу стремления. Власть любой ценой. Ценой предательства? Да! Вопрос времени. Георгий был миной замедленного действия. Ее необходимо было обезвредить. Она это сделала.

Георгий с самого начала легко поддавался гипнозу. Вере не стоило абсолютно никакого труда «убедить» его в том, что он занимается сексом с ней, а не с холодной блеклой ирландкой. А приобретение серебряного клинка месяцем раньше лишь подтвердило намерения иуды.

Сама того не подозревая, она села в тот же поезд, что и Георгий. Видимо, они были связаны какой-то нитью. Иначе как загнанный поисками ее человек оказывается в одном месте с ней, путающей следы и уходящей от его преследования.

И тем не менее интуиция не подсказала ей, что опасность для нее в этом поезде.

– Билеты к осмотру. – Вагоновожатый в очередной раз прошел в люминесцентном полумраке вагона.

Уставшая Вера протянула билет. Вторично взяла его, обратив внимание на узор дырок от компостера.

Дежавю. Это была угроза. Вера сама попала в гипнотический транс. Она смотрела на клочок картона, прогоняя в голове одну и ту же одинокую мысль:

«Странный номер билета – 427...»

На самом деле Вера в этот момент сидела на заднем сиденье микроавтобуса с заклеенным скотчем ртом и в виде распятия прикованная наручниками.

*

– Она неплохо сохранилась для двухсотлетней бабушки. – Александр грыз мускатный орех, разглядывая торчавшие из-под плаща голые коленки арестованной. – Ни одного изъяна...

– Пьянь! – отреагировала Саша, глядя в окно.

– Истеричка...

– Мне что-то кажется, – Генрих принюхивался к циркулирующему по автобусу запаху перегара, приукрашенному орехом, – или пахнет новыми репрессиями?

– Вам бы собакой в аэропорту работать – и натаскивать не надо! – Александр отвернулся к окну.

– Точно! – Генрих поднял свой пухлый палец вверх. – Без

выходного пособия – это моя любимая формулировка...

Александр повернулся к Саше. Она, плотно сжав губы, пожала плечами. Что, видимо, означало: «Я тут ни при чем!»

Александр достал фляжку и принялся делать маленькие глотки. Это вызвало всеобщие овации.

– Всегда есть что-то приятное в несчастье другого, даже относительно близкого человека... – Александр смачно рыгнул на весь автобус. – Это девиз наш... уже вашей команды. Так вы много преступлений раскроете!

– У-у-у! – Гул общего презрения рассмешил Александра. Только два специалиста по гипнозу не отвлекались на происходящее. Все их внимание было приковано к закованной в наручники молодой женщине.

Александр собирал личные вещи. Все они помещались в сумку «почтальона». Временная база мобильной группы находилась в гостинице, где была найдена последняя жертва сообщества.

Саша олицетворяла предмет интерьера номера гостиницы. Такой же молчаливый и временный, как само предназначение номера. Александр намеренно затягивал сборы.

– Сам виноват! – «нашлась» Саша.

– Ну да, после определения «пьянь» моя карьера должна была пойти на взлёт. – Он в очередной раз достал несессер, проверив его, засунул обратно в сумку. – Колоссальная помощь с твоей стороны...

Она обняла сзади, возбужденно обжигая горячим дыха-

нием его шею. Напряженные точки ее груди ощущались телом сквозь рубашку.

– Не хочу, чтобы ты уезжал...

Он развернулся к ней.

– Замолви словечко!

Ответом стал нежный поцелуй.

– А как же перегар? – сквозь «обмен выделяемой слюной» спросил Александр.

– Пьянь... – Она царапала грудь Александра ногтями, нетерпеливо расстегивая его рубашку.

Близость была короткая и страстная.

Она покидала номер, молча реагируя на его фразу.

– Ты, как вампир, бросаешь меня после секса, получив свое...

Стакан с прикроватного столика разбился о стену.

Александр, надев легкий плащ и солнцезащитные очки, покидал гостиницу. Коллеги с улыбкой провожали его. Кто-то даже бросил саркастическую фразу:

– Приятно было вместе поработать.

Александр нервно выкинул руку с разжатым из кулака средним пальцем – жест, понимаемый всеми национальностями мира. Раздался гул восторга и звук аплодисментов.

Генрих стоял возле автобуса, поставив ногу на порог отодвинутой двери. В руках папка. Лицо выражало удивление. Александр глотнул из фляжки.

– Это действительно феноменально... – пробормотал Ген-

рих, поднимая глаза на подчиненного.

– А я всегда считал это обычной стадией развития алкоголизма. – Александр еще раз приложился к фляге. – Так поэтапно, глоток за глотком...

– Я редко даю второй шанс, – Генрих перебил его, – точнее не я... эта папка дает вам его! Собранный и проанализированный вами материал превосходит усилие всей группы.

Александр скрыл непонимание в очередной порции коньяка.

– Сейчас марш спать! – в голосе пухлого нескладного человека проявились металлические нотки. – С утра должен быть свежим и работоспособным. Всё!

Саша встретила его на пороге номера завернутой в простынь. Объятия. Летучие мыши ее рук закружились вокруг шеи Александра.

– Что в папке?

– Труд всей моей жизни...

*

– Нет!

Сдавленный рыданием крик разбудил Владимира. Затем плач и повтор отрицания. Надя сидела над картами. Дернув плечом, избавляясь от его касания, она снова разложила карты. Он сидел напротив. Она подняла на него заплаканные глаза.

– Восемь Мечей и Башня...

Вопрос на лице Владимира вызывает новую бурю эмоций.

– Ее забрали... – сквозь рыдание услышал Владимир.

– Кто?– он уже понял, о ком идёт речь.

– Карты конкретно не говорят, детализация... – Надя всхлипывала, подставляя лицо Владимиру, вытирающему ее горячие слёзы. – Я могу лишь делать выводы.

– А что с Георгием? Можешь посмотреть?

Карты снова легли обратным раскладом.

– Он жив, – она подняла на него влажные от слез глаза, – и они не вместе...

– Всё будет хорошо. – Он поцеловал ее в губы. – Соберись...

Надя слушалась его так впервые. Так слушает отца дочь, потерявшая мать. Частично это так и было.

Он спрятал Надю в одном из домов, оставленных для экстренных случаев. Только она и Вера знали о местонахождении подобных приобретений. Владимир лишь знал, что они существуют. Теперь он узнал расположение одного из них. Это был действительно особый случай.

– Не оставь меня умирать здесь... – Она провожала его, стоя на пороге.

– Запасов тебе хватит на неделю, – Владимир улыбнулся, глядя на ее посвежевшее лицо, – я вернусь раньше. Если нет...

Надя закрыла указательным пальцем его губы.

– Я не хочу даже думать об этом.

Владимир посмотрел на небо, на звезды, на светящуюся

луну, кутающуюся в рваных облаках.

– Ты знаешь, что делать.

Он ушел, не оборачиваясь. Она зажгла свечи возле зеркал, села за стол. Шелест карт. Шорохи дома, долго простоявшего нежилым. Мерцание теней.

Владимир предполагал избавление от Георгия. Он сам способствовал этому. Несколько оброненных предположений в присутствии Веры сделали свое дело. Подобные действия были обоснованы.

Не только Георгий выходил по ночам в свет. Это делал и Владимир. Не ставя никого в известность, он наблюдал за Георгием. Он знал о его встрече со второсортными. Более того, он сам имел диалог с представителями низшей касты. Владимир играл свою игру.

Он устал быть просто слугой. Власть. Одна из самых сильных действующих наркотических субстанций, толкающих людей на безумные порой поступки. Стремление подчинять было усилено собственным статусом.

Владимир дал понять второсортным кровопийцам, что может делать с ними свежая кровь, приготовленная на основе «знания». Два представителя из высшего слоя общества мира андеграунда, ощутив себя помолодевшими и сильными на короткий отрезок времени, были готовы встать под знамена Владимира. Князя Владимира. Так они начали именовать его.

Князь...

Это вызвало улыбку снисхождения на лице Владимира. И раболепие в глазах второсортных.

Как просто: дай то, что нужно жаждущим, – и ты подчинишь их себе. Чем не основа успешной формации власти?

Он крал. Пока только «знание». Он знал – в будущем украдет и саму формулу «знания». Он рисковал – интуиция Веры, карточные расклады Нади. Но за столько лет существования сообщества он изучил слабые места. Он убрал своими руками много потенциальных конкурентов, при этом оставаясь буквально в тени.

Князь...

Как кружил голову этот титул. Эхом доносясь из прошлого, дергая всю его сущность. Неужели они думали, что он простит им всё? Смерть близких и собственное унижение. Блестящий офицер, элита – слуга...

Мсть – холодное блюдо? Владимир сказал бы – ледяное. Леденящее кровь в жилах. Живую кровь.

– Князь? – раздался хриплый голос в телефоне.

– Да... – Владимир невольно улыбнулся.

– Он у нас...

Вот они – первые плоды возвращенной им власти. Вся та личная мсть, брошенная зерном в землю, дала ростки, тянущиеся к багровым лучам солнца.

*

Александр проснулся от крика. В комнате полумрак. Саша во сне жалась к его телу, возбуждая плоть.

Еще один крик. Схожий с криком летучих мышей. Но какой-то далекий или глухой, словно из-под земли. Одеваясь на ощупь, он услышал еще один. Этот был больше похож на женский.

Луна висела прямо над входом в гостиницу. Ее свет серебрил окружающую зелень, делая сад алюминиевым. Фигурально.

Ночной воздух пьянил цветочными ароматами. Коньяк – выдержкой и градусами. Всего лишь глоток. Шелест крыльев летучих созданий успокоил Александра.

Гостиница спала в лунной ночи. Только не спала женщина. Она снова крикнула, и это был не экстатический импульс. Крик донесся из подвального помещения.

Александр спускался по лестнице навстречу слабо мерцающему свету. Он слышал шорохи, приглушенную речь и женский плач.

Свет шел из проема не до конца закрытой двери. То, что Александр увидел в щель незакрытой двери, несколько шокировало. Рука невольно потянулась к фляжке.

Распятая женщина висела на деревянном круге. Ее конечности вытянуты веревками в разные стороны. Что придавало телу форму перевернутой звезды. Натяжение веревок контролируется механизмами. С опущенной головы стекает кровь.

Перед конструкцией для пыток спиной к Александру стоят двое мужчин. Их рукава закатаны, они без слов понимают

друг друга.

Касание механизма натяжки – женщина вскидывает голову и издает крик.

– Формула? – доносится откуда-то знакомый тембр голоса.

Александр понимает, что его обзору недоступен еще один участник пыток. И он играет здесь основную роль.

Очередной скрип механизма – снова женский крик и снова:

– Формула?

«Как лаконично в наши времена проходят пытки...»

Александр не считал себя героем и, более того, не был склонен к героизму. Он сделал еще один глоток из фляжки. Зато он считал настоящим героем конструктора Макарова, чья модель пистолета находилась за поясом его брюк. Он знал: этот «кусочек железа» сделал многих героями.

Стрелял Александр сносно и давно не практиковал. Но попасть с трех метров в двухметровые тела палачей он смог. Они мешковато опустились на бетонный пол. Затем Александр распахнул дверь. Хлопки еще стояли эхом в вакуумном пространстве помещения.

Генрих. Милый пухлый Генрих. Оказывается, он умел выражать испуг. И скорее всего, непроизвольно. Он даже попытался проявить вербальную агрессию, что ему удавалось до этого всегда.

– Уволен! – Александр выстрелил ему в область груди. –

Сука или нет... Низложен! – Второй выстрел пробил переносицу ловающего ртом воздух начальника.

Пленница подняла голову. Да, это была она – та молодая женщина из преступного сообщества, над которым они работали. В калейдоскопе глаз вращались мука, мольба и желание жить.

Александр не переносил женских мучений, он разрезал веревки, аккуратно сажая измученную пленницу на пол.

– Помогите мне уйти, и я помогу вам обрести вечность...

Не то чтобы предложение было заманчивым и ее голос заворожил Александра, но он как-то отодвинул в сторону вертевщуюся на языке фразу возражения. Десятью минутами позже под шелест крыльев кровососущих они покидали парковку. По-прежнему мирно спящего отеля.

Навстречу им восходило солнце. Казалось, кровью окрашивая горизонт. Александр увозил истерзанную женщину подальше от места ее пыток.

Она, с благодарностью взглянув на него и назвав адрес, закрыла глаза. Он вел машину с пустотой в черепной коробке.

*

Георгий выглядел отвратительно. Это только лишний раз подтвердило его никчемность. Владимир внутренне торжествовал.

– Князь? – Георгий усмехнулся, переводя взгляд с лиц верхушки второсортных на Владимира.

– Где Вера? – Стоящий перед Георгием властно взглянул

на утомленного годами жизни человека.

– Я не нашел ее...

– Она сказала тебе состав? – Владимир гремел металлическим голосом.

В этот момент Георгий все осознал. Он задрал голову и захохотал. Собравшиеся безмолвно проглотили истерику. Молчаливые взгляды были направлены на него.

– Так какой ты князь, если ты сам не обладаешь «знанием»?

– У меня еще есть шансы овладеть им, – ответил Владимир, – а твои уже закончились...

Он взмахнул рукой, и острые клыки впились в шею Георгия. Гаснущие глаза жертвы стекленея смотрели на удаляющуюся властную фигуру.

Владимир широкими шагами шел по коридорам древнего кельтского замка. Его бледное лицо выделялось в свете факелов. Рядом с ним мелкими шагами семенил один из второсортных. Адриан. Всклоченный, всегда излишне суетливый.

– Их наших источников, князь...

– Что!?

– Она у мобильной группы, занимающейся расследованием одного криминального сообщества...

– Откуда это? – Владимир остановился на лестнице.

– Наш человек прослушивает все телефонные контакты группы. – Адриан забежал вперед. – Источник говорит, что она у них уже более шести часов.

– И? – В глазах Владимира блеснул злой огонек.

– Пока ничего... Но они поддерживают связь с... – Адриан оглянулся по сторонам и прошептал что-то на ухо князю. Владимир тяжело вздохнул и на секунду задумался.

– У нас есть опытные бойцы?

– Конечно, князь!

– Мне нужна она! – Поднявшись по лестнице, Владимир, гулко шагая, вошел в каминный зал. – Если нет... Она не должна достаться никому!

– Я понял, князь. – Второсортный суетился возле него.

– Что ещё?

– Может быть, каплю жизни?

– Ваша жадность погубит вас... – Владимир достал металлический пузырек.

Мертвенно-бледными губами Адриан прислонился к горлышку с живительной влагой. В лунном свете, разделенном тенью решетки окна, он казался жаждущим странником, пьющим возле источника. Сильная рука Владимира разрушила этот навязчивый образ. Князь вырвал пузырек.

– Хватит! – Он убрал в карман животворящую жидкость. – Вы и этого не заработали...

Жадный взгляд Адриана скользнул по карману Владимира. Затем он вздохнул, ощущая внутренние изменения, и схватился за лицо, трогая руками разглаживающуюся кожу.

Владимир усмехнулся этому и уселся на трон.

– Убирайтесь, Адриан, и займитесь делами! Иначе это был

ваш последний глоток.

– Да, князь.

Скрипнула дверь. Владимир, улыбаясь успехам, задумался о Наде. Она готова. Она расскажет ему формулу сама. Гибель Веры или известие о попадании ее в руки синдиката заставит Надю это сделать. Он единственный, кто этого достоин. Единственный, кто может помочь ей преодолеть настоящие и приближающиеся трудности. Она вряд ли доверится еще кому-либо.

Синдикат. Шайка богатеев, преследующая их годами. Финансирование отдела, задача которого – розыск преступной группы, занимающейся грабежами и убийствами. Борьба, длящаяся веками. Из поколения в поколение. Банальная жажда вечной жизни кроется под высокоморальными идеями. Богатство и власть. Жажда обладания «знанием» делает их меркантильными негодьями.

Владимир усмехнулся вновь. Глоток животворящей крови. Князь улыбнулся предстоящей войне. Он по-прежнему дворянин и офицер. Никакая кровь, ничьи эмоции, поступающие в его организм вместе этой кровью, не растворили в нем его истинного я.

*

Большое сообщество собралось в огромном особняке. Овальный кабинет. Представители синдиката слетелись сюда из разных регионов и даже с разных материков. Это те, кого считают правителями мира. Нет, не президенты стран, ко-

мандующие армий и премьер-министры, нет! Люди – представители знатных фамилий и богатых династий. Именно они неофициально правят миром, дергая за ниточки марионеток, выставленных на сцену мировой политики.

Не все были подчинены. Были отдельные страны и коалиции, не вставшие под знамена правящих миром. Но отсутствие конфронтации свело бы на ноль и необходимость в обществе.

Хотя необходимость все-таки была. Стать более могущественными помогло бы продление жизни. Победа над смертью. Обладание «знанием». Они шли к этому несколько веков. Сначала тайно, затем полуофициально. И только сегодня они приблизились к этому вплотную. Знающий формулу находился в их руках. В руках их представителей, которые знают все о пытках. Палачи, которые развязывали языки немым.

Пространство овального кабинета заполнено возбужденным гулом. Отсутствовали источники связи. Ими являлась пара человек, сообщающая горячие новости.

На красивых стульях работы 18 века сидели те, кто видел будущее, каждый по-своему, вслух лицемерно заявляя о единстве. Здесь были представители разных поколений и концессий.

Здесь были даже те, кто отслеживал знающих формулу уже несколько веков назад. Они были связаны со второсортными. Но уже не вскрывали животворящие артерии своими

кляками. Они были слишком богатыми и мудрыми для этого. Кровь приносили в сосудах. Чистую, девственную, из медицинских заведений.

Их уважали, внутренне ненавидя. Уважали за объединение и информацию. Ненавидели за долгий жизненный путь. Это раздвоение чувств разделяли не вкусившие кровь, ожидающие продление жизни с помощью «знания». Это вызывало и раздробленность собравшихся.

– Ну что там? – нервничал доминант группы молодых представителей сообщества. – Когда я получу доход от своих инвестиций?

– А вы разве не получаете их, финансируя мексиканский картель? – раздался хриплый голос представителей старейшинства.

– Происхождение моих вложений никак не влияет на жизнь собравшихся здесь... – расширяя зрачки, повысил голос безукоризненно одетый молодой человек до тридцати. – Оно странным образом продлевает вам жизнь. Чистая кровь стоит слишком дорого. А я только слышу сказки, – он взглянул на седого старика, – бабушкины сказки, которые в детстве-то меня не усыпляли!

– Терпение... – заговорил не менее почтенного вида «старец». – Терпение, мой друг...

– Да какое терпение!? – Молодой человек бросил электронную сигарету на стол. – Вы уже смерть перетерпели! Она, приходя за вами, сплюнув, убирается восвояси...

Раздались смешки молодых представителей сообщества.

– ... Черепахи столько не живут! – распаялся молодой человек, поправляя светлые волосы.

– Зависть, мой юный друг, плохой попутчик...

Спор прервал вбежавший «источник связи». Экстренность сообщения белела на его лице. Все внимание было обращено к этому человеку.

– Они потеряли ее... – докладчик задыхался. – Кто-то из следственной группы помог ей уйти.

– Бл...дь! Кого мы финансируем?! – Молодой человек вскочил под общий гул неодобрения. – Парни из картеля в три секунды...

Острый клинок уперся в шею говорящего. Еще один – под ребро возле сердца. С противоположной стороны спины – остриё лезвия третьего оружия.

– Клятва о неразглашении... – хриплый голос старика раздался возле самого уха. – Клятва, нарушение которой укорачивает некоторые жизни. Мы собрались для того, чтобы сделать свои жизни долгими... Вы с нами, Юрген?

– Я со всеми... – тихо произнес молодой человек, садясь на свое место.

Воздух наполнили короткие распоряжения. Исполнение которых создали легкий хаос. Обвал котировок и взлет акций погрузил за стенами кабинета кого-то в нищету, кого-то поднял в список Forbes. Слияния закрыли несколько перспективных банков. Шепот трех представителей установил

цену тройской унции золота...

Хаотичные движения собравшихся плавно затихли. Все снова погрузилось в ожидание.

*

Они сидели в дешевой забегаловке. Полусонные посетители ели свои омлеты с беконом, яблочные пироги и пили неприятно пахнувший кофе. Пили его и Александр с Верой. Молодая женщина с остатками сна и пыток на лице разглядывала Александра. Его сломанный нос, лицо мясника. Пыталась разгадать внутренние тайны с виду заурядной личности спасшего ее человека.

Александр, не пытаясь разгадать абсолютно ничего, усталو размешивал ложкой остывший кофе, отрешенно глядя в неопрятную стену заведения.

– О чем ты думаешь? – голос Веры вкрадчиво трогал незадействованные уголки его сознания.

– Вряд ли это можно назвать мышлением... – Александр, пожав плечами, приподнял ложку с кофейной жидкостью над чашкой и тонкой струей вылил кофе обратно.

– На что это похоже? – Вера коснулась его руки.

– Это как раскрытый дорожный чемодан... – Александр оставил касание без внимания. – Только это мой мозг, я ищу в аккуратно сложенной одежде ненужную в дороге вещь, ... среди правильных мыслей – кривую, извращающую всю суть человеческого бытия...

– На что она похожа?

– Это... – лоб Александра наморщился, – это... тело мертвой летучей мыши...

– Ты убил ее в детстве? – Вера улыбнулась.

– Да.

– Избавься от нее в мыслях... – Вера, положив банкноты на стол, встала. – Нам пора.

Александр, стряхивая наваждение, поднялся и пошел к выходу, следуя за тонкой женской фигурой, вращающейся в турникете и лучах утреннего солнца.

Чтобы человек стал подобием вечно живущих, его, в первую очередь, необходимо было лишиться собственной крови. Оставить около одной десятой. Затем заполнить его тело «знанием». Без чего он уже не сможет существовать.

Почти обескровленное тело Александра покоилось на заднем сидении автомобиля. Вера, испив раствор, откинув голову на кресле водителя, закрыв глаза, просматривала жизнь. Жизнь Александра. Ощущая частично его эмоции отдельных жизненных моментов. Никто не знал об этой ее способности. Даже Надя. Именно это определяло пригодность человека – возможность сосуществовать в их сообществе.

Вера интуитивно знала: Георгия уже больше нет. Устранен физически. Владимир вступил в оппозиционный мир. Более опасный, чем что-либо уже было. Более того, он враг, и стремящийся к порабощению. Надя в опасности. Необходимо спешить.

Улыбка появлялась на ее девичьем лице, когда она видела некоторые яркие моменты жизни Александра.

Поздний вечер был теплый, как объятия любимого. Он также возбуждал Веру. Луна, словно стыдясь чего-то, скрылась за тучами, иногда выглядывая из-за них.

Девушка брошенной куклой лежала на пляжном шезлонге. Она доверчиво рассказала о расставании с любимым своей новой знакомой. Приятной девушке с красивыми глазами и ровным загаром на теле. Они нашли что-то общее в своих романтических утратах. Знакомство оборвало вероломное убийство, сливание крови...

Болезнетворный вид Александра сменяется розовым румянцем на щеках. Появляется блеск в глазах. Осмысленность и жизнь...

– Это жизнь?

– Жизнь... – Вера стирает пот с его лба. – Приготовься, она долгая и неприятная, как путь бедняка.

– Странника?

– Может быть... **Но запомни одно: кровь – это жизнь, она льется всегда и... очень часто ради жизни.** – Вера указала на поворот, интуитивно уходя от дорог, по которым могут двигаться преследующие их. – Я не о подвигах говорю, а о банальных убийствах... Ты теперь часть этого!

Александр промолчал. В нем блуждали страдания девушки, расставшейся со своим парнем. Но это были мелочи по сравнению с новой, неизведанной, бесконечной жизнью...

Александр управлял автомобилем. Без лишних вопросов. Он тоже ценил молчание, как золото. И знал цену его самой высокой пробы.

*

Надя металась во сне. Ей снились кошмары. Летучие мыши невероятных размеров, срываясь с деревьев, нападали на нее и пили кровь, присасываясь к ней. Высасывая из нее только что испытанное ею «знание». Плакала Вера, стоя над бьющим кровью гейзером ...

Надя вскочила в поту. Шорох крыльев, сливающийся с шепотом за шторкой окна. Затихает. Свет ночника возле зеркала. Лицо в отражении искажено от испуга.

Колода карт. Руки быстрыми движениями раскладывают карты.

«Император и 2 Кубка...»

Кто-то становится более сильным и могущественным. Недостигаемым. Кто-то из близких. Георгий? Владимир?

– Но Георгий не так близок... – Надя, не замечая, шептала, озвучивая ход своих мыслей.

Комбинация выпадала несколько раз подряд. Надя отбросила в сторону сомнения.

Возродившийся шепот и шелест крыльев за окном дают импульс к своеобразным действиям. Кусок мела. Взгляд на часы. 5.30 утра. Шепча на древнешумерском языке, Надя рисует огромную пентаграмму на полу. Ставит в лучи звезд зажженные свечи.

Контрольный расклад карт. Комбинация не меняется. За окном все тот же ненавистный шёпот.

Надя садится в центр пентаграммы на полу и, накрываясь сатином простыни, шепчет заклинания, переходя с шумерского на египетский. Надя тоже имела индивидуальные способности. Об этом не знал никто. Догадывалась Вера в силу родственной близости.

Шёпот в доме расслаивается на несколько голосов. Сначала это два голоса, затем три. Вскоре шёпот переходит в гул. Кружащие возле дома летучие мыши, панически крича, слыша вибрацию голосов на своей частоте, улетают, спасаясь бегством.

Серый горизонт вскрывается алым светом восхода, словно резанная ножом рана.

*

Защитная стена кельтского замка. На ее сером камне в ночи пятно света. В нем силуэт существа с крыльями. Яркий свет залы создает этот эффект, оттеняя человека, стоящего в глубокой нише окна размером с человеческий рост.

Князь. Владимир стоит, раскинув руки в стороны. Руки дрожат под тяжестью висящих на них летучих мышей. Животные, вися в верх ногами, зацепившись друг за друга, создают две шевелящиеся плоскости. Крылья. Зубы Владимира стиснуты. Но он держит напряжение – это его ноша.

Доносится шепот. Разноголосье древнего языка. В нем он слышит и знакомый голос. Кровопийцы, висящие на его ру-

ках, нервничая задержались, закричали и, срываясь, колыхая тело Владимира, улетели.

– Надя... – Владимир улыбнулся оскалом чудовища.

– Князь?! – раздался голос изнутри залы.

Владимир выругался внезапному вторжению второсортного подчиненного. Но он смог усмирить свой гнев. Он выслушал доклад. Вновь воспламеняющий его гнев.

Владимира трясло даже возле камина. Его зловещая улыбка озаряла бледное лицо. Глаза хищно блестели.

Адриан бегал по залу, поправляя предметы, неправильно стоявшие в его представлении. Он негодовал из-за нерасторопности своих людей. Визуально он выражал именно это.

Но Владимир знал причину его выплескивающихся наружу эмоций: Адриана банально ломало. Он вкусил «знание». Не ту бьющую фонтаном из вспоротой артерии человеческую кровь, что поглощал ранее.

Нет ничего сильнее, чем принятие «знания». Ни один наркотик не мог сравниться с этим. Что наркотик? Так, жалкое подобие временной эйфории.

Приняв «знание», человек молодеет и становится при этом сильнее, умнее, свежее... Восстанавливались отмершее клетки его организма. Стопроцентное привыкание.

– Прекратите, Адриан, ваша беспомощность в продвижении наших дел не оставляет вам шансов испытать «знание». – Владимир смотрел на бесполезно горящую свечу – света было достаточно. – Сегодня постный день...

– Я не понимаю, как она ушла... – Адриан в очередной раз передвинул с места на место нефритовый череп на каминной полке. – В руках синдиката она была как в сейфе, нашим людям оставалось только нейтрализовать их и забрать женщину... – Он театрально вскинул руки. – Не понимаю...

– Предпринимайте меры, Адриан! – Владимир устало вздохнул. – Идите, мне надо подумать...

– Князь?

– Нет!

Жалкая фигура, вздыхая на ходу, пересекла зал по диагонали и скрылась за дверью.

Владимир достал металлический пузырек. Открыв его, он вдохнул аромат, как дегустатор вин. Улыбка на лице Владимира стала еще зловещее. Он сделал несколько глотков и закрыл глаза. Маска демона застыла на лице, принимающем розовый оттенок.

Владимир тоже имел исключительные особенности. Особый дар ему давало «знание». И так же об этом не знал никто. И даже Вера со своей пронизательной интуицией не догадывалась. Владимир обретал тончайшую связь с летучими мышами.

*

Вера и Александр двигались, петляя по полупустым дорогам. Объезжая города и маленькие населенные пункты. Еще несколько обескровленных тел, подобно куклам, упали в мокрую от вечерней росы траву.

Он улыбался новым ощущениям. Она улыбалась присутствию нового человека, ощущению относительного спокойствия от этого присутствия. Вере казалось, что так спокойно она была, только находясь рядом со своим отцом. Очень давно. Этого впоследствии не дал ей ни один мужчина.

– Неужели это возможно?

– Что?– нарушил свое молчание Александр.

Вера закашлялась, понимая, что ее мысль вырвалась наружу в речевом формате.

– Так быстро расставаться с теми, кто, казалось, только что клялся в вечной преданности, – голос ее дрогнул на изломе, но даже это прозвучало приятно, – стоя под венцом...

– Я ее бросил, хотя мне казалось, что она то, что создано именно для меня... – Александр заговорил на изломе голоса Веры и заговорил о Саше. – В ней всё замечательно: мысли, улыбка, безудержность в сексе, это моё...

Вера закрыла глаза, слушая его монолог. Она понимала и видела образ девушки. Опасный образ. Но спокойствие от присутствия Александра рядом перевешивало чашу весов в свою пользу. Она улыбалась, погружаясь в мягкую дрему.

*

Тело Генриха и двух неизвестных в целлофане грузили в машины, оснащенные холодильными установками. Собравшаяся следственная группа провожала их взглядами. Глаза коллег погибших выражали страх, интерес и ожидание...

Ожидался приезд нового человека, кто по прибытии воз-

главит группу. Никто о нем не слышал как о специалисте и вообще как о человеке. Неизвестность почему-то пугала их больше, чем ужасная известность. Все отталкивались от профессионализма бывшего начальника.

Саша бессвязно отвечала на вопросы коллег, касающиеся исчезновения Александра. Откуда ей знать, имел ли он отношение к тройному убийству и, главное, – исчезновению одной из основных подозреваемых.

«Возможно, он уже обескровлен или в лучшем случае трясется в багажнике автомобиля...» – эта версия вызвала ухмылки на лицах коллег. Саша, сославшись на головную боль, укрылась в прохладном зале ресторана.

Она, достав блокнот и рисуя в нем абстрактные фигуры, искала ответы на вопросы. На ее собственные. Заданные коллегами вопросы ее интересовали меньше всего. Хотя они были схожи по смыслу.

«Кто он на самом деле? Друг или изворотливый враг...»

«Что он смог узнать обо мне?»

«Почему я так быстро позволила манипулировать собой?»...

Всё случившееся за ночь сделало Сашу эмоционально неуравновешенной, что казалось в отношении нее абсолютно невыносимым, ее цели раздвоились: раньше она четко шла к одной, теперь замаячил на горизонте Александр. И что-то ей подсказывало: обе эти цели косвенно соприкасаются.

Она услышала призыв к общему собранию, эхом гуляю-

щий по просторам гостиницы. Саша оставила на белой ска-терти листок бумаги со штрихами карандаша, линии которо-го создали летучую мышь с короной на голове, застывшую в убийственном прыжке.

Из огромного Jaguar выбрался человек в темном костюме и в солнцезащитных очках. Поиграв скулами от сжатия зу-бков, он взглянул на солнце, затем на встречающих его. След-ственная группа невольно создала гул с заложенным в него страхом. Саша не поддержала общую массу – она с интере-сом разглядывала нового начальника. Его образ рассказал ей о многом, она знала многое о подобных людях.

– Я Роберт, здравствуйте. – Он снял очки, щуря даже в тени свои черные глаза. – Так случилось, что нам работать вместе... – Он бросил взгляд на выставившего его дорожную сумку водителя. – Я многогранен, но рекомендую не касать-ся моих крайних граней... Они бесчеловечны.

– И что нам делать с этим? – Роза трогала свои рыжие огненные волосы. – Закруглить их что ли?

– Вы...? – Роберт улыбнулся.

– Я Роза.

– Вы, Роза, станете моей помощницей, без этого невоз-можно... – Он двинулся ко входу в отель, еще раз взглянув на полуденное солнце. – С вас же краткий отчет, на основа-нии которого и назначим собрание. Возможно, придется со-кратить штат.

Роза, заматывая волосы в узел и демонстрируя объем при-

поднявшейся при этом груди, отправилась за новым тира-
ном.

Группа выпустила пар, не стесняясь, принялась рассмат-
ривать претендентов на сокращение. Большая часть взгля-
дов была прикована к Саше. В них злорадство. Сочувствия,
разумеется, ноль.

Саша, фыркнув, отправилась обедать. Но съесть смогла
только сырный суп с шампиньонами. Тело цыпленка табака
напоминало ей о трупях. Она представила скрюченный мерт-
вый образ Александра и, подавив подкативший к горлу ком,
вышла на воздух.

Все собрались в том же зале ресторана. Роберт раздавал
распоряжения. В принципе, адекватные и задающие уско-
ренный ход следствию. Роза подкрепляла их письменными
дополнениями. Роберт вносил коррективы в некоторые из
них. Саша вместо ожидаемого увольнения получила особое
распоряжение.

– Александр... – Он смотрел ей в глаза, его глаза напоми-
нали две угольные точки, оставленные рисующим ребенком
на белой стене. – Думаю, даже после короткого знакомства
вы поняли, что он из себя представляет, и уже предполагаете
дальнейшие его ходы?

– Если он еще жив, возможно. – Она разглядывала чер-
ноту глаз начальника, словно раскладывая на составляющие
формулу угля. – Но вряд ли он доминирует в группе бегле-
цов.

– Возможно всё... И мы не можем исключать этого. – Роберт сверкнул острыми кончиками клыков. – Прорабатывайте эту версию! – Он коснулся ее руки. – Мы нигде не встречались?

–Вряд ли. Я дебютант в области расследований.

–Всё, за работу! – закашлявшись, Роберт оглядел Сашу с ног до головы.

Она же отправилась в душ, до конца не понимая, что пытается отчаянно стереть с себя мочалкой: липкий взгляд начальника или ненависть, выраженную в глазах коллег. Сковывало мерзостью и то и другое...

*

– У меня есть дочь... – Вера искала реакцию в глазах Александра.

– Она сейчас с няней? – Александр запоминал алгоритм приготовления крови.

– Можно и так сказать... – Вера улыбнулась, вспоминая исполнительную преданность Владимира.

Александр складывал колбы и горелки в специальный чемодан с инструментами, предназначенный для химических опытов.

– Звучит не совсем убедительно!

Подняв друг перед другом бокалы, выпили свежесотворенное «знание». Закрыв глаза, они размышляли каждый о своем, получая эмоции, пережитые неделей назад соседкой по кемпингу. Молодая женщина, борясь со скукой, приняла

приглашение молодой пары на ужин. Это была ее ошибка.

– Моя дочь далеко не младенец...

– Она одна из вас?

– Ты поразительно догадлив...

– Специфика работы... – Александр закурил. В реальности он не курил, этого на пережитых эмоциях остро хотела жертва. – Меня несколько пугает побочный эффект от принятия «знания»...

– Что именно? – Вера приоткрыла глаза, забирая сигарету из рук Александра и делая глубокую затяжку. – Ты об этом?

– Именно. – Александр глубоко вдохнул свежий воздух, ворвавшийся с порывом ветра в спальню легкой деревянной постройки. – А если жертве на тот момент хотелось кого-то убить, расчленить? Вдруг этого захочется и мне...

– Или вдруг жертва гомосексуальна и садомазохична...

– Вера приподнялась на локте, заглядывая в глаза Александра. – В этом случае тебе захочется испытать половое насилие?

– Да, в конце концов. – Александр встал и подошел к открытому окну.

– Это целиком зависит от внутреннего я человека, принявшего «знание», – из полумрака комнаты донесся приятный голос Веры.

– В каком смысле? – Он снова закурил.

– Ну многие люди, будучи гетеросексуальными, сами того не подозревая, подсознательно хотят иметь однополого парт-

нера...

– И?

– И выпивая «знание», сотворенное из крови гомосексуалиста, они пробуждают свое подсознание, скрытые чувства и стремятся к этому... И так во всём! Убийства, маниакальные расстройства, жажда к подчинению...

– Ты что, серьёзно? – Александр развернулся к идущей к нему Вере.

– Более чем... – Она, прижимаясь, принялась «расстеги-вать» вельвет его рубашки. – Сейчас мы узнаем, кто ты на самом деле... Соседка призналась мне, что не дождалась подругу на прошлый уикенд...

За спиной Александра носились тройца летучих мышей. Казалось, они играли: две из них гоняли одну. Теплый ветер доносил аромат цветов, растущих в клумбах. Звуки открытого ресторана кемпингов вмешивались в диалог двух разгоряченных тел.

Одна из мышей, залетев во время игры, выскочила обратно, оставшись незамеченной.

Глядя на бриллианты капель утренней росы, что выделялись, «зажженные» лунным светом, на ровных нитях паутины окна, Вера прижималась к Александру. Они наблюдали, как паук перебегает от одной капли росы к другой.

– Это похоже на меня... – грустно произнесла Вера.

– Чем? – Он потерся головой о женскую шею, как преданный кот о хозяйку.

– Вся жизнь... от одной капли крови животворящей до другой, – Вера усмехнулась. – Не бойся...

– Ты о чем?

– То, что ты спрашивал вчера... – Их глаза были близки. – Ты сам научишься отфильтровывать ненужные тебе эмоции жертвы.

– Все так просто?

– Да, – ее голос спал до шепота. – Я открою тебе формулу «знания», она тоже проста, и ее надо спасти. Мне самой уже не спастись...

С ветки цитрусового дерева сорвалась маленькая стая летучих мышей. Они летели в сторону восходящей звезды. Они летели на восток, выделяясь черными точками в ярком свете солнца.

*

– Нееет! – в зале кельтского замка раздался рёв дикого зверя. Эхо, сотрясая стены, вырвалось через окна наружу.

Летучие мыши до последнего сидели на плечах и голове хозяина. Но повторный крик согнал их.

– Нет, Вера!

Кулак Владимира, разбрасывая посуду, опустился на стол. Его бледное лицо «разрезала» зловещая улыбка.

В дверях появилась услужливая фигура Адриана.

– Князь?

– Мне нужны лучшие люди, самые лучшие! – Широко шагая, он подошёл к военной карте вековой давности. – Здесь,

на юго-западе, в летних домиках находятся мужчина и женщина... Мне нужны их тела, живые или мертвые – мне все равно.

– А синдикат, князь? – Адриан собирал разбросанную по полу посуду.

Владимир расхаживал возле карты. На секунду он замер, закрыв глаза. Улыбка на лице. Открытие глаз. В них блеск азарта.

– А синдикат, Адриан, под контролем, ждём сигнала... – Он достал пузырек, ловя на себе жадный взгляд. – Ждём сигнала.

Адриан, собирая склянки, подполз к ногам Владимира.

– Князь...

Владимир вставил горлышко пузырька в рот пресмыкающегося возле его ног когда-то человеческого существа. Он едва оторвал пузырек, прерывая сосущие звуки.

– Хватит!

Адриан, разгибаясь как пружина, встал перед Владимиром.

– Мне нужна свежая кровь: молодой человек – лаборант или аспирант, занимающийся химическими опытами, не злоупотребляющий, желательно спортсмен...

– О князь, неужели? – Посвежевшее лицо Адриана выражало верхнюю степень преданности. – Вы узнали...

– Нет ещё! – Владимир буквально взвыл. – Но я на пороге. Занимайтесь делами, Адриан!

Едва дверь закрылась, Владимир сел возле окна, на его оголенные руки села небольшая стая летучих мышей. Часть из них присосалась к плоти человека, несколько прыгнули ему на лицо, вслушиваясь в шепот, срывающийся с его губ. Несколько минут – и стая, взлетая, растворилась во мраке окна.

Несколько глотков «знания» – и новая стая мышей облепила Владимира. Одна из мышей сунула голову в рот человеку, коснувшись языка. Улыбка князя.

Срываясь, стая улетает в окно. Владимир провожает взглядом их, ставших черными точками в небе, до полного исчезновения.

*

Надя с измученным бледным лицом переходила из одной нарисованной мелом пентаграммы в другую. Она раскладывала карты, не выходя за их пределы.

Ее лицо осунулось, губы потрескались. Лицо в тон постельным простыням, на нем темнеют впалые глаза. Оголенная грудь провисла. Кожа тела местами покрывалась «апельсиновой коркой».

Она забыла о «знании». Она искала ответ в картах. Расклад за раскладом.

– Нет, нет ... – голос ее повышался до визга. – Этого не может быть!

Надя не верила картам. Это случилось впервые. За прошедшие сутки она неоднократно бросала их в стену. Затем,

снова собрав колоду, читала расклад за раскладом.

Предательство окружало ее. Владимир. Мать, слепо доверяющая незнакомцу. Это не укладывалось в ее голове.

– Нет! – Надя села возле зеркала. Оглядев себя в отражении, усмехнулась нахлынувшей на нее старости. Она делала так и раньше. Из отражения смотрела старуха.

– Бабушка? – Надя улыбнулась. – Поговори со мной...

Она тянула морщинистые руки к отражающемуся в зеркале не менее морщинистому лицу. Прародительница привила ей способность гадать на картах.

– Скажи, карты не врут? – ее голос сорвался.

В ответ по щеке морщинистого лица в отражении потекла слеза, засыхая на ходу.

– Почему? – Надя качнула головой вбок.

Старушечье лицо напротив тоже качнулось, размножая отражение. Надя увидела качающиеся головами лица жертв, каждое лицо освобождало следующий образ на доли секунд. И так друг за другом. Сотни, тысячи...

– Это расплата?

«Бабушкина» голова склонилась, из обоих глаз потекли слезы. Лицо, застывая, превратилось в маску.

Надя ощутила, как ей стало трудно дышать. Она судорожно искала среди косметики пузырек на зеркальном столе. Страх затмил разум. Рука нашла искомое. Несколько глотков. Еще и ещё. Пузырек летит в сторону.

Перед глазами ее морщинистая рука. Морщины разглажи-

ваются, кожа принимает приятный кофейный оттенок. Легкие наполняются. Она улыбается молодющему отражению.

Мокрой простыней она стирает пентаграммы. Рисует на высохшем мраморе пола одну большую. Каждый скрип мела, каждая черта рисунка вселяет ужас. Но бодрящий ее ужас. Надя зловеще улыбается, шепотом повторяя слова древних ацтекских жрецов.

Повисшие на занавесках мыши срываются, с криком улетающая прочь. Надя ухмыляется, слыша это. Заканчивает, соединяя начерченные мелом линии. Лунный свет, проникший в окно «зажигает» половину пентаграммы.

*

Овальный кабинет живет ожиданием. Члены синдиката перешептываются, рассказывая друг другу странные истории. Все связано с продлением жизни. Все разговоры об одном. Уже не слышно речей о бизнесе, приумножении капитала. Всех интересует одно. Особенно после того, как знание формулы «знания» было фактически в их руках.

– Как это было в первый раз, Рудольф? – обратился в полный голос к старейшине один из молодых членов синдиката.

– Странно... – Седовласый старик оглядел обращенные к нему взгляды. – Шла война, предпоследний ее круг. И мы проигрывали ее, хотя повсюду еще слышались бравады и пропагандирующие лозунги. – Рудольф взглянул на свои сморщенные руки. – В штабах шепот о неумолимости некоторых генералов, разговоры об оружии возмездия. Но в гла-

зах офицеров оттенков поражения. Никто уже не верил в победу. Подсознательно все сдались.

Тишину овального кабинета нарушал только этот хриплый монолог и писк летучих мышей за окном, обращающий на себя внимание только некоторых участников.

– Я тогда сильно пил со своим ослепшим на один глаз другом, он прибыл с восточного фронта. – Выцветшие глаза Рудольфа блуждали в пространстве. – Меня вызвали на допрос одного пленного, не помню уже, кажется, английский летчик. Мартин увязался со мной: он никогда не участвовал в подобном...

Один из обслуживающих овальный кабинет принес три бокала для старейшин. Они до краев были наполнены кровью. Кто-то из молодых поморщился, глядя на то, как они пьют эту субстанцию.

Раздался шорох возле окон овального кабинета. Но на это мало кто обратил внимание.

– ...Летчик требовал соблюдения конвенций и всего такого...

Среди некоторых собравшихся одобрителный гул, видимо, англичан.

– Но, повторяюсь, шла война, и мы были по разные стороны, – не обращал внимания на гул Рудольф. – Мы смеялись... и били пленного, пили снова, и снова все повторялось... В один момент летчик на чистом немецком призвал Мартина склониться к нему. Руки пленного были стянуты

за спиной, и моему другу ничего не угрожало. Я вышел по нужде. Услышав нечеловеческий крик, я вбежал в кабинет – Мартин лежал возле ног пленного, трясаясь в конвульсиях, его шея импульсивно кровоточила. Рот пленника был в крови, и он хохотал, как сумасшедший. Я застрелил его...

Гул неодобрения не вызвал никакой реакции у Рудольфа. – ... Мартин укусил меня, когда я посетил его в госпитале. С того дня я его больше не видел, но жизнь моя полностью поменялась...

Снова шорох за окнами и шелест крыльев улетающих летучих мышей.

– И с того само дня...? – Самый молодой из собравшихся закусил губу.

– И с того самого дня я пью человеческую кровь, и это помогает мне жить...

– И жить дольше, чем положено? – голос молодого человека дрогнул.

– Если хотите, да... – Старик вздохнул, глядя на сидящего по правую руку от него такого же старейшины, как и он. – Но кто не хочет жить? Назовите... Псих или уставший от невыносимой боли пациент? Их единицы...

– Но доноры, приносящие кровь в клинику, надеются, что она спасет чьи то жизни... – Юрген, вглядываясь в темноту окна, поерзал на стуле.

– Так и спасают... – Рудольф вздохнул. – Мою! И не в нашем обществе, Юрген, полемизировать на тему этических

норм, раз уж мы все здесь собрались...

Взгляды собравшихся метались от Юргена к Рудольфу. За окном же метались, шурша крыльями, летучие мыши.

– Я и так толерантен: не вскрываю артерии жертвам и не убиваю, сливая кровь человека, введя его в гипнотический транс...

– Это лишь финансовый вопрос, – Юрген негодовал, взглядом ища единомышленников. – Не имея средств для покупки донорской крови, вы бы сейчас вскрывали человеческие сосуды тел в темных переулках гетто, забыв о своих...

– Послушайте, молодой человек! – Третий старейшина, сидевший не за столом, а в кресле-каталке возле окна, привстал на больные ноги. – Не стоит судить о людях и их поступках, не примерив на себя их шкуру...

– Оставьте, Франц! – Рудольф приподнял руку, призывая к примирению. – Молодой человек слишком молод...

– Да, молод, – гордо приподнял подбородок Юрген, – но уже достаточно стар, чтобы помнить своего деда – отставного оберлейтенанта, потерявшего глаз в боях за великую Германию. И выходящего по ночам в город...

– Мартин? – голос Рудольфа дрогнул, заставляя вздрогнуть собравшихся.

Только не Юргена – тот стоял возле окна, вглядываясь в глаза и острые зубы повисшего вверх ногами маленького зверька.

– Да! – Сталь глаз молодого развернувшегося челове-

ка пронзила Рудольфа, расстегивающего ворот белоснежной рубашки.

– Что с ним стало? – прохрипел старейшина.

– Ему вбили осиновый кол в сердце и... в глаз на всякий случай. – Юрген снова посмотрел на внимательно следящего за ним зверька, забыв про слушающую его аудиторию. – Но что парадоксально, это сделали одни из основоположников этого общества...

– Я... Юрген... – Рудольф вскочил, хватая воздух ртом. – Я не имею к этому никакого отношения...

Тяжело дышащего старика вынесли на руках. Едва дверь закрылась, все взгляды были обращены к человеку, стоящему возле окна. Юрген протянув руку к летучей мышке, улыбался ее легким укусам.

– Франц, достопочтенный Франц, – голос Юргена был наиграно ласков, – вы же не станете отрицать растрату денег сообщества четверть века назад с последующей пропажей бухгалтера и его записей? Вам предоставить некоторые свидетельства об этом документы?

Под страдальческий крик старейшину запихали в его же коляску и вывезли из кабинета.

Последний из старшего поколения под тяжёлым взглядом Юргена поднял обе руки вверх.

– Я никогда не был консерватором, и мне не чужды новые веяния.

Юрген, отвернувшись, столкнул мышку с окна. Та, взлетая,

растворилась в густоте вечернего мрака.

*

Вера и Александр не спеша катили по темным улицам. Зажженные фонари кадрами освещали сюжеты жизни маленького городка. Красивые женские ноги лежали на торпеде автомобиля.

Веру пьянила романтика. словно первое свидание, настоящее, как когда-то давно. Те же эмоции, тот же мандраж. Она не понимала, что в Александре не так. Ничего особенного – простой, прозрачный, как вода. Может, именно это и подкупает, словно чистой монетой?

Весь романтический хмель Веры внезапно оттеняется тревожным импульсом ее неповторимой интуиции: темный автобус возле станции вокзала.

– Здесь направо! – голос ее ломается в крике.

Поворот руля. Визг колес. Темная арка. Светящиеся глаза Александра, отражающие свет панели приборов.

– Кто это?

– Я не знаю, но враги однозначно... – Тоска засветилась в глазах Веры.

– Что делать?

– Банально бежать.

– А если...?

– Не получится!

Они нашли придорожную гостиницу. Вера устало села в кресло, поджав под себя ноги, словно пряча их от невидимых

врагов. Александр раскладывал вещи. Инструменты.

В дверь постучали. Они посмотрели друг на друга.

– Кто там?

– Сосед. В вашей машине есть ремкомплект?

– Да, – ответила Вера, однозначно взглянув на Александра.

В дверях стоял молодой человек. На лице Веры маска спокойствия. Она крутила снятой с шеи цепочкой с кулоном. Взгляд незваного визитера приковало это вращение...

...Александр складывал инструменты. Вера, откинувшись на кресле, «переваривала» не совсем положительные эмоции жертвы.

– Неужели так просто?

– За эту простоту тысячи людей отдали свои жизни. – Вера подавляла в себе мутящую ее зависимость от алкоголя только что павшей жертвы. – И помни: семь капель крови не жертвы(!) в конце, с интервалом в минуту.

Створка раскрывшегося шире окна стукнула о фасад. Плавно опустилась легкая занавеска. Шорох и писк улетающих летучих мышей.

Страх проник в каждую клетку Веры. Она едва смогла пошевелить скованным телом. Посмотрела обреченно на занимающегося приготовлениями Александра. Он ничего не заметил. Значит, не понял масштаба. Хотя и не смог бы.

*

– Не-е-ет! Мама...

В освещенной свечами комнате пустого темного дома Надя, лежа на полу, стирала намокшими от слез волосами мел пентаграммы. Колода карт рассыпана у стены.

*

– Семь капель крови с интервалом в минуту, – повторил Владимир.

Лицо князя осветила зловещая улыбка. Летучие мыши, срываясь с его головы и тела, улетели через окно кельтского замка.

*

Саша дремала в салоне микроавтобуса. Болтовня двух ее коллег угнетала. Их профессиональные качества не интересовали Сашу, они ей отвечали тем же: группа из трех человек разделилась на две. И Саша не была доминантом. Ее назначение старшей было встречено с явным скепсисом.

Сутки в пути. Маршрут координировался в дороге. Неизвестно, по каким ориентирам. Но звонки поступали с четкой периодичностью.

– Это здесь!

Саша «проснулась», споласкивая лицо минеральной водой из бутылки. Кожа приятно заскрипела.

– Что здесь?

– В 23.00 подозреваемые поселились в номере, – прохрипел один из компаньонов.

– И? – Она массировала лицо руками.

– Надо брать!

– Делов-то! – Саша аккуратно открыла дверь и, мягко ступая, вышла на улицу.

Тусклые фонари. Мрачный силуэт гостиницы. Треск саранчи. Аромат плодоносящей яблони.

Вооруженные пистолетами коллеги обогнали Сашу и двигались впереди, как бойцы спецподразделения. Это вызвало у Саши усмешку. Но ненадолго: крик, потрясший затихшую окрестность, вселил в нее ужас. Каждый из впереди идущих присел на колени. Затем, синхронно поднявшись, они бесшумно двинулись дальше.

Возле входа в гостиницу ей указали жестом оставаться снаружи. Саша не оспаривала. Даже порыв теплого ветерка вызывал у нее дрожь. Теперь она смотрела на уходящие вглубь здания тени, как на единственных близких ей людей, оставшихся на земле. Промелькнул в памяти образ Александра. Но легкое усилие помогло его забыть. Скорее, страх стер его образ. Страх перед неизвестностью.

Саша слышала шорох в кустах сзади. Света фонаря было недостаточно, чтобы рассмотреть производящего шум. Это и толкнуло ее следовать за коллегами.

Стойка ресепшена окроплена кровью. Стена и зеркало – тоже, словно кто-то полил из бутылки.

Дрожь сменилась тряской всего тела и обильным ледяным потоотделением. Но шорох за незакрытой входной дверью толкал Сашу дальше. Прямо по полутемному коридору.

Послышалась отрывистая речь и шум борьбы. Крик. Па-

дение тела. Ещё...

Саша застыла на месте. Скрип двери номера за спиной. Сильные руки развернули ее тело. Белеющее в полумраке лицо было ужасным. На подбородке следы крови. Глаза выражали удивление.

– Люблю сладкое на десерт... – Из рта пахло помоями.

Клыки впились в шею Саше. Теряя сознание, она услышала бой часов. Она успела насчитать три удара.

Кто-то еще дергал ее тело, шею, или, может, это показалось ей.

Сквозь мутную пелену открытых глаз она увидела Александра. Его лицо встревожено. Он протянул к ней руки. Саша в попытке подняться к нему навстречу погрузилась в «темноту бессознательного».

– Это она? – донесся до нее женский голос из темноты.

*

– Да... – Александр осмотрел кровоточащую рану на шее девушки. – Она умрет?

Бледное лицо Саши, лежащей на кровати номера, выглядело предсмертной маской.

– Когда-нибудь... – Вера следила за заботливыми движениями Александра, закусив губу. – Нам нужно убираться отсюда...

– Они вернуться?

– Не сейчас. – Вера отвернулась к окну, в стеклах которого играл свет восходящего солнца. – Они приходили за мной.

У нас еще целый день в запасе, но сюда придут ее коллеги, как и твои, впрочем, бывшие.

Александр поднял тело девушки на руки. Вопросительный взгляд его глаз застыл на Вере. Она поняла: дальнейшее, что касается девушки, не обсуждается.

Может, она допустила ошибку ранних откровений? И Надя была права?

Нет, она почувствовала бы это...

Улыбнувшись, плотно сжав губы, Вера взяла ключи от машины из кармана брюк Александра.

Коридор. Нелепо раскиданы тела. Стоны, мольба.

– Что будет с ними?

– О них позаботятся врачи. – Вера, открывая двери машины, оглядывалась по сторонам. – С каких пор тебя стали волновать человеческие жизни?

– Может, с момента, когда я взял на руки полуживое тело безразличного мне человека...

Александр уложил Сашу на заднее сиденье автобуса. Из шейного выреза ее футболки вывалился кулон с изображением. Александр не заметил украшение. Но оно не скрылось от внимания Веры. Она, посмотрев на лик, высеченный на слоновой кости, улыбнулась.

Замелькали постройки. Заправка. Придорожная лесополоса. Большая развязка дороги.

– Здесь лучше на север. – Вера снова улыбнулась, закрывая глаза.

– Что-то случилось? – Александр, выбрав нужное направление, с удивлением взглянул на Веру.

– Наверное, что-то случилось, – ответила та, не открывая глаз. – Хотя, кажется, что нет... Или, может, хочется, чтоб так казалось...

– Что за привычка так все конкретизировать? – Александр взглянул через зеркало на Сашу и набрал крейсерскую скорость.

Вера, улыбаясь, погрузилась в дорожную дрему.

*

Владимир расхаживал по залу кельтского замка, ставшего уже его резиденцией. Он останавливался у разожженного камина и грел озябшие руки.

За столом кипела работа. Адриан. Он быстро согласился готовить одну из составляющей «знания». Он всегда был готов съесть крошки с барского стола. Теперь, что-то насвистывая, он звенел колбами, погрузившись в работу.

Владимир с ухмылкой на лице проглотил сообщения о неудачной попытке ликвидации Веры. Столкновение с членами розыскной группы спасло жизнь ей и ее новому спутнику. Их посланники прятались от дневного света в подвалах заброшенных зданий небольшого городка. Они будут активны ночью. Как, впрочем, и его маленькие слуги.

– Это даже к лучшему...

– Что, князь?

Владимир оторвал взгляд от языков пламени огня. Пони-

мание того, что мыслит вслух.

– Я говорю: «Это даже к лучшему, что у тебя оказались скрытые способности в приготовлении субстанции». – Он ухмыльнулся, взглянув на спящих летучих мышей, повисших в темных углах высокого потолка зала. – Не пришлось оставлять, а значит, и посвящать во всё этого химика.

– У меня всегда была тяга к знаниям, князь, – раздалось сквозь звон склянок.

– Или жадность к «знанию», а, Адриан?

– Не скрою... – Трансформируясь из дряхлеющего кровососа в гиперактивного молодого человека, Адриан выглядел счастливым. – Это лучшее из того, что случилось в моей жизни. Даже с учетом получения статуэтки за лучшую второстепенную роль.

Владимир громко рассмеялся. Эхо его голоса волной колыхнуло темную массу спящих крылатых кровопийц.

– У меня все готово!

Владимир взглянул на металлические колбы и пузырьки.

– Этого нам хватит на три дня, максимум на пять...

– Князь! Может, некоторые из наших людей достойны...

– Нет! – оборвал Владимир, снова волнуя стаи летучих мышей. – Только в экстренных случаях, когда это необходимо для выполнения особых задач...

Гнев Владимира заставил слегка дрожать Адриана. И склянки, стоящие на столе. Когда звон стекла прошел, Адриан заговорил.

– Я понимаю вас, князь... – Он вздохнул и принялся укладывать металлические сосуды в холодильную камеру с кодовым замком. – Но это может привести к некоторым недовольствам...

– Осиновые колы и серебряные пули всегда быстро подавляли все недовольства среди вашей братии!

– Да, князь... – Адриан отвернулся, пока Владимир набирал код замка. – Отозвать людей, не справившихся с задачей?

– Нет, – Владимир улыбнулся посещаемым его мыслям, – они способны преследовать их ночью, это тоже большой плюс.

– В этом есть необходимость? – Рука Адриана потянулась к остаткам «знания» в лабораторных колбах.

– Я знаю, куда и к кому она придет в итоге. – Он кивком позволил Адриану допить остатки. – Это неизбежно...

– Хорошо, князь, это ваша игра...

– Это не игра, это жизнь. – Владимир и сам глотнул «знания». – Но жизнь без цели и становится игрой...

*

Солнечный свет проник в комнату. Надя тяжело отходила ото сна. Щурясь солнцу, она потянулась, как кошка. Помотала головой, стряхивая с себя остатки ночного кошмара.

Но сознание приводит к мысли, что происходящее – реальность, а не кошмар. Карты не лгут. И никогда не лгали...
«Ты по-прежнему молода и красива... – Надя, улыбаясь,

смотрела на себя в зеркало. – Тогда ты тоже была молодой и красивой... Ветреной и недалновидной... Владимир! – Она увидела морщинки в уголках глаз и глотком «знания» разогнала их по свежеющему лицу. – Перфекционизм, маниакальный перфекционизм... – Подвела карандашом губы, затем, сжав его в кулаке, сломала о зеркало. – Как долго ты скрывался под маской верного и заботливого, м-м-м Владимир... За ошибки прошлого приходится платить настоящим.»

Надя, с легкостью вскочив, сорвала каминную кочергу со стены и, взобравшись на подоконник, согнала висевших в тени под самой крышей летучих мышей. Писк, шелест крыльев.

Она крутанулась, держась за раму окна, напоминая шаловливого ребенка. От дитя ее отличали выбившиеся из-под шелка халата взрослые формы тела.

– О-о-у-у! – Надя олицетворяла радость победителя.

Летучие мыши, прижимаясь к земле, нырнули в густой орешник. Шелест листьев и крыльев.

Она затянула каштановые волосы в крепкий узел. Разложила кельтский расклад и, стянув шелк воротника на шею, улыбнулась.

«Мечь, Владимир? – Ее глаза зловеще светились. – Ты еще не знаешь, что такое мечь...»

Стоя возле зеркала, Надя, сжав губы, осмотрела количество запаса «знания» и, сунув его в дорожную сумку, посла-

ла воздушный поцелуй своему отражению в зеркале.

«Прости, бабушка... и все остальные. У каждого свой путь...»

Во взятой напрокат машине она ехала навстречу грядущему. Навстречу появившейся на горизонте луне, которая повисла медалью «за отвагу» на чернеющем кителе неба, изрешеченного звездами. Она помнила войны и периоды оккупации. Тяжелое время. Время нехватки крови и крушения надежд. Потери близких...

Надя не сняла солнцезащитные очки в момент, когда все поглотили сумерки. Она напевала привязавшийся куплет о «серости всех кошек ночью».

План мести, реалистично реализованный в мысленной проекции, раскидал образы мертвых тел. Беспомощных кукол. Она видела тысячи подобных за свою жизнь. Они лежали перед ее глазами в нелепых позах. Надя только поменяла лица этих тел. Лица, которые стали ненавистными.

На плавном повороте шоссе, уходящего в гору, голосует человек. Девушка. Надя, останавливаясь, улыбается. Но улыбка ее меркнет: в салон проникает смуглое лицо полукровки. Тело сводит судорога, но она натягивает маску приветствия на лицо.

– Извините, до пересечения 166 и 207 не подбросите? – В карих в зеленую крапинку глазах мольба. – У меня немного денег и две бутылки отличного домашнего вина...

– Как далеко это?

– Всего лишь около полусотни километров. – В глазах девушки загорается огонек надежды.

– Какая жалость, – Надя сжимает губы, – мой съезд на плантацию отца в равнине, уже через три километра, может следующие за мной автомобили...

Девушка, словно увидев что-то в лице Нади, отшатнулась от автомобиля.

– Да, наверно, это бессмысленно...

Надя, рванув автомобиль вперед, бросила взгляд на тонкую фигуру, одиноко стоящую на дороге в свете луны.

– Какая редкость, – проговорила она, добавляя музыки в колонках, – радикально расистские взгляды ограждают от опасности представительницу смешанной крови... Какое милосердие, Надежда.

Очередная ее улыбка была посвящена следующему путешественнику автостопом.

– Пересечение 166 и 207...?

– Километров пятьдесят отсюда? – Надя выдохнула дым электронной сигареты и, увидев кивок согласия, убрала сумку с пассажирского места.

Молодой человек забрался в салон, благодаря и кладя рюкзак на заднее сиденье. Надя, трогаясь с проворотом, взглянула на благородную бледность его кожи. Сглотнула слюну. Улыбка парня, понявшего все по-своему.

Молодая пара в авто. Улыбки на лицах. Взгляды смущения. Автомобиль, безвозвратно увозящий его к смерти в на-

дежде на любовь, ее – к жизни через смерть человека, с одного взгляда влюбленного.

«Смерть любимым...»

– Отличный девиз, Надежда, – она стёрла кровь с губ. – Теперь с ним по жизни!

*

Влюбленность Александра угнетала Веру. Она ревновала и негодовала. Чувства, притупленные веками, всколыхнулись.

Быть отвергнутой ее не пугало. Это столько раз случалось за ее долгую жизнь. И столько раз она отвергала сама. Но она всегда хладнокровно манипулировала обстоятельствами и своими чувствами. В данном случае это было невозможно. Интуиция говорила о том, что в объекте ее ревности заложено их спасение. И образ на шее девушки подтверждал ее интуитивные догадки.

– Когнитивный диссонанс, бл...дь!

– Какой странный симбиоз... – Удивленный взгляд Саши был подкреплён не менее удивленным взглядом Александра.

«Эти одноименные разнополюсы люди, вызывающие противоположные чувства, ещё и удивляются одновременно... Каково?»

– Извините, – Вера выразила чувство стыда на лице, – ненормативная лексика иногда выбивает обрывки моих мыслей в речевой аппарат... Это происходит произвольно.

– Как мило, – голос Александры был еще слаб. – Правда,

милый?

– Да, милая... – Александр помогал девушке принять более удобную позицию на заднем сиденье.

– Я поведу! – Вера стиснула зубы до хруста.

Как и управлять чувствами, управлять автомобилями Вера научилась за век идеально. Начиная от механических колясок с огромными колесами, заканчивая дорогими болидами известных брендов. Она сливалась с ними воедино, считая себя их продолжением.

Она улыбнулась четырехполосной магистрали, заполненной автомобилями несмотря на позднее время. Вера начала с полосы разгона, вливаясь в поток, светящийся галогеновой оптикой.

Многочисленные покашливания Александра сменились стонами его подруги. Но Вера не обращала на это внимание, как и на сигналы водителей, недовольных агрессивным поведением на шоссе человека, управляющего дорогим автомобилем. Вера наслаждалась, убивая свои реанимированные чувства.

Изрядная встряска от резких ускорений и торможений вскоре утомила и Веру. Приличный отель, утонувший в зелени и ночной глуши в трех километрах от дороги. Крик ночной птицы и шелест еще каких-то существ в густой листве.

– Нам нужен отдых. – Вера вздохнула полной грудью.

– Вне всякого сомнения. – Саша устало поднималась по лестнице, камень которой зарос мхом. – Но гостиничная

жизнь порой напрягает больше, чем не вполне адекватная манера езды.

– Меня расслабляет и то и другое. – Вера приняла свою сумку из рук Александра. – Спасибо. Отсутствует скомканное напряжение и чопорность слуг элитных домов. А дорога – это движение, движение – жизнь, остановился – умер...

– Как она балансирует на этой грани между демагогией и старческим маразмом? – Саша устало взглянула в глаза Александра.

– Я все слышу, деточка. – Вера стояла перед стойкой ресепшена и морщилась пожилому возрасту работника отеля.

Они стояли возле дверей номеров, расположенных друг напротив друга. Молодой человек с повисшей на нем девушкой возле одной двери и энергичная молодая женщина возле другой.

– У вас интересные татуировки. – Вера улыбнулась, глядя на Сашу. – Давно они у вас?

Саша потерлась о плечо Александра.

– Вы говорите как об украденных серьгах вашей семьи. Это всего лишь татуировки.

Вера в очередной раз улыбнулась, встретившись взглядом с Александром.

– Не каждый отдаст свое тело стае летучих мышей!

– Как и не каждый будет убивать своих близких по крови ради крови...

– Брейк, девочки! – Александр развернул Сашу к двери

их номера.

Двери синхронно открылись, поглощая вошедших в них существ.

– Добро пожаловать в ад! – крикнула Вера и рассмеялась зловещим смехом.

Ответ Саши прервала рука Александра, закрывшая рот девушки.

На окнах отеля возле открытых ставней повисли летучие мыши. Они четко фильтровали вибрацию звука, собирая информацию для своего хозяина.

Луна все ещё гуляла по небу, оттеняя стразы далеких звезд. А линию горизонта уже окрасила алым светом восходящая Звезда востока.

*

– Саша, Сашенька, Сашуля... – Роберт «завис» над трупом своего подчиненного, чье имя и не помнил через секунду после знакомства со штатом. – Девочка, все-таки я не ошибся, мы встречались...

Роза, плотно сжав губы, отвела взгляд в сторону от своего начальника, нюхающего тело. Пятна крови на стене гостиничного номера напомнили ей всполохи северного сияния, которое она видела в детстве, – китовая охота с папой и мамой в Норвегии.

– Всего восемь человек... Тела обезображены, некоторые частично обескровлены. – Розу сам доклад мучил при упоминании мертвых тел. – Двое наших, включая... Константи-

на.

– Кто это?

Роберт сунул острый ноготь указательного пальца в окровавленное отверстие на шее тела. Вынув, растерев кровь подушечками пальцев, попробовал субстанцию на вкус.

– Он перед вами... – Роза в очередной раз отвела глаза в сторону, но наткнулась взглядом на багряный узор на зеркале.

Внезапно из горла трупа вырвался воздух.

– Упс... – Роберт удивленно расширил глаза.

Константин был жив, он задышал, тяжело хрипя и вздымая мощную раскачанную грудь. Роза вскрикнула, закрыв рот рукой. Но оперативно пришла в себя.

– Я позову врача!

Роберт вполоборота повернул голову к находящейся за спиной подчиненной. Его крик остановил ее начатое движение.

– Заткнись! – Он поднял подбородок вверх и, повертев шей, прохрустел шейными позвонками. – Ни слова больше. Пошла вон!

Последняя его фраза дала новую фазу прекращенному перед этим движению Розы. Дверь за ней захлопнулась.

Ее встретили удивленные взгляды коллег, работающих в маленьком коридоре возле ресепшена. Пространство в десятков квадратных метров кровавыми разводами напоминало скотобойню за день до мясной ярмарки. Не выдерживали и

повидавшие многое в горячих точках мужчины. Лицо Розы привлекло внимание выражением свежепережитого ужаса.

– Что? – голоса нескольких коллег слились в унисон.

– Там... – начала Роза, но ее оборвал скрип распахнутой за ней двери.

Роберт вышел, поправляя воротник пиджака. Взгляды подчиненных прилипли к его лицу.

– Немыслимо! – голос Роберта взвизгнул. Роза закрыла свой рот ладонью во избежание крика. – Наши люди гибнут от рук наших же сотрудников! Мы должны во что бы то ни стало изловить этих оборотней в погонах и... – Роберт потерял мысль, но, взглянув на Розу, нашел ее вновь: – И придать суду, товарищескому суду, суду чести...

Роза сделала шаг к начальнику и стерла платком кровь с его губ. Роберт отвел руку помощницы в сторону.

– Закон и порядок, закон и порядок... – Подчиненные поочередно отвели взгляды от разошедшегося начальника. – Все за работу! Идём по следу...

*

– К вам гости, князь!

Владимир нехотя открыл глаза. Суетливая фигура Адриана шоркала по идеально отполированному камню. Для висевшего вверх ногами Владимира Адриан шаркал по потолку. Глаза его воровато рыскали по залу. Так смотрит голодный нищий, ища объедки со стола. Владимир встряхнул руками, несколько мышей сорвались с его голого торса и раз-

летелись по углам зала.

– Я никого не жду! – Он, перевернувшись в воздухе, соскочил с двухметровой высоты и встал на ноги. – Кто они?

– Это гости из-за океана. – Адриан с тоской взглянул на контейнер с охлажденным концентратом. – Очень важные люди. Они здесь инкогнито и... с деловым предложением.

Адриан подал Владимиру свежую рубашку и запонки, отлитые из дорогого металла.

– Вы спали, князь?

– Ты слышал что-либо о медитации? – Владимир удовлетворенно разглядывал себя в зеркале.

– Безусловно, – Адриан завязал галстук на шее Владимира, – хотя и не практиковал, но... представлял несколько иную позу для медитации...

– Каждому своё. – Владимир ослабил узел галстука. – Насколько я понимаю, цель визита не деловое предложение, а деловая просьба?

Адриан ухмыльнулся тракторке, снимая темную пушинку с белоснежного атласа рубашки Владимира.

– Возможно и так, но выслушать мы их обязаны...

– Мы, Адриан?

– Вы, князь! И мне кажется, что им тоже есть что предложить. – Он, поморщившись, взглянул на шевеление под потолком. – Эти создания...

– Они ничем не хуже нас, Адриан, а в чём-то даже лучше. – Владимир щелкнул замком контейнера. – Ты чем-то

обеспокоен?

– Фрустрация, князь, – Адриан сглотнул слюну, – мучит меня....

Сделав несколько глотков, Владимир бросил металлический сосуд Адриану. Тот в несколько глотков опустошил остаток содержимого.

– Ужин, мой господин? – в голосе Адриана проявилась жизнь.

– Приурочим к встрече....

За огромным столом на стульях с высокими спинками сидели гости. Они вызывали у Владимира болезнетворное состояние. Но он держался, бросая ненавидящие взгляды на скользящего вокруг стола Адриана. Прислуга безмолвными тенями обслуживала ужин.

Трещал камин, отбрасывая отблески на присутствующих. Оранжевый свет заходящего светила медленно крался по стене. Адриан с наслаждением наблюдал, как свет приближается к шевелящейся массе летучих кровопийц.

Два афроамериканца, мужчина и женщина, смотрели карими глазами на Владимира и облизывали высохшие крупные губы. Владимир медленно пережевывал крольчатину.

– Вы же из бывших, – Владимир болезненно поморщился, – такие две несовместимости по занимаемым в прошлом позициям....

Раздался скрип стульев под ерзающими на них визитерами. Проявились белоснежные зубы в раскрытых губах го-

стей.

– Я понимаю, почему вы пришли ко мне, но не понимаю, почему вы решили, что меня это заинтересует? – Владимир глотнул терпкости вина. – Такой масштаб, зачем это? Концентрация, синтез, конвейер....

Визитеры предлагали удивительную и странную вещь, поражая своей осведомленностью: синтез, реакция – в этом он не разбирался, несмотря на недавние принятие «знания», сделанного из крови химика. Понятен был предполагаемый результат: «знание», выпущенное в капсулах, упрощало многое: перевозку, хранение, принятие....

– Не лишено смысла, – прозвучало от прокравшегося мимо Владимира Адриана.

Гости напоминали двух прижавшихся друг к другу негритят во время авиаудара. Эскадрильей бомбардировщиков в данный момент являлся сам Владимир и его тень на стене от пламени камина – демон, шевелящий крыльями перед взлётом.

– Что это для вас? – Владимир нахмурился.

– Только бизнес... – Гости поднялись на дрожащих ногах.

– Я подумаю. – Встал из-за стола и Владимир.

Тень, отброшенная им на стену, расширила глаза гостей от ужаса. Адриан, молодой и подвижный Адриан, проводил их.

*

В овальном кабинете прошли изменения: вместе с помо-

лодевшим составом сообщества изменялся и его устав. Безделье в ожидании дало к этому импульс. Сыпались предложения, одобрялись, вписывались в большую книгу в кожаном переплете на листы, тисненные орнаментом.

Представители кабинета поочередно поглядывали на молчавшего Юргена. Появился источник локальных новостей.

– Они встречались, – прошептал человек на ухо Юргена.

– И...?

– Он не дал ответа.

Лицо молодого человека исказила гримаса боли.

– Что с группой преследования?

– Они идут по их следам. – Человек разогнулся в полный рост, притягивая органы слуха всех присутствующих общей информацией. – Буквально дышат им в спину...

Раздался всеобщий гул одобрения, прерванный ударом ладони Юргена о поверхность стола.

– Раздражает эта мышьяная возня! – Мыши, висящие за окном, всколыхнулись и затихли. – Это как наркоманов ставить курить наркотрафик – всё обгадят своей зависимостью.

Юрген заходил по овалу кабинета, оставляя неприятный холодок в позвоночниках сидящих. Негласный лидер молодого поколения сообщества в прошлом – в настоящем вселил страх в присутствующих, и большая часть предпочла бы старый состав кабинета. Но это уже осталось в прошлом.

Тишина угнетала. Ее нарушал только звук шагов и шорох

за окном.

– Я позвоню в картель, они люди неосведомленные и незаинтересованные, для них кровь – цель кровопролития. – Слова вызвали усмешки на нескольких лицах, но и они быстро «погасли». – Они любят лишь деньги. Которые мотивируют их. Пустим за Робертом мобильную группу, у него отличный нюх и... потенциал – он найдёт искомым. Остальное сделают парни из картеля.

Раздался одобрителный гул, сначала несмелый, но под взглядом лидера перешёл во всеобщее бурное согласие. Человек, приносящий новости, став человеком-распорядителем, вышел из кабинета.

– Неразглашение... – проговорил Юрген. – Разглашение карается смертью. Один из основных пунктов устава сообщества. – Он покосился на единственного оставшегося старейшину. – Не будем отходить от старых правил...

Заскрипел пером по бумаге дорогой PARKER, записывая очередной постулат в обновляемый устав. Свет заходящего солнца ворвался в эллипс кабинета, проявляя сигаретный дым и щуря глаза присутствующих.

С карниза верхних окон сорвались, бросаясь в полет, крылатые животные, унося в себе информацию.

*

Вера нервничала. Причина не в ревности. С этим она как-то смирилась. После того, как они с Надей пожизненно стали сбежавшими невестами, оставляющими после себя в ос-

новном бездыханные тела своих многочисленных женихов и присваивая их ликвиды, она научилась душить в себе чувства. Тем более, Сашу она рассматривала несколько в другом ракурсе и отвела ей определенную роль в будущем.

Ее интуитивные способности говорили ей о сжатию кольца вокруг них. Она чувствовала, что инициаторы преследований уже делят шкуру неубитого медведя. Это беспокоило, но не так, как появление серьезной фигуры на горизонте, внезапно взошедшей из ниоткуда. Точнее, из-за ее спины.

Надю она исключила. Георгий не беспокоил ее интуицию – скорее всего, мертв. Владимир представлял угрозу, но только с учётом обладания им формулы «знания». Узнать которую мог только от Нади или ее самой. Надя...? Вряд ли! Девочка черства, как засохшая корка хлеба, и всегда знала, что формула – гарантия их дальнейшего существования.

– Стрит, – Вера открылась.

Влюбленная пара скинула карты.

Они сидели возле камина и грелись. Внезапный холодный дождь, пришедший с северным циклоном, остужал неродную кровь, частицы которой циркулировали в их телах. Ещё один из побочных эффектов. К этому привыкали единицы.

– Нам нужна свежая кровь. – Вера бросила взгляд на Александра. – Пора пополнить запасы....

Александр с появлением в сообществе подружки стал менее активным собеседником и более задумчивым.

– Как, впрочем, теперь всегда... – Он подбросил дров в

камин и взглянул на кутающуюся в пледе подругу.

– Расскажите о своем прадеде, Александра? – Вера, прищурившись, взглянула на Сашу и глотнула горячего вина.

– О моём прадеде? – Девушка, убедившись в наличии образа на шее, поймала встревоженный взгляд Александра. – А что конкретно вы хотели бы знать?

– Всё, – спокойно ответила Вера.

– Тебе необязательно... – Александр, разливая вино, с умоляющим упреком взглянул на Веру.

– Нет, отчего ж... – Саша, кутаясь в плед, взяла бокал вина и взглянула на свет потолочной лампы сквозь его содержимое. – Я могу, это не составит труда.

За окном вновь раздался шорох. Вера, вполоборота развернувшись к этим звукам, улыбнулась, посмотрела на Сашу, выражая всем своим видом «само внимание». Мысленно она отметила красоту и некоторые черты, схожие со знакомой ей личностью.

– Наша семья всегда гордилась своим происхождением: дворяне – голубая кровь... После революции цвет этой крови как-то растворился частично в постреволюционной России, семья никогда не признавала понятие «Советское государство» и советскую власть, соответственно... – Саша прижалась к Александру, вызывая сжатие губ на лице Веры. – Кто-то продолжил свой жизненный путь в эмиграции: Франция, Аргентина... Следы фамилии терялись и странным образом находились снова, но мои близкие родственники все-

гда чтили нашего прадеда, который, в отличие от своих братьев, не покинул Россию, а пропал без вести на полях сражений первой мировой войны...

Вера усмехнулась, вызывая недоумение на лице Александра. Саша, не обращая внимания на их мимику, пила вино.

– ... Ранняя любовь моей прабабушки закончилась незаконным рождением моего деда, что в те времена бросало клеймо позора и потери чести на всю семью. От прабабушки отвернулись ее отец и братья. Только ее мать невероятными усилиями помогла ей выжить в условиях отречения, эмиграции и постоянных гонений...

– А что же ваш прадед?

Саша внимательно посмотрела на Веру, в ее синих глазах вспыхнул хищный огонек. Она плотнее прижалась к Александру, при этом опуская подбородок в плед.

– О нём я хотела расспросить у вас? Вы же были близко знакомы...

Удивление на лице Александра. Смех Веры. Успокоившись, она посмотрела на две пары глаз, устремленные к ней.

– Особенно впечатляет мнение вашей семьи о пропаже без вести прадеда на полях войны, – Вера горько усмехнулась. – Видели бы его «героическую смерть», да, Владимир?!

Ее заданный вопрос повис в воздухе. Писк и вибрация от взмахов крыльев летучих мышей заполнили атмосферу гостиничного номера и органы слуха присутствующих. Взлёт и

опускание легкой занавески окна. За ним туман, мгла и сумерки.

*

Зловещая улыбка «разрезала» лицо Владимира. Он открыл глаза, стряхивая стаю мышей с рук.

Перед глазами Адриан, склонивший голову набок, разглядывающий своего господина. Владимир с легкостью гимнаста спрыгнул и встал на ноги. Его лицо показалось Адриану усталым, осунувшимся? Старым!

– Медитировали, князь? – Адриан не смог отвести глаза от визуального открытия.

– Подслушивал...

– Это вопрос? – Большие глаза Адриана стали ещё больше от удивления.

– Нет, утверждение....

Владимир налил большой бокал вина и подошёл к окну. Оранжевый солнечный свет выявил на его лице морщины. Князь хмурился, делая большие глотки вина.

– Ещё... – Он, не оборачиваясь, протянул руку с бокалом. – Ты с чем-то? Или за чем-то? – Владимир, развернувшись, оглядел Адриана.

– От нас ждут ответа...

– Кто хочет дождаться – дождётся. – Владимир, приняв бокал, осушил его до дна. – Мне необходимо подумать...

– Всё в вашей власти, князь. – Взгляд Адриана «лизнул» контейнер с концентратом.

– Сегодня постный день, Адриан. – Владимир устало опустился на стул из дуба и указал на пустой бокал.

– Что-то случилось? – Адриан наполнил бокал с тоскливым отпечатком на лице.

– Я же сказал – мне надо подумать... – Владимир отмахнулся от спикировавшей к нему летучей мыши. – Прислушаться к самому себе, к своему внутреннему голосу....

– Что делать мне? – Адриан почувствовал себя ненужной игрушкой выросшего дитя. Он напуган. – Я...?

– Ты утоли свой голод старым методом, не стоит привыкать к хорошему, иначе перестанешь ощущать разницу! – Владимир осушил ещё один бокал. – На сегодня всё...

Дверь за шаркающим и сторбившимся человеком закрылась.

Владимир намеренно не пил «знание». Абстрагироваться от посторонних эмоций, ощущений и пристрастий, побыть самим собой, было возможно только таким методом. Он быстро старился, сидя перед зеркалом, и ожидал прекращения действия «знания».

Вера нащупала его слабую точку. Скорее всего, она всегда знала о ней... И предполагала такое развитие событий. Ее хваленая интуиция....

Во все времена Владимир, играя второстепенную роль в сообществе, отслеживал жизненные пути близких родственников и прямых наследников. Он тщательно скрывал это, но не был уверен, что об этом никто не знает. Он, как мог, по-

могал близким, даже не догадывающимся о существовании могущественного добродетеля.

Но, к несчастью, большая часть из них не смогла адаптироваться к новой жизни в эмиграции и в советской России. Генеалогическое древо засыхало. И только одна из ветвей благополучно росла тонким грациозным отростком. Он заботился, как мог....

Он с наслаждением наблюдал за быстро развивающейся девочкой, за ее карьерным и личностным ростом. Она ему нравилась; и всего лишь два раза он вмешался косвенно в её жизнь, устраняя потенциальные неприятности, угрожающие правнучке.

Саша, Александра – так звали его любовь, и в ее честь называли девочку. Он, к сожалению, не смог своевременно помочь своей первой кадетской любви. В отречении ее увезли родители. А став чудовищем, поглощающим чужую кровь, Владимир слишком поздно занялся поиском родственников. Поздно смог себе это позволить. И первая любовь ушла из жизни.

Несколько поколений – и вот она, Саша. Прекрасный цветок, напоминающий о юности. Чертами характера, прекрасными линиями лица и синими бездонными глазами.

Вера нашла ее. Он не верил в такое пересечение судеб. Это он, Владимир, поставил под угрозу жизнь молодой девушки, оказавшейся рядом с хищницей, которую он знал как самого себя, и знал, на что она способна...

Владимир поднял глаза, заглядывая в зеркало. Он содрогнулся – седой старик с испещренным от шрамов и морщин лицом смотрел на него. Блеклые зеленые глаза с полопавшимися капиллярами, из которых текут слезы. Он видел себя таким неоднократно, но каждый раз его трясло от собственного отражения.

Владимир налил «знания» в бокал и, разбавив с вином, выпил залпом. Он даже не стал дожидаться эффекта омоложения в отражении зеркала. Вставая, Владимир ощутил прибавление сил.

Она будет пытаться ею манипулировать. Попробовать создать иллюзию безразличия. Но что это даст? И таким способом вряд ли переиграешь Веру!

Крылатые животные облепили тело подошедшего к окну человека. Они покусывали плоть, впиваясь и высасывая кровь. Владимир болезненно морщил лицо.

*

Надя металась по региону, путая следы уходящей от преследования троицы. Она «видела», как Веру и двух новых загоняют в угол. Углом в данном случае являлось определенное направление. Надя понимала, что принимая новых членов в сообщество, мать делала это во имя спасения или уже спасаясь от чего-то ужасного. Это подтверждали и карты.

Надя в попытках отвести угрозу от преследуемых, «сорила» направо и налево трупами, а в спешке – полуживыми, до конца не обескровленными телами. Она банально сливала

человеческую кровь. Пополненные запасы «знания» делали кровь ненужной для нее.

Она видела иссушенные мумии, оставленные Верой и влюбленной парой. Надя третий раз пыталась отвести следующую по следам следственную бригаду в сторону, но безрезультатно. Ищейки шли целенаправленно за тройкой сообщества.

Надя решила лично убедиться, откуда в следственной бригаде такая компетентность в столь узконаправленной специализации. Усомнилась в раскладе карт, говорящем о присутствии кого-то необычного среди криминалистов.

Простояв возле апартаментов, в которых она оставила полуживыми пару готов, она отметила работу местной полиции. Никакого ажиотажа. Обычная рутина. Несмотря на слитую кровь, на вспоротые сонные артерии.

Надя подкатила на роскошном спортивном автомобиле к богатому особняку. Здесь несколько другая направленность. Профессиональные действия, чёткие исполнения....

– Простите, но на территорию проход закрыт. – Высокий мужчина глазами указал на ленту ограждения с соответствующей запрещающей надписью. – Работает полиция, мэ...

– Я хозяйка дома, – Надя поправила волосы и солнцезащитные очки, – мне необходимо знать, что здесь произошло?

– Второй этаж. – Голос полицейского, приподнимающего ленту для прохода Нади, не смягчился от услышанной ино-

формации. – Осторожнее на входе – там не совсем приятное зрелище!

Уверенность в подобном появлении в дорогом особняке придавал Наде труп настоящей хозяйки дома, истекшей кровью в собственном автомобиле, стоящем возле ограды дома.

Зрелище на входе действительно было неприятное, но для обывателя. Надя лишь внутренне улыбнулась, прикрыв рот рукой, жест означающий верхнюю степень ужаса от увиденного и предназначенный для работников спецбригады.

Улыбнулась Надя схожести взглядов с матерью: в зеркальном вестибюле особняка в креслах два трупа – готы. Их вены рук вскрыты. Одежда и пол залиты кровью. Такой синхронный уход из жизни, саможертвоприношение во имя чего-то... святого, светлого. Здесь – тёмного.

Приятно пахло кровью, возле «свежих» мёртвых тел.

«Мама, мама... Благодаря нам фестиваль готов вряд ли теперь состоится здесь уже когда-либо...»

– Какие молодые... – в голосе Надя выразила всю степень сожаления.

– Да, им еще жить и жить, – раздалась за ее спиной.

Девушка с копной рыжих волос стояла перед развернувшейся Надей. На руках одноразовые перчатки, в них блокнот с ручкой.

– Вы...?

– Хозяйка дома, – Надя кашлянула.

– Я Роза. Вам наверх, там... – Девушка, опомнившись,

прикрыла глаза рукой. – Вы же хозяйка. Кабинет, там Роберт, наш начальник...

Надя толкнула дверь найденного ею кабинета, и представшая перед глазами сцена расставила все на свои места. За столом, положив ноги на его поверхность, сидел человек с закрытыми глазами. Кожа лица землистого цвета. Немаловажная деталь: на столе сосуд с красной субстанцией – неотъемлемая часть человеческого организма.

– Роза! – Человек, не открывая глаз, отреагировал на открытие двери.

– Скорее, Жасмин....

Человек едва не свалился с кресла.

– Кто вы? – Полопавшиеся капилляры его глаз сочетались с нездоровым цветом кожи лица.

– Кто вы!? – Надя повысила голос. – Имеющий наглость задавать подобные вопросы на территории моей частной собственности.

– Ах, хозяйка... Простите! – Пришедший в себя человек пристально разглядывал Надю. – Мы с вами...?

– Боже упаси! – Надя, тем не менее, отвела в сторону глаза.

Непринятие «знания» подравняло ее визуально под возраст хозяйки дома. Сорок пять – пятьдесят. Старение смуглой кожи, возрастная округлость тела. Но черты лица напрягли память Роберта.

– Возможно, возможно.... – Другой факт ещё больше сму-

щал Роберта. – У меня лишь пара вопросов к вам...

– У меня четверть часа, – поправила причёску Надя. – У вас, чтобы очистить дом, – ровно сутки!

– Да, да, конечно. – Роберт достал блокнот. – Кто те люди, что сняли у вас апартаменты?

– Семья из трёх человек. – Надя, сев за стол, провела рукой по поверхности и, обнаружив пыль, нахмурилась. – Представительный мужчина, – она, «вспомнив», улыбнулась в пространство, – болезненно кашляющая женщина и подросток лет тринадцати. Забрали ключи на центральной площади, заплатив вперед. – Она пожала плечами. – Стандартная процедура.

Роберт с сожалением закрыл блокнот.

– Всё?

– Нет. – Надя взглянула на оживившегося полицейского. – Дочка... была на концерте недавно. Так вот рассказывала: что-то похожее с тем, что я видела внизу, произошло с солистом группы после выступления.

– А, это... – Роберт разочарованно вздохнул. – Да, был аналогичный случай.

– Ваша работа бесполезна, раз подобное продолжается... – Надя поднялась и, подойдя ближе, помочила палец в остатках крови в сосуде. Попробовав на вкус кровь, взглянула в глаза растерявшегося человека напротив. – Слишком большая выдержка, не следует передерживать, это же не коньяк...

– Вы одна из нас! – Роберт поднялся с отодвигаемого с грохотом кресла.

– Ну да... Это же очевидно.

– Когда ближайший слёт? – Роберт одержимо смотрел на стоящую в дверях.

– Что за бестактность!?! В ближайшую пятницу, в полнолуние...

Надя не спеша покинула дом. Над ней промчалась стая летучих мышей. Надя улыбнулась их присутствию.

*

Владимир стоял возле фамильного склепа. Одна из известных русских семей, в далёком прошлом эмигрировавшая в Европу.

Владимир тронул один из портретов ушедших, расположенных на мраморе. Красивое лицо на черно-белой эмали. Задумчивый взгляд молодой женщины. В таком возрасте ее Владимир уже не знал. Он помнил ее юной, весёлой и озорной.

– Князь...

Адриан с большим букетом лилий в руках. Любимые цветы Александры.

Владимир заменил засохшие свежими. Он знал, кто здесь бывал, кроме него, – единственная, к кому тянуло его. Возможно, из-за схожести Саши со своей прародительницей. Даже сын. Его прямой наследник, чей портрет на стене склепа, как, соответственно, и его покоящееся здесь тело. Влади-

мир никогда не испытывал отцовских чувств, даже когда во время оккупации помогал ему – присылая человека с продуктами и необходимыми инструкциями, помогающими избежать ареста. Сын являлся членом сопротивления и принимал помощь «старого друга» ушедшей из жизни матери как должное, не задавая лишних вопросов...

Зажигая свечу, Владимир прислушался к шороху летучих мышей в кустах сирени. Поцеловав образ любимой женщины, он развернулся к Адриану. Впервые он не один здесь. Посещение кладбища совпало со встречей с представителем деловых партнеров.

Ни то ни другое он отменить не мог. Адриан, стоявший с переносным контейнером для химических реактивов, смотрел на проявление уважения к мертвым Владимира с удивлением. Он удивился и тому, что князь согласился на предложение недавних визитёров – Адриан рассказал о недовольствах в рядах вставших под знамёна князя. Владимир прислушался к аргументам и согласился, разговаривая при этом с летучими мышами, сидящими на его руке. Адриан содрогнулся от этой сцены, но согласие князя породило позитивные эмоции. Тем более, что к недовольствам среди второсортных призвал он сам.

Покинув территорию кладбища, Владимир и Адриан сели в черный лимузин представителя новых партнёров. Владимир с облегчением взглянул на его белую кожу.

– Я руковожу лабораторией, и работа по проекту полно-

стью под моим руководством. – Глаза за оправой очков представителя алчно сверкнули. – Надеюсь, мы на пороге великого открытия. Вы и я! Вы дадите мне формулу?

Адриан поскрипел дорогой кожей кресла лимузина. Владимир посмотрел на сжавшегося под его взглядом человека. Представитель с недоумением смотрел на них обоих.

– Это вряд ли... – Адриан лихорадочно мыслил, поглядывая на Владимира, чья рука потянулась к ручке открытия дверей автомобиля.

– Может, я неверно осведомлён и условия договора несколько другие? – Представитель протёр снятые очки.

– Мы дадим вам концентрат, вы сделаете из них капсулы, имеющие хотя бы полугодовой срок годности. – Владимир взглянул на вздохнувшего с облегчением Адриана. – Только в этом случае речь может идти о дальнейшем сотрудничестве и великих открытиях, тем более...

Представитель развёл руки в стороны, демонстрируя красивые ладони.

– Вы ставите меня перед фактом. – Он не заметил пристального внимания новых партнёров к пульсирующей вене его запястья. Адриан шумно сглотнул слюну. – Но у меня определённые инструкции и... я согласен.

Адриан, глядя на Владимира, передал контейнер. Он снова поморщился виду летучих мышей, сорвавшихся с крыши лимузина, когда они покинули салон.

– Князь...

– После, Адриан...

Их ретроавтомобиль, схожий с хищной акулой, дизайном обязанный одному из живших до сих пор второсортному, обогнал лимузин представителя.

– Ты слышал о всеобщем слёте?

– Да, князь, – Адриан пожал плечами, – но я всегда считал, что вы выше этого... Достаточно кратких отчетов и результатов проходящего?

– Ну почему же? Мне необходимо знать настроения в массах. – Владимир улыбнулся зданиям старого города, окунающим его в ностальгию.

– Инкогнито? – Адриан повернулся с переднего сиденья и тоже улыбнулся. – Это будет забавно....

*

Состав в овальном кабинете не менялся. Все ждали. Ждали, боясь покинуть кабинет, чтобы не остаться не у дел. Или, отлучившись на час, по возвращении столкнуться с каким-нибудь обвинением. Примеры со старейшинами были ещё очень свежи. А скелетов, распиханных по шкафам, было у каждого предостаточно. Да если и не были бы найдены эти скелеты, быстро нашлись бы подкинутые.

Все с опаской поглядывали на Юргена. Но просто встать и уйти никто не хотел. Деньги. Финансирование общества годами представителями семей, присутствующих здесь, было эквивалентно вложению в приличный бизнес. Да и жажда долголетия являлась не последним фактором, пусть дикого

и кровожадного. Но моральные принципы мало беспокоили собравшихся.

Появился человек – распорядитель и «носитель информации».

– Представитель картеля. – Дождавшись разрешающего кивка Юргена, человек вышел за дверь. – Прошу вас...

Присутствующие оживились. Стерлись маски скучающих снобов. В глазах появился интерес.

В кабинет смело вошёл человек мексиканского происхождения. Улыбнувшись и обведя взглядом присутствующих, он поклонился и сел на предложенный ему стул.

– Времени у меня немного, поэтому сразу к делу. – Его черные глаза впились в Юргена. – Мы нашли людей из бригады спецрасследования и движемся с ними параллельно.

Присутствующие оживились.

– Скажу больше: мои люди идут на несколько шагов впереди, дыша в спину преследуемым, и мы... можем их взять в любой момент.

– И...? – Юрген на секунду отвлекся, услышав шорох за окном. – Я так понимаю, это не всё?

Глаза мексиканца сверкнули.

– Нас взволновал вопрос – зачем они вам? – Мексиканец закурил, запахло опиумом. – Какие-то больные люди, сорящие направо и налево трупами без какой-либо осмысленности, явно не отдающие отчёта своим действиям...

Члены сообщества, переглянувшись между собой, устре-

мили взоры к своему лидеру.

– Банальная месть. – Юрген был спокоен и рассматривал представителя, словно видел его впервые. – Они обезглавили – фигурально – несколько наших семей. Люди хотят ме-сти....

Люди возбуждённо загалдели.

– Мы можем отстрелить эту троицу, как свору взбесившихся собак, не поднимая при этом цену.

– Мы хотим равноценной личной мести. – Юрген всё еще смотрел в затуманенные глаза мексиканца. – И... можем до-платить за живых.

Мексиканец улыбнулся, выколавывая о стол содержимое металлический трубки с древним узором.

– И только?

– И только, – подтвердил Юрген.

– Мы несколько лет работали с вами на полном взаимном доверии, – мексиканец поднялся, – мы же не будем нарушать традиции?

– Ни в коем случае....

Юрген тоже поднялся и проводил гостя лично до двери.

– Они что-то подозревают... – Один из присутствующих скрипнул стулом в тишине, когда за представителем картеля закрылась дверь.

– Что-то менять уже слишком поздно. – Юрген стоял у окна, вглядываясь в темнеющую линию горизонта. – Это наша игра, и мы в ней диктуем условия!

Вера грелась в лучах появившегося из-за туч солнца. Мягкий вечер, чуть терпкое вино, минорные ноты музыки расслабляли. Сидя в беседке роскошного дома, Вера улыбалась, видя перед собой влюбленную молодую пару.

– Так странно... – Вера сощурилась от солнца, приподняв темные очки.

– Что? – спросила Саша, отвлекаясь от Александра.

– Что так быстро, – Вера улыбнулась парящим летучим мышам, ставшим их уже постоянными спутницами, – мы становимся близкими, употребляя «знание»; казалось бы, абсолютно незнакомые друг другу люди сближаются и уже не представляют существования друг без друга.

– Но это же, – Саша впила зубы в мякоть арбуза, – нормальное явление для любой компании сблизившихся, сошедшихся друзей, например...

– И даже когда искореняешь нарушителей правил этого сообщества. – Вера закурила. – Делаешь это с какой-то тоской, словно расстаешься с близкими по крови....

– Это угроза? – Саша приподняла брови.

– Вера, – Александр накрыл ладонью кисть Сашиной руки, призывая к молчанию, – мы благодарны тебе за спасение Саши и не собираемся совершать подобные поступки....

– Так все говорят, Александр, – Вера грустно улыбнулась, – но долгая жизнь... слишком долгая жизнь сильно меняет людей, их амбиции их уровень притязаний. Они устают

от сообщества, их тянет к самостоятельности, к власти.

– Я думаю, что с нами такого не произойдёт! – Александр поднял свой бокал, призывая сделать тоже самое всех остальных. – За единство!

– За единство, – повторила Саша.

Вера молча выпила бокал красного сухого.

– А как ты поведешь себя, Саша, – она пристально смотрела в ее глаза, – когда встанет выбор, чью сторону принять в смертельной борьбе: мою, кто спасла тебя от становления второсортным бесполом кровопийцей минимум и от смерти максимум, или же ты перейдешь на сторону человека, кто дал тебе жизнь, настоящую, человеческую? Вот дилемма – твой прадед и я подарили тебе жизнь....

Саша сжала плотно зубы и впиалась ногтями в мякоть арбуза.

– А что, такой выбор может встать? – Александр прижал Сашу к себе, частично успокаивая тряску ее тела.

– Это уже произошло... – Вера хмурясь допила бокал.

Саша вырвалась из объятий Александра и убежала в дом.

– Может, не стоило так?

– Стоило, стоило, Александр. – Вера поднялась, трогая соцветие дикой розы, кусты которой ограждали беседку. – Ее эмоциональный фон постепенно стабилизируется. А что касается ее прародителя, он тоже был предан – до поры до времени... А с ней я хочу играть в открытую.

Появилась Саша, легко ступающая по стриженному газону.

– Расскажи мне о нём. – Девушка приблизилась к беседке. – Ты так этого и не сделала. Чтобы принять решение, мне необходимо знать всё!

Вера улыбнулась.

– Тогда присядь! Владимир живёт долго, – она сама села, вертя сорванный лепесток розы в руках, – поэтому и рассказ будет долгий....

Стая летучих мышей кружила над деревьями, прислушиваясь к разговору в беседке. Часть их села на ветки кустов розы, вглядываясь в людей и в их внутренних демонов. Внимание кровососущих животных было приковано к молодой женщине, говорящей о крови, о кровопускании, о кровной близости.

Спустившиеся сумерки позволили всей стае приблизиться и внимать рассказам демона в прекрасном образе.

*

Наступило полнолуние. И вся мыслимая и немислимая нечисть повылазила из своих убежищ. Маньяки, убийцы и просто грабители. Праздновали и кровососущие.

Европу всколыхнуло насилие. Убийства, суицид, пропажа людей.... Полиция работала в усиленном режиме. Но не справлялась со своей задачей. Решением властей подключены военные.

В центр Европы съехалась представители знати кровососущих. Хорошо сохранившийся замок с огромной территорией. Защищенный скалистым берегом с моря и несколькими

ми рвами, заполненными водой, с остальных сторон. По сути, большой город, огражденный высокой крепостной стеной.

Празднование напоминает торжество полуторавековой давности. Театральные постановки. Ярмарки. Поединки. Костюмированные шествия. Масса развлечений. Толпы слоняющихся по улицам кровопийц.

Для отдельных представителей – особая программа. Пение хора. Балет. Бал-маскарад. Дегустация выдержанной, поставленной на реакцию и свежеслитой крови....

Торжество намечено на три дня. Попросту пиршество вампиров. Открытое полуофициальное кровопролитие-кровопитие....

Никаких гонений, тайных убийств в подворотнях и вскрытий шей в темных переулках. Всё в открытую. Масса пойманных для торжества людей подвозилась неделями и пряталась в бездонных подвалах крепостных построек.

Верхушка элиты собралась в замке. Владимир прибыл к костюмированному балу. Он надеялся встретить здесь Надю и поискать путь к примирению, найти компромисс.

Их сообщество никогда не посещало слёты кровососущих, всегда считая это пафосной демонстрацией несуществующего превосходства над обычными людьми. Вера всегда с усмешкой читала новости, приходящие с этих торжеств.

Слуги князя – летучие мыши – нашептали о возможном появлении Надежды здесь. Хоть Надя и Вера не вместе, но

обе уже знают о вероломном поступке Владимира. Ему это известно. Также ему известно, что каждая из них предпримет меры. Это они умеют!

Владимир появился в форме командира гренадерского корпуса. Ностальгия взяла верх при выборе костюма. Золотые эполеты и выправка русского офицера притягивала взгляды многих женских особей кровососущих, несмотря на седину и почтенный возраст – князь выглядел лет на шестьдесят. Он не мог себе позволить появиться молодым и блестящим офицером – это могло выдать его: многим были известны лица членов криминального сообщества, за головы которых назначены большие вознаграждения. Алчность среди второсортных никогда не считалась пороком и следовала второй по важности за жаждой крови.

Адриан суетился, неподалеку беседуя со старыми знакомыми, находясь в своей стихии. Они с князем попросту не выпили «знания». В болтовне Адриан указал князю взглядом на беседу единственного представителя синдиката с руководителем следственной группы. Владимир сжал губы в ответ. Он был расстроен, не найдя знакомого силуэта Нади. Ее отсутствие подтвердили и его маленькие слуги.

– А вы подвижны не по годам, – кружащая его в танце баронесса лет тридцати томно вздыхала и ловила завистливые взгляды присутствующих на балу женщин. – Занимались танцами?

– Нет, скорее военное прошлое позволяет не рассыпать-

ся на части. – Владимир улыбнулся, поймав пристальный взгляд представителя синдиката. – А вы как в столь юном возрасте вступили в иной мир?

– Ах, я жертва обстоятельств, – баронесса кокетливо прикрыла глаза, – дед моего жениха не совладал с собой, обнимая меня после венчания. – Она прижалась к Владимиру. – Жениха я потеряла, но обрела новую жизнь....

– И не жалеете? – Владимир был искренне удивлён.

– Ничуть. – Она повела его к стойке бара, уводя от претендующих на танец потенциальных партнёров Владимира. – Там, в миру, всё приелось, хотя... Выпьём шампанского?

– Здесь подают? – Владимир не переставал удивляться.

– Да, настоящее, не подслащенную газированную кровь двухгодичной выдержки, – баронесса поморщилась и повела его за руку, – настоящий Cristal! Это единственное, по чему я скучаю. Ну и по общению с достойными людьми...

– Спасибо. – Владимир поклонился и сделал несколько глотков. – Действительно, по такому есть смысл скучать....

– Может, отведаете «кровавую Мэри»? У нас особый рецепт, – предлагал уже немолодой бармен, трясая шейкером. – Или свежую «Лейкемию»...?

– Даже не вздумайте, Владимир. – Баронесса потащила его к лестнице, ведущей на балкон. – Что за музыка! Ретромотивы....

– Ну, «кровавая Мэри» – вполне понятно, – Владимир властно шагнул с дамой под руку, – а вот второе?

– Это как рыба фугу у обычных, знаете? – Она раскрыла дверь, избавляя себя и Владимира от взглядов присутствующих на балу. – Кровь больного лейкемией готовится особым способом, при принятии её вы испытываете шок, схожий с апоплексическим ударом, граничащим с оргазмом, но не стоит... – Она взглянула в глаза Владимира, прижимаясь к нему всем телом. – Они здесь не умеют готовить этот коктейль, а это может привести к летальному исходу.

Они стояли в полумраке балкона среди кустовых клумб и шепчущихся пар.

Ее клыки покусывали шею Владимира, он при этом ловко уходил от укуса. Баронесса томно вздыхала, что-то шепча.

Стая летучих мышей разбила балконную любовную идиллию. Вампиры укрывались от атакующих себе подобных животных. Владимир услышал сообщение о предательстве от маленьких слуг. Он не достойным дворянина способом оттолкнул даму и встал на перила балкона.

Под всеобщие ахи кровососущих он, глотнув «знания», спрыгнул с четырёхметровой высоты. Газон принял уже молодого человека и оттолкнул от себя плотным слоем густой травы.

– Владимир! – раздался вопль с балкона.

– Простите, баронесса, – Владимир крикнул в ответ, не оборачиваясь. – В полночь у меня дуэль – дело чести, знаете ли! – Прихрамывая, он пересекал сад. – Я вас найду здесь завтра....

– Трус! – донесся очередной крик неудовлетворенной женщины.

– Не отрицаю... – пробубнил Владимир, путаясь в декоративно-лиственной лиане.

Над ним с писком пикировали проносящиеся мимо летучие мыши.

– Спасибо, мои хорошие....

*

Мобильная следственная группа завязла в криминальном «разгуле». Поток информации, поступающий со сводками, напоминал доклады с горячих точек развязавшегося военного конфликта. Повсюду насилие, трупы, текущая рекой кровь....

Отдохнувший и посвежевший Роберт метался по штабу, созданному в одном из отелей. Синдикат бронировал гостиницы полностью, вместе с персоналом, который не мог смениться до отъезда группы. Утечка информации считалась одним из основных факторов поражения. Как, впрочем, и везде.

– Мне нужны аналогичные случаи, – Роберт брызгал слюной на плечо подчиненного, смотрящего сонными глазами в монитор компьютера. – Отсеивайте это! Это рядом не стоит с нашими беглецами....

– Люди устали, они не спали больше суток. – Роза, держащая папки с отчетностью в руках, стояла возле стены, глядя на беснующегося начальника. – Это не машины, им нужен

отдых....

– Люди, люди... – Роберт взвизгнул и в очередной раз брызнул слюной уже на свой пиджак. – А я что, не люди, не людь? – Он замялся в поисках нужного определения. – Не человек?

Роза многозначительно кашлянула в кулак, вызывая полусонные усмешки на лицах коллег.

– Ну хорошо. – Роберт посмотрел на смятые пустые стаканчики из-под кофе. – Найдите им что-нибудь стимулирующее работу их организмов и головного мозга, в первую очередь....

– В смысле?

Помощница расширила глаза, а усталые взоры остальных подчиненных с надеждой потянулись к Роберту.

– Ну что там... Транквилизаторы, барбитураты, опиаты, амфитамины, кокаины... – Роберт тряс рукой, с каждым словом возбуждая интерес в пробудившихся подчиненных. – Что повысит их производительность, мне все равно... Мне нужен результат. Я вчера был у начальства, – он повернул шею в сторону и, сглатывая слюну, одновременно вспоминая торжество в замке и «ловя» подкатывающий к горлу ком, – там требуют... в кратчайшие сроки поимки или ликвидации преступной группы.

Но его уже никто не слушал. Подчиненные с гамом столпились возле Розы, записывающей перечень скрытых пристрастий криминалистов. Помощница Роберта делала глаза

круглыми, удивляясь многогранности коллег. При этом ей мешала одна мысль, терзающая её мозг, точнее, ее неопределенность в отношении себя: «Экстази или гашиш, гашиш или экстази...? А, черт с ним – и то и другое!»

Роберт, уперев руку в бок и склонив голову на тот же бок, стоял и смотрел на эту «предповышающую потенциал» обстановку и размышлял над тем, в каком он месте перегнул палку: вчера на торжестве или сейчас, на брифинге с подчиненными.

Представитель синдиката, присутствующий в замке, дал ему однозначно понять – вся первичная информация только через него, через старейшего члена синдиката. После ее фильтрации или трансформации, он вернёт ее Роберту, а тот, в свою очередь, передаст общему информационному источнику синдиката. Отклонение от этих инструкций может привести Роберта не к отстранению от работы, а к отстранению от банка крови... А в крайнем случае – от существования вообще.

Роберт в размышлениях ушёл на несколько шагов вперед. Он искал наиболее выгодное направление развития событий в будущем от применения полученной информации от старейшины. Как и все люди – с пристрастиями и сидящими на системе – он был очень хитер и изворотлив. Что пытался неудачно скрыть под личиной честности и прямолинейности. Он запутался, домыслив до того, что старейшина намеренно дал инструкции, содержащие какой-то подтекст. Он

не мог понять какой!

«Невозможно мыслить... Перебрал на торжестве, или трехлетняя кровь, выдержанная в сосудах из человеческой кожи, была левая?»

От мыслей Роберта отвлекла группа подчиненных, подгоняющая Розу и едва не прошедшая по ногам начальника.

«Похмелье лечится и лечится однозначно!»

Роберт отправился в номер.

Проблема Розы была в том, что она никогда не покупала наркотиков. Их доставали всегда подруги, их парни – кто угодно. Направление её мысли следовало из общих социальных представлений, и, в принципе, не было лишено логики: афроамериканцы, латиносы...

Первый же попавшийся мексиканец, слоняющийся неподалеку от отеля, согласился помочь ей, несколько удивляясь перечню субстанций.

Роза, убежденная в своём статусе, исключаящем какую-либо опасность со стороны, в полной уверенности села в автомобиль незнакомца, выражая вербально недовольство неопрятностью салона. Но и это скрасил предстоящий уход в корпоративный «отрыв» прямо на рабочем месте.

*

Никогда Вера не чувствовала себя такой загнанной и испуганной. Разве что во времена военных конфликтов. Иногда сообществу, несмотря на её интуитивные способности, приходилось пребывать на оккупированных территориях в

районах авиаударов или артобстрелов недалеко от линий фронта. Но сейчас, на территории Европы, в мирное время...

Разгул насилия застал их в одном из курортных городков, тянущихся вдоль побережья. Власти, подогретые волнением общественности и страхом за собственную жизнь, обратились к военным. Армия ввела военное положение в некоторых регионах и, соответственно, комендантский час.

Ветер гонял по городку брошенные в панике вещи отдыхающих.

Стаи летучих мышей. Военная техника. Патрули.

Вера и Александры в одном из домов отдыха.

Персонал на редкость хладнокровен к сложившейся ситуации, что благоприятно влияет на группу отдыхающих.

Территория охраняема военными. Внутри бары, бассейны, дискотеки. Запасов провианта достаточно на время короткого военного переворота. Культурная программа и дневные детские развлечения. «Всё включено» сложившимися обстоятельствами.

Но чувство страха искореняется из человеческого мозга только в осознании ощущения абсолютной безопасности. На лица натянуты улыбки и неестественный смех от несмешных шуток, созданный, скорее, из-за стадного чувства и поддержания самих себя любимых.

– Этот слёт второсортных в разы превзошёл все ранее проводимые по уровню насилия. – Вера курила тонкую сигаре-

ту, вставленную в мундштук. – Гадость какая!

– А почему? – Саша, укрывшись в объятиях Александра, вместе с ним смотрела на Веру, комкающую в пепельнице сигарету.

– Цепная реакция... – Вера сама закуталась в плед, несмотря на тепло. – Кровососущие слетаются со всех уголков Европы, едут с «подарками» живыми, то есть пропавшими; к торжеству готовятся тонны крови, а это, соответственно, трупы, паника среди населения. Чьи-то необоснованные домыслы толкают индивидуумов к мести, к кровавой мести. Не каждый пойдёт делиться своей версией в полицию, зная о коррумпированности в ее рядах. Вот что в итоге имеем мы... А это очень осложняет наше положение.

– И как долго это может продлиться? – лицо Александра несколько осунулось.

– Торжество закончилось, – пожала плечами Вера. – Максимум неделя...

Александр пожертвовал своим «знанием» ради женской части компании. Дело не только в джентльменстве. Саша ещё не окрепла, и её необходимо было питать чаще и обильнее. Вера – лидер, мозг и ангел-хранитель. К тому же долгожители имели особенность: «знание» им было необходимо самое свежее и эффект его длился гораздо короче, чем у только что перевоплотившихся. Долгожители гораздо быстрее старели.

На территории дома отдыха потенциальных жертв было не очень много. Из-за этических норм в разряд неприкасае-

мых попадали дети, ну и жители со смешанной кровью тоже отсеивались как непригодные к употреблению.

Осложняли всё, как всегда, существующие повсюду выскочки. Здесь это был отдыхающий в отпуске инспектор из убойного отдела одной из стран, взявший в свои руки внутреннюю безопасность дома отдыха. Администрация, пожав плечами, выдала ему карт-бланш.

Потенциала отпускника хватило на подозрительные взгляды и двусмысленные вопросы. Шпионаж за работниками отеля. Это слабо успокаивало отдыхающих и нервировало Веру.

– С него и начнём, – заявила она вечером у камина. – Не будет путаться под ногами, да и дисциплинирует всех остальных. Его хватит на пару дней, а там посмотрим....

Прибрежные чайки, овладевая опустевшей территорией курорта, пугаемые лишь военными патрулями, обнаглев, оккупировали и дома отдыха. Не обращая внимания на людей, они гоняли летучих мышей, незваными гостями появившихся в этих краях.

Сильный морской ветер, разогнав тучи, не утихал и к вечеру. Его порывы глушили происходящее в курортных домах. И сцену насилия в одном из подсобных помещений.

Инспектор цеплялся за свою жизнь. Плененный очарованием Веры, он, не раздумывая, пошёл за ней, вглядываясь в контуры её форм, плохо скрываемых вечерним платьем.

Полумрак. Страстные слова. Поцелуи. Касание рук....

Непонимание происходящего. Бормотание. Возня. Паника.

Цепляние всё тех же рук инспектора, но уже за душащего его Александра. Помощь Саши, стучащей по голове жертвы подручным деревянным предметом.

Вера улыбалась, глядя на эту сцену. Девочку необходимо было привязывать кровью к «знанию». Кровью к крови.

– Ты намеренно это сделала!?! – Посвежевший Александр схватил за руку Веру, курившую в ветвях небольшой пальмы на улице и с наслаждением наблюдавшую за гонениями летучих мышей чайками.

– Я могу списать это на эмоции инспектора, которые сейчас циркулируют в тебе вместе со «знанием», – Вера одернула руку. – Иначе ты понял бы, что в подобной темноте и суматохе я не смогла бы применить гипноз....

– Прости, я не подумал....

– Иди лучше и помоги ей, чтобы она не перепутала ничего, – Вера улыбнулась. – Ты знаешь, как важен порядок в сортировке концентрата.

Она продолжала улыбаться после ухода Александра. Впервые за несколько недель она почувствовала себя относительно спокойно. Даже в пропитанной насилием атмосфере и хаосе от разгулявшейся непогоды.

*

Владимир лечил ногу, подвернутую во время прыжка с балкона. Сидя на троне, он злоупотреблял «знанием». Боль

от принятия проходила.

Где-то под потолком суетились взволнованные маленькие кровопийцы. Трещал дровами камин. Яркое зарево заката окрашивало окно и часть зала.

– Князь... – Вбежавший Адриан потерял дар речи при виде Владимира. Он никогда не видел его таким молодым. Догадка озарила лицо и тут же скрутила его мгновенно подступившей ломкой.

– Да, Адриан, да? – Владимир улыбался весёлой озорной улыбкой. – Что опять произошло?

– Князь, мне... не собраться с мыслями, с чем я пришёл...? – Адриан зашаркал по залу, ища беспорядок в обстановке. – Да и тело ломит, проклятые старые травмы....

– Бесполезно, мой друг, бесполезно. – Злорадство Владимира сопровождалось безудержным весельем. – Ты, наверное, пришёл рассказать о предательстве на слёте кровососущих?

– Да, и это... – Адриана угнетало настроение сидящего перед ним зарвавшегося юнца, – но там ничего нового, всё покрыто мраком....

Владимир очень быстро оказался возле Адриана и схватил его за дряхлую шею.

– Ни капли «знания», слышишь меня, ни капли! – Глаза Владимира сверкали гневом. – До тех пор, пока я не узнаю, кто предал меня. Найди эту тварь!

– Возможно... старейшина синдиката, князь? – прохри-

пел Адриан, потирая освобожденную шею.

– Не думаю... Мы ему еще слишком нужны. – Он стоял возле окна, подставив лицо багровому свету, – молодой и сильный, летучая мышь на плече. – Убирайся!

– Но князь...

– Что ещё!?

– Капсулы, они их сделали... И их представитель здесь.

– Зови! – Владимир смягчился.

Скрип двери. Шарканье ног, наставляющий бубнеж Адриана и шёпот гостя. Владимир садится на трон. Его внешний вид шокирует и визитёра.

На стол ложится коробка с капсулами.

– Мы... сохранили эффект концентрата. – Представитель всё еще с трудом верил в возможность перевоплощения Владимира. – Срок годности несколько ниже ожидаемого, но мы работаем над этим...

– Адриан!

– Да, князь?

– Возможность реабилитации... – Владимир прищурился, поглаживая летучую мышь, покусывающую его пальцы.

– Но, князь, есть лица, которые с удовольствием...

– Это лицо ты, Адриан! – гневные нотки в голосе Владимира дисциплинируют Адриана и заставляют нервничать гостя. – Ничто не выйдет за эти двери....

Адриан выпивает одну из капсул. Эффект мгновенен. «Пациент» чувствует облегчение. Он улыбается Владимиру

и факту снятия опалы.

– Но... – осмелился говорить и гость, – они не вернули ему вид трехнедельной давности, тогда этот... Адриан выглядел гораздо свежее и моложе?!

– Для этого необходимо ещё кое-что. – Владимир поднялся с трона. – В лаборатории есть свежая кровь?

– Найдётся, но время... – Гость стоял на трясущихся ногах. – Я один не смогу, все лаборанты... Может быть, завтра?

– Только сегодня и только сейчас. – Владимир надевал на себя подаваемую ему одежду. – А из Адриана получится отличный лаборант, не правда ли?

– Вы, как всегда, правы, князь, – Адриан склонил голову.

*

В овальном кабинете откровенно скучали. Ожидание затянулось. Некоторые из членов синдиката покинули кабинет: разгул преступности коснулся их близких. Остающиеся не стесняясь выражали радость, глядя на покидающих кабинет.

Возможно, насилие отразилось и на родственниках оставшихся, но слишком много было поставлено на карту. Или слишком черствы были их сердца. Возможно, и то и другое.

Играли в карты. Курили. Выпивали дорогие напитки.

Только Юрген держался особняком, размышляя и поглядывая за окно. Там на ползущих по стене ветках вьющихся растений висела стая маленьких кровопийц.

В дверях появился последний из оставшихся членов ста-

рейшин. Взгляды прикованы к вошедшему, в глазах ожидание.

– Как прошло? – Юрген поднял подбородок. – Отдых удался?

– Отдых, связанный с работой, не расслабляет, а держит в напряжении. – Старейшина сел за стол.

– Да полно вам, скорее всего, перебрали и забыли о существовании синдиката, – Юрген позволил себе улыбнуться. – Роберт присутствовал?

– Да, я передал ему указания, исходящие из кабинета. – Старейшина выпил предложенный коньяк. – Он уверил: завершение операции – дело пары дней. Несколько усложняет общий хаос....

Юрген фыркнул, пугая мышей за окном.

– ... И, как мне показалось, я видел там Князя....

– А вот это интересно! – всеобщий гул подержал Юргена.

– Я едва узнал его, но не мог ошибиться. – Старейшина, показав пустой бокал, попросил ещё. – Я видел перед этим всего лишь раз, и, хоть он выглядел на торжестве гораздо старше, видимо, пытаюсь прикрыться возрастом, но я не мог не узнать его выправку, властный поворот головы....

– Он узнал вас?

– Думаю, нет, но там был его слуга, уж с ним-то мы знакомы давно....

– Что он там делал, как вам кажется? – Юрген налил собственноручно себе выпить.

– Даже не знаю, – старейшина оглядел собравшихся. – Вид у него был скучающий, словно он прибыл просто убить время, возможно, праздный интерес....

– Почему нет? – Юрген глотнул горячительного. – Обладая формулой, он может себе позволить и повеселиться.

– Он исчез с какой-то молодой женщиной....

Открытие двери привлекло всеобщее внимание. «Носитель информации» вошёл в кабинет.

Юрген, глотнув, едва заметно кивнул.

– Они не могут разложить субстанцию на составляющие, – человек кашлянул в кулак. – «Знание» постоянно меняет свою формулу. Аппаратура фиксирует то добавление нескольких химических составных, то убывание других. Отсутствие постоянства.

Юрген горько рассмеялся. Присутствующие потупили взоры.

– Но они работают и обещают результаты.

– Есть новости от Роберта?

– Пока никаких...

Юрген бросил пустой бокал в окно, разгоняя висевших на стене мышей.

*

Кривая, связанная с ростом насилия, достигнув пиковой точки, пошла на снижение. Но этого не заметили в отеле, где разместились мобильная группа криминалистов и оперативников. Здесь царил самый настоящий хаос.

Наркотические вещества проявили все глубоко спря-
танные сущности представителей служб по борьбе с преступ-
ностью. Разгул длился вторые сутки. Половина списка запре-
щенных препаратов присутствовала на «вечеринке». Запасы
алкоголя отеля поддерживали участников в нужном тоне.

Служащие отеля уже через три часа после начала «отры-
ва» тоже стали его непосредственными участниками. Персо-
нал перемешался с криминалистами, и вся эта масса неодно-
кратно делилась между собой на противоборствующие груп-
пировки. Конфликты заканчивались мирным путем и пота-
совками. Излитием собственных проблем и плачем друг дру-
гу в жилетку.

Пострадал больше всех Роберт – его при первом же при-
зыве к работе заперли в помещении цокольного этажа и фак-
тически забыли о нём.

Все бразды правления были отданы его помощнице Ро-
зе. Богине, царевне разврата и королеве кокаинового шаба-
ша... Она обладала связью с тем миром, который раскачал
эту необузданную компанию от низов ада до вершин рая. Так
они себя в этом убедили.

Развлечение участников достигло беспредела, даже сам
стыд отвернулся бы, видя происходящее. Весь состав неод-
нократно порывался в город с различными целями и идеями,
но их останавливали военные патрули, угрожающие оружи-
ем и арестами.

Веселье продолжалось. Роберт, разбив кулаки о дверь,

обессиленный и измученный, лежал на кровати. Он был голоден. Ему необходима была кровь. Свежая человеческая кровь.

Веселье прекратила очередным своим звонком Роза. Вместо курьера с новым заказом, который содержал в себе впечатляющий список наркотических веществ, появилась группа вооруженных людей. Не европейской внешности и не по-европейски одетая. Это вызвало всеобщее веселье. Но оно прекратилось несколькими очередями автоматов в потолок роскошного холла отеля.

В этом же холле собрали недостающих полуодетых и с отрешенными взглядами существ. Вскоре привели и обезумевшего Роберта.

Вопросы мексиканцев поставили общую и без того невменяемую массу в тупик. Относительным пониманием реальности в тот момент обладал только Роберт. Его несговорчивость привела к насилию.

Это было отвратительное зрелище: люди, неадекватно воспринимающие действительность, смеющиеся над происходящими на их глазах убийствами, по-прежнему смеясь, встречали и свою смерть. Мексиканцы работали в основном мачете. Кровь лилась рекой и притягивала взгляд Роберта.

Наконец не выдержал и он: попросил оставить Розу в обмен на всю имеющуюся информацию, касающуюся целей группы.

Ему подарили четверть часа жизни. Они ждали, пока Ро-

берт, нежно приговаривая, вспорол сонную артерию помощницы и вкусил кровь, уверяя её в безоблачном совместном будущем.

«Только гашиш, без экстази!» – единственная мысль в этот момент точила мозг Розы.

Их тела лежали рядом. Из каждого торчал осиновый кол. Тела были нашпигованы серебряными пулями.

Вечеринка удалась на славу.

Так закончились оперативно-разыскные мероприятия по поимке членов одного из криминальных сообществ.

*

Не обошла стороной вспышка насилия и Надю. Она скрывалась в одном из пансионатов по дороге к курортной зоне.

Не только одиночество толкало её к близким людям. Единственное существо, в которое она свято верила, была мать. И только личный разговор мог объяснить смысл поступка Веры.

Почему она доверилась абсолютно чужому человеку? Формула «знания», хранимая веками, вот-вот станет достоянием общественности. Это приведёт к катастрофе. К апокалипсису.

Расклад за раскладом карт подтверждали самые худшие опасения Нади: катастрофа не за горами. Как и ситуация, грозящая смертью Вере. Враг, беспринципный и беспощадный, набирает силу. В глобальном масштабе.

– М-м-м... Красотка гадает на картах, может, предскажет

и наше будущее....

– Мне кажется, в ней течёт цыганская кровь, посмотрим, горячая она или нет?

– Её кровь?

– Или она сама....

Их было двое. Судя по всему, мародеры. Это подтверждало обилие золотых украшений на их руках и наглые уголовные лица.

Надя осмотрела холл. Полумрак и пустота среди столов и карликовых пальм. Далекий писк летучих мышей. Идеальное место для насилия.

– Ну! – Который был моложе, присел перед столом с картами. – Гадай! Кто первый – он или я?

Надя, теряя самообладание, дрожащими руками стала перемешивать карты. Более взрослый мародер, заходя ей за спину, заставил трястись всё её тело от страха.

– О, бубновый! Это я... – Молодой насильник улыбнулся, показав татуированные зубы. Он даже не смотрел на карты (в Таро отсутствуют масти).

Рот Нади был зажат рукой. Возле шеи нож.

– Тихо, тихо, – раздалось возле самого уха.

Грохот отодвинутого в сторону стола. Колени разжаты в сторону.

– Ты просто расслабься... – всё тот же шепот возле уха.

Слёзы из глаз. Липкие руки лапают её ноги.

Она не видела: две стаи летучих мышей бросились в лица

насильников. Хватки их рук ослабли, исчезли совсем. Шум борьбы. Крики.

Надя вскочила и ударила ногой в промежность молодого насильника. Ещё и ещё... Падение тела последнего. Стоны.

Второй, отбиваясь от нападающих кровопийц, размахивал руками и ножом в одной из них. Она била до одурения. Что-то говоря. Пока не услышала возглас пощады. Но она била и била снова. Всё та же промежность ног.

– Последняя колода... Сука!

Во время собирания разбросанных по полу карт, Надя в ярости била снова уже безвольные, не издающие даже стонов тела.

Она бежала в ночи, вытирая слёзы и заматывая распоротую ножом насильника руку. Где-то вверху шуршали крыльями летучие мыши.

– Это... это тебя не оправдывает... нисколько, слышишь? Нет!

Ее крик привлёк внимание группу мародеров. Но они не решились остановить Надю.

Она бежала к Вере. Карточный расклад, выпавший перед самым появлением насильников, натолкнул её на простую, но гениальную мысль. Но ей необходимо быть рядом с матерью в момент решения проблемы.

*

– Так-то ты оплатил мне за всё, что я для тебя сделал!?! – Владимир мощной фигурой навис над сжавшимся телом Ад-

риана. – Предательство....

По залу парили стаи летучих мышей. За окном бушевал ветер, а возле темной линии горизонта светились всполохи грозových разрядов.

– Это не я, князь... – Адриан уползал, прячась под стол, подобно спасающемуся гаду. – Я бы никогда не посмел!

– Я подозревал тебя в предательстве на торжестве! – Владимир издал гневный крик. – Это возмездье, я заслужил это....

Владимир поднял голову и руки вверх. Он уже не смотрел на кишачее кровопийцами тело Адриана. Маленькие слуги князя сделали свою работу.

Прошло всего два часа с момента появления руководителя лаборатории в резиденции князя. Он принёс капсулы, созданные на основе «знания».

Ещё живой тогда и суетливый Адриан, апробировавший препарат, не ощутил ожидаемого эффекта омоложения. Лишь утолил голод, как при обычном употреблении человеческой крови.

– Мы применили самые последние технологии, – пятился при виде гнева Владимира химик. – Они привели к прорыву нескольких отраслей всей мировой фармацевтики....

С руководителем лаборатории расправились не летучие мыши, а второсортные. Адриан, стоя в стороне и облизываясь, смотрел на сцену расправы.

– Адриан, Адриан.... – Владимир смотрел на уже брошен-

ное летающими кровопийцами тело.

Он привык к этому суетливому и вечно голодному под-
ручному. И глядя на его обескровленное, со следами укусов
тело, испытал одиночество.

Именно летучие мыши принесли весть о предательстве из
овального кабинета. Его маленькие слуги. Вестники и пала-
чи.

*

Весть в овальный кабинет пришла от информационного
источника, работающего в лаборатории. Услышав радостные
новости, члены синдиката подняли на руки докладчика, при-
несшего телефонную трубку с «вестями» и несколько раз
подбросили его вверх.

Юрген, выслушав состав по телефону, кивнул, разрешая
отпраздновать событие, затем отправил формулу и алгоритм
создания «знания» уже в свою лабораторию, лаборантам,
долгое время сидящим без работы.

Ответ пришёл незамедлительно: создание животворящей
субстанции займёт времени чуть больше суток.

Повторная радость. Бокалы. Дорогие напитки. Тосты за
вечное, нетленное....

Только последний старейшина был несколько разочаро-
ван, и только он увидел, как последняя весть унесла во мрак
сорвавшихся со стены летучих мышей.

– Дурной знак....

– Что вы там бормочете, Альберт? – Юрген впервые за

столько дней выглядел удовлетворенным. Его глаза светились. – Не рады произошедшему?

– Отчего же, я тоже хотел бы почувствовать себя вечно молодым и сильным....

– Тогда разделите радость от победы с нами!

Альберт, натягивая улыбку на лицо, поднял руку с наполненным бокалом.

Празднование было омрачено появлением в проеме больших дубовых дверей группы вооруженных до зубов людей.

Немую сцену конфронтации взглядов нарушил один из пришедших. Он стоял ближе всех к членам синдиката и визуально позиционировал себя как лидер.

– Вы нарушили наши договоренности!

Лицо мексиканца подергивалось от нервного тика. Стволы его компаньонов не дергались и были направлены на членов овального кабинета. Вооруженных разве что дорогими аксессуарами.

– В каком из пунктов, потрудитесь поставить в известность! – Глаза Юргена засветились озлобленной силой и... властью.

– Абсолютное доверие... – мексиканец, сверкнув зубами, сглотнул слюну.

– Нет! – голос Юргена вселял надежду в собравшихся за его спиной. – Я лишь придержал часть информации во избежание утечки. И вы, и я помним калифорнийскую сделку.

Напоминание заставило лидера мексиканцев стиснуть

плотно зубы и сжать крепче оружие стоящих за его спиной.

– Обстоятельства того случая до сих пор до конца не выяснены, и, по договоренности обеих сторон, решение по нему заморожено. Ведь так?

– Так, – Юрген поставил бокал на гладкую поверхность стола. – И я повторюсь, только лишь во избежание утечки....

Мексиканец поморщился, как от надоевшей боли.

– Формула! – Он переступил с ноги на ногу, качнулись и стволы оружия его спутников. – Мне нужна формула....

– Но ее ещё нет!

– Это ошибка. – Мексиканец сделал шаг в сторону. – Нарушение доверия – смертельная ошибка...

За ним и спинами расступившихся его людей стояли двое, на их руках повис носитель новостей синдиката. Вместо лица – кровавая маска, с которой стекает кровь. Лидер закрыл эту жуткую, вгоняющую в ужас присутствующих немексиканцев картину.

– Формула!

– Я не уверен, что она верна....

Оттяжка времени ни к чему не привела. Раздался грохот выстрелов автоматического оружия.

Пороховой запах. Дым. Стоны.

Они стреляли по ногам. Груда шевелящихся тел. Это не были криминалисты под воздействием наркотических средств, и все чувствовали боль и предстоящую смерть.

Лидер мексиканцев, достав мачете, лично подходил к

каждому и спрашивал лишь одно:

– Формула!

Малейшее замедление с ответом вызывало вскрытие шеи острым лезвием. Всё прекратилось на четвертом истекающем кровью.

– Знает он... – кивок в сторону Юргена.

Подарив раненому жизнь, человек с мачете направился к скрюченному телу Юргена. Тот прошептал состав «знания». На этом подарки жизни закончились: шея Юргена раскрылась большой кровавой раной. Остальное доделали автоматы мексиканцев. Дым развеялся, оставив кучу мертвых.

Чуть позже, после ухода живых, зашевелилось одно из тел. Альберт. Бойцы картеля не славились плохой стрельбой, просто они стреляли не серебряными пулями.

Альберт лакал псом кровь из огромной лужи, и плакал, видя масштаб произошедшего и осознавая глобальность грядущего.

*

Рука с кожей цвета шоколада положила трубку белоснежного телефона. Розданные распоряжения разлетелись по защищённой телефонной линии в разные уголки Европы. Два представителя афроамериканского происхождения смотрели друг на друга. Мужчина и женщина.

Большой кабинет загородного дома. Массивный стол, разделяющий обладающих властью людей, сидящих друг напротив друга. Большие светлые окна. Пение птиц за окном и

звук стригущих ножниц садовника.

– А что же князь? – мужчина блеснул зубами.

– Источники сообщают, что он скорбит по утраченному кнуту власти, – женщина усмехнулась. – И это только начало... Впереди у него одиночество и бесконтрольный хаос глобального масштаба.

– Война?

– Как минимум... – женщина улыбнулась. – Апокалипсис и исчезновение европеоидной расы – это в идеале.

– Значит, война....

Война была необходима не только этой паре, сошедшей с политической арены.

*

Схожие интересы преследовала и верхушка мексиканского картеля. «Знание» их не интересовало. Точнее, они не видели смысла в его применении. Или не понимали преимуществ от этого применения.

Но распространяя формулу среди кровопийц с помощью членов криминальных сообществ, они преследовали сразу две цели: новое возгорание насилия среди белокожих – простейший шаг к самоистреблению. И та же война, а значит, закупка автоматического оружия у южноамериканских картелей, контролирующими оптовые поставки на чёрном рынке в периоды военных конфликтов и мирное время.

Война во все времена приносила прибыль сильным мира сего. И грядущая вряд ли станет исключением из правил.

– Война? – Владимир скривил губы в усмешке.

– Да, князь, это похоже на резню....

Трое из верхушки второсортных сидели за столом, с интересом наблюдая за игрой своего господина с питомцами. Владимир с отрешенным видом смотрел в незажженный камин.

– Речь идёт не о существах, подобных нам, – блеснул клыками наиболее преданный из троицы. – Это простые люди, жаждущие долголетия и власти. Люди с белой кожей убивают себе подобных....

Владимир, зловеще улыбаясь, вспомнил «шоколадную пару», не так давно присутствующую в этом зале. Их привёл... Адриан.

– Ну как же – своеобразная война за чистоту расы, – прошептал он. – Что ещё?

– Власти и военные не контролируют ситуацию.

– И...?

– Что делать нам? – второсортный прокашлялся в кулак. – Замок неприступен, но осадное положение не избавит нас от голода, голода по человеческой крови. Поэтому нам необходимо знать, что нам делать, князь?

– Ждать! – Он добавил что-то шёпотом. Мыши сорвались с него, улетая через проём окна. Из-под потолка за лидерами последовала основная масса кровопийц. – Или искать союзников....

– В смысле? – Второсортные, напуганные манипуляциями с летучими мышами, смотрели на Владимира вопросительно.

– Сильный союзник – полпобеды в войне. – Он поднялся с трона. – А сейчас идите, мне надо подумать.

Владимир открыл контейнер с концентратом. Запасов «знания» вряд ли хватит на неделю осады.

Сильным союзником являлись Надя и Вера. В лагере последней Владимир имел своего человека, запутавшегося и нуждающегося в нём.

*

Всколыхнувшаяся волна насилия среди населения культурной Европы загнала людей в осажденные здания, подвалы домов. Ставшая общедоступной формула «знания» погрузила одну из самых цивилизованных частей старого света в хаос, граничащий с апокалипсисом.

По улицам городов шатались обезумевшие «потребители крови». Они убивали, обескровливали, готовили «знание», молодели и делали всё это снова и снова. Их боялись второсортные и небелокожие, но ни первые, ни вторые не интересовали потребителей.

Военные применяли лишь оружие с резиновыми пулями и газы. Это не спасало. Стоял вопрос о вводе групп, использующих боевое оружие в точках масштабного сопротивления военным. Этические нормы и бюрократия тормозили ход этого действия.

А пока Европа тонула в крови.

Вера и её спутники укрылись в отеле, наполненном отдыхающими, в нескольких улицах от пансионата, где они пребывали до этого. Пара километров до порта, с которого уходили один за другим корабли, лайнеры и прогулочные яхты. Люди покидали Европу. Тотальный контроль беженцев. Особое внимание к белокожим.

Троица относительно удобно расположилась: отель переполнен отдыхающими со светлым цветом кожи и паника только от происходящего за стенами, а не от пропажи людей внутри здания. Именно ужас от исчезновения людей в доме отдыха заставил компанию перебраться в этот отель.

Концентрата было предостаточно. Только иногда Вера со спутниками баловали себя свежеприготовленным «знанием». Необходимо было поддерживать Веру в надлежащем виде. Ее болезненный вид объяснялся комплексом заболеваний: аллергиями на местные растения, клаустрофобией и паническими страхами... Отдыхающих это не волновало, лишь бы не передавалось воздушно-капельным путём.

– Земля умылась кровью... – Вера стояла возле окна, закутавшись в плед.

Непонятно, кому она это сказала: себе, греющейся возле камина паре, летучим мышам, парящим возле окон, луне и звездам, а может, еще кому-то...

И, тем не менее, Вера отказывала Александрам в отъезде через порт, пока ещё не запрещённом. Паника порождала

разнообразные слухи. Вера ждала. Интуиция говорила: спасение рядом.

*

Спасение было не в лице армии и властей. Надя. Она неизменно двигалась к месту нахождения матери. Сейчас она чувствовала её остро, как никогда. Приблизиться к Вере «заблудшая» дочь смогла на расстояние в несколько кварталов. Ей казалось это достаточным.

А спасение заключалось в увлечении Надей бабкиными картами, алхимией деда, черной магией, потусторонним и ещё сам чёрт не знает чем.

Она, слезливо просясь, проникла в дом семьи бывшего военного. Гипноз, связанные тела – потенциальные жертвы. Новая кровь. Свежая кровь.

Вечерело. Карты. Расклад за раскладом. Подготовка к грядущему.

Надя зажгла свечи в огромной гостиной и рисовала на паркете круги нескольких пентаграмм. Звёзды, ромбы, пересечённые диагонали линий, демонические силуэты. Слова на мёртвом латинском и заклинания ещё на нескольких забытых миром языках. Она спешила – ночь не бесконечна...

Где то за окном бились о стены летучие мыши, но Надю это не беспокоило. Предстоящее было настолько жизненно важно, что её не трогало даже «нытьё» пленников в соседней комнате, что там какие-то мыши со своим хозяином...

В полночь она начала. Летучие мыши, забыв о своём на-

значении, пища, покидали территорию дома. Демонический шёпот на их частоте рвал перепонки. Шёпот расслаивался на разноголосье и разные языки. Сливался снова воедино и распадался снова.

Тела летающих кровопийц падали на газон. Единицам удалось спастись.

*

Популярность «знания» прекратилась следующим днём. Для кого-то уже ранним утром оно стало не просто ненужным, а омерзительным. Употребившие не только не получали ожидаемого эффекта омоложения, восстановления сил и всего прочего – их рвало, с мучительными спазмами выворачивало на изнанку.

Вся масса потребителей «знания» затихла в ожидании старения и смерти. Они атаковали неприступные аптеки и больницы, ставшие для них единственным спасением. Но медицинские учреждения оставались непреклонными, не потому что не хотели помочь – не знали как. Организм, употребивший хоть раз «знание», нуждался именно в нём. Или в крови. Но о последнем не могло быть речи – банки крови были пусты. Помощь военным и гражданским, пострадавшим от насилия, опустошила их.

На помощь в безвыходной ситуации пришли разжигатели кровавой войны. Они дали понять потребителям «знания», что метод графа Дракулы никто не отменял.

Самоистребление белокожей расы в Европе перешло к но-

вой фазе. Более простой и менее научной. Насилие всколыхнулось с новой силой. Кровь полилась рекой....

*

Кельтский замок опустел. Преданные в прошлом второсортные разбавили ряды себе подобных, выйдя на улицы. Зачем им князь?

Владимир полулежал на троне. Его только что вывернуло наружу. Третий раз он пробовал «знание». Безрезультатно. Забитая неподалеку от замка жертва свежей кровью подтвердила бесполезность субстанции.

Перед этим был концентрат – он вызвал аналогичный эффект. Ещё никогда Владимиру не было так плохо. Физически и эмоционально.

Он терзал себя внутренне за предательство, переоценку собственных сил и неучтенные способности всех своих оппонентов.

Власть так часто слепит пришедших к ней, что заставляет их делать незрячие поступки. Владимир был ещё не готов к браздам правления. Он до сих пор тот же блестящий офицер вековой давности. Пылкий любовник и дуэлянт.

Но взлет и падение – колоссальный опыт. Главное – подняться и выстроить новую лестницу восхождения.

Он не мог уподобиться второсортным и, выйдя на улицу, банально вскрывать шеи и высасывать кровь. Он выше этого.

Стоны прекратила влетевшая в окно стая летучих мышей. Они облепили тело Владимира.

– Вы...? Единственные преданные...

Маленькие кровососы пили кровь падшего кровопийцы.

Странно – самочувствие князя улучшилось.

– Кровопускание, Вера, все-таки кровопускание! – усмехнулся устало прислушивающийся к пisku облепивших его слуг Владимир.

Он подошёл к окну. Мыши суетились на теле светящегося в кровавом свете заката князя.

– Неплохой ход, Надя, неплохой... – его морщинистое лицо «разрезала» зловещая улыбка.

*

Надя отточила свои навыки гипноза на двух военных, дежуривших возле отеля. Они пропустили ее, пожелав хорошего отдыха. Так, словно курортная зона не была похожа на территорию, покидаемую военными во время отступления.

Вера и компания были в плачевном состоянии. Лицо матери напоминало предсмертную маску тяжелобольного. Влюбленная пара выглядела чуть лучше.

Надя устремилась к Вере.

– Дочь!? Ты как здесь? – глаза ее застланы пеленой.

– Пей! – Надя поднесла сосуд к губам матери.

– Всё бесполезно... – Вера прервалась на звук, вырвавшийся со спазмами рвоты из Александры. – Оно не действует!

– Просто молчи и пей! – Надя властно повысила голос.

Она любовалась лицом матери, как это делают мастера

Make-up, глядя на свои шедевры. Эффект был мгновенным. На Надю смотрели удивленные глаза... девушки.

– Он еще быстрее? – девичье лицо Веры выражало удивление.

– Да, мама. – Надя, не отворачиваясь от дорогого ей человека, протянула колбу сидящему за ней Александру.

*

Хаос поглотил европейский континент: беженцы уходили в Азию. И морем отплывали в неизвестность – карантин: в нейтральных водах корабли задерживали ВМС коалиционных стран. Недели хватало для выявления просочившегося на борт кровопийцы.

Выездной контроль в портах Европы выявлял кровососущих, задерживая их и локализуя.

Коалиция с терпимостью принимала беженцев. Никто не хотел подобного хаоса на территориях своих стран.

Основным фактором, отличающим от простых людей, являлись острые клыки и болезненный вид кровососущих. Подозрительные лица помещались в складских ангарах портовых доков. Нелюди выявлялись в течение двух дней в условиях локализации.

Клыки членов обновленного сообщества были как у обычных людей. А новое «знание» делало их молодыми и здоровыми. Даже чересчур. Они выделялись из толпы, утомленной всеобщим хаосом, паникой и процедурой отплытия.

Несколько омрачилось настроение и в сообществе: про-

гулочный лайнер заполнен представителями негроидной расы. Перед бедой все равны. Веру с Надей потряхивало от основной массы присутствующих на судне. Члены сообщества новой формации – Александры – не реагировали подобным образом, их подсознание не было ещё столь чувствительным к разнице визуального восприятия простых смертных, зависящей от цвета кожи.

Команда лайнера была белой. Что несколько скрасило настроение в компании молодого человека и трех привлекательных девушек.

Вечер. Красивый закат. Солнце зажигает море и небо ярко-алым светом. Таким же цветом окрашивает белый корпус судна и надпалубных надстроек. Две молодые девушки возле спасательной шлюпки.

– Ты уверена, что всё делаешь правильно? – Надя поправляла сбившийся локон Веры.

– Ты насчёт этой парочки? – Вера, задумавшись на секунду, взглянула в глаза дочери. – Да! Саша – наш козырной туз в рукаве в одном деле. А мужчина....

– Мама! – реакция Нади на мечтательный взгляд матери.

– А мужчина в сообществе просто необходим. – Вера выпустила дым сигареты в теплый солоноватый воздух. – Ты же знаешь, с какими трудностями связано наше существование....

– Что говорит твоя интуиция?

– Мы движемся к трудностям, но худшее позади, – Вера

улыбнулась. – А что говорят твои карты?

Надя не успела ответить. Раздался крик над их головами.

– Птицы?

– Так далеко от берега?

Кричащее существо пролетело совсем близко, цепляя крылом радиоантенну.

– Мыши!

– Летучие мыши? Но это совсем невозможно... – Надя замолчала, ощутив предупреждающее касание руки матери.

Они двигались к корме судна. Возле накрытого неиспользуемого бассейна в шезлонге сидело существо. Оно шевелилось. Света ушедшего солнца не хватало. Луна скрыта в движущихся навстречу лайнеру тучах. Держась за руки, девушки подошли ближе.

– Ты только посмотри на него! – В свете загорающегося освещения лайнера Вера разглядела то, что сидело перед ними. – Он нашёл себе новых друзей.

Надя закусила губу. Пожилой человек, обвешанный маленькими копошащимися животными, со слезой в выцветших глазах смотрел на неё.

– Поможем ему, ведь он умрёт!?

– В муках рождается существо человеческое... – Вера усмехнулась, прикуривая сигарету.

– А не ты ли говорила о необходимости мужчин в нашем сообществе?

По лицу Владимира, оббегая морщины кожи, стекали слё-

зы. Мыши, сидящие на нём, застыли, слушая диалог двух демонов в красивой оболочке.

– Не переживай, они не дадут ему умереть. – Вера погладила голову прижавшейся к ней дочери. – А мы посмотрим, станет ли он гораздо низшим существом до прихода в порт назначения. Терпение никогда не убивало ждущего... Пойдём, дорогая!

Надя, уходя под ручку с матерью, долго оглядываясь, смотрела на Владимира.

Князь с силою стиснул зубы, оставшись один. Ухмылка едва тронула морщины его лица. Маленькие кровопийцы прижались к Владимиру, грея его мерзнувшее тело в двадцатиградусном тепле ночи.

*

Лайнер застрял в нейтральных водах.

Новости из Европы были тревожные. Применялось боевое оружие. Коалиция предлагала властям находящимся в хаосе государств помощь. Страны Бенилюкса и остальная Европа отказывались, гордо подняв голову, выражая подобным образом протест на негласное признание коалицией части европейского континента изгоями.

Карантин не выявил на лайнере кровососущих. Несколько омрачила пропажа одного из членов экипажа. Молодой стюард исчез ночью за несколько часов до выхода из нейтральных вод. Контролирующие службы коалиции сочли это никак не связанным с происходящим бедствием в Европе.

На пути к Африке пропало еще два члена экипажа. Моряки внешним видом не показывали паники, происходящей внутри экипажа. Беженцы, не знающие о пропажах, заметно расслабившись, ожидали прибытия в порт неотягощенного хаосом континента.

Они прибыли ночью. Команда лайнера буквально согнала беженцев с борта. Экипаж не досчитался одной из уборщиц кают. Восточная Африка.

Толпа, встречающая прибывших, «разобрала» пассажиров, и общая масса растворилась во тьме. Именно растворилась: освещение порта желало лучшего, а сочетание цвета кожи африканцев и темноты естественно.

Возле ветхой портовой гостиницы – компания молодых людей и человек, держащийся гордо и властно, несмотря на свой возраст. Африканская семья обслуживала постояльцев и проживала здесь же.

Компания задержалась на ресепшене. Некоторых из них трясло во время оформления документов.

– Не подумайте, мы не расисты, – голос Веры был мягким, а улыбка доброжелательной, – нам просто хотелось бы жить среди себе подобных....

– Поверьте, мне хотелось бы того же. – Девушка скривила пухлые губы, выдавая ключи новым постояльцам, комкая свой английский. – Но на сотни километров вы найдёте только одиночество....

– А за этим расстоянием? – поинтересовалась Саша, переглянувшись со стоящим сбоку Владимиром.

– Там – да... – девушка пожалала плечами. – White town, километров двести с лишним отсюда. Там живут белые.

Вздыхнув облегченно, компания отправились на ночлег. Под крики птиц и мышей они заснули в тесных комнатах легкой постройки.

Уезжали засветло: солнце пагубно влияло на них, особенно в момент нехватки свежей крови. Обещанно освеживший Владимир занялся поиском автомобиля.

Цвет кожи водителя старого микроавтобуса без окон – фиолетово-черный. Он необщителен. Это и не требовалось. И к счастью для большей части сообщества, кабина водителя отгорожена от пассажирских мест фанерой.

Знание английских цифр или понятие километров у местных жителей абстрактно: дорога заняла весь день.

Рядом с водителем ехал Александр, нашедший с ним общий язык. Разговорились они на подъезде к городу. Прощались уже в сумерках.

Кричали ночные птицы или животные. Масса запахов, исходящих от тропических деревьев и растений. Липкая «паутина» на не привыкших к влажности телах. Голод и ожидание в глазах.

Водитель указал на свет, мерцающий впереди. Из-за плохих отношений с поселенцами он отказался доставить компанию прямо в пункт назначения.

– ... Да это, скорее, не город – поселение. Минимум удобств; они ещё дальше, чем мы, от цивилизации. – Водитель усмехнулся, вспомнив что-то забавное. – Дикари, одним словом....

– Как... дикари? – Александр не сразу собрал смысловую мозаику из услышанного, видимо, от пережитой в дороге жары. – Это же белые люди?

Африканец рассмеялся белоснежной улыбкой.

– Это изгой....

– И...?

– Не европейцы это – альбиносы. Они такие же, как и я, только с белой кожей....

– Нет!

Женский крик остановил речь водителя и дал ему импульс к движению. Автобус, светя огнями габаритов, быстро удалялся.

Веру посадили под дерево.

– Что, что он сказал? – Вера оттолкнула руки, придя в себя.

– Альбиносы....

По дороге к поселению Саша рассказала всё, что знала о «прозрачных».

– Существует несколько противоречивых версий появления их на свет: воля божья, инцест... – Она невольно оглядывалась на Владимира: взгляд человека, давно не видевшего близкого родственника. – Среди некоторых из них бытует

мнение, что они не часть мира человеческого, а часть мира духов....

– А инцест? – Для Нади не остались незамеченными взгляды Владимира на Сашу.

– Это, скорее всего, от гонений: из-за нехватки половых партнёров они вынуждены заниматься сексом с близкими родственниками.

– Гонения? – Вера прислушалась к непривычным звукам ночи. – Здесь мы схожи с ними, может, на этой почве найдем общий язык, построим отношения....

– Да, но альбиносов ловят «классические негры», рубят их на куски и съедают как лекарство, согласно поверью, – прислушалась к необычному в атмосфере и Саша. – Для охотников это прибыль. Говорят, местные знахари и колдуны выкладывают за отдельные части плоти – глаза, языки, конечности – бешеные деньги, сравнимые с заработком местного за двадцать-двадцать пять лет жизни.

– Ужас какой-то... – Надя наткнулась на остановившегося перед ней Александра.

Перед компанией стояли три белых существа. За спинами – свет от костров. Нательные накидки. В руках копья и ножи. Зловещий блеск глаз. Словно приведения в тропических сумерках.

Вера протянула к ним открытые ладони в жесте приветствия добра и мира.

Не ради смерти кровь течет, а жизни продолжая...

2017

Права на использование обложки издания предоставлены издательством "Супер Издательство".

ISBN 978-9949-81-856-3